

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1

по версии New York Times

САРА ДЖИО

Утреннее сияние

Эталон современной
романтической прозы.

The Observer

Annotation

Печальные события в жизни Ады Санторини вынуждают ее уехать на другой конец страны и поселиться в очаровательном плавучем домике на Лодочной улице. Жизнь на озере кажется настоящим приключением, а соседи становятся близкими друзьями. Но однажды Ада находит на чердаке сундук, в котором покоятся свадебное платье, записная книжка и несколько фотографий. Ада рассказывает о своей находке соседу Алексу, и он ее предупреждает: вероятно, сундук принадлежал девушке по имени Пенни, которая когда-то жила в доме Ады. Но Пенни пропала много лет назад, и старожилы Лодочной улицы не любят вспоминать эту историю. Однако вещи многое могут рассказать о своем хозяине. Изучив «сокровища», которые остались от Пенни, Ада понимает, что за ее исчезновением кроется нечто особенное...

- [Сара Джио](#)
 -
 - [Предисловие автора](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
-

Сара Джо

Утреннее сияние

Посвящается Анне и всем одиноким женщинам с разбитым сердцем. После дождливого дня всегда появляется солнце. Попробуй найти свой собственный путь в жизни.

Sarah Jio

Morning Glory

Copyright © Sarah Jio, 2013

© Бологова В., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Э», 2016

Предисловие автора

Сейчас, когда я пишу эти строки, я сижу в своем плавучем домике на озере Юнион в Сиэтле и смотрю в окно. Пасмурно. Дождь льет как из ведра. Он стучит по водной глади, по крыше, и дождевые струи от порывов ветра бьются о стекло. Я очень люблю бывать здесь, на озере. Из окна видны плавающие утки, моторка и каяк, отважно бросающий вызов непогоде. В моей душе царят покой и гармония.

Когда я только начала этот роман, я плохо себе представляла его фабулу. Знала только, что обязательно должен присутствовать этот плавучий домик у берегов озера Юнион в Сиэтле. Я родилась в Сиэтле и всегда была поклонницей этих плавучих домиков (конечно же, на мое пристрастие повлиял трогательный фильм «Неспящие в Сиэтле», который придал этим странным сооружениям еще большее очарование). Много лет назад, будучи еще совсем молодой журналисткой, я написала статью об особом стиле жизни в плавучих домиках. С тех пор я никогда не забывала свое самое первое сильное впечатление от знакомства с этими уникальными строениями. Женщина, которая любезно пригласила меня в свой дом (открыв дверь с большим отверстием внизу для уток), рассказала мне о жизни на озере, о том, как плавно покачиваются домики на волнах от порывов ветра, о волшебной способности озера успокаивать и убаюкивать. Но больше всего мне запомнился рассказ о том, как дружно, словно одна большая семья, живут здесь люди, как соседи в случае необходимости помогают друг другу и умеют хранить чужие тайны, как самые верные и преданные друзья.

Полагаю, что эта история началась именно в тот день, когда я впервые шагнула внутрь маленького плавучего домика. С тех пор мне безумно хотелось самой жить в таком домике на озере. Но моя семья увеличивалась, и мы с мужем решили, что растить троих сыновей в крошечном плавучем домике не лучшая идея. (Только представьте себе трех сорванцов, играющих на маленьком причале!) Поэтому мы отложили нашу мечту до лучших времен. По крайней мере, до сентября 2012 года.

Мой муж знал, что я начала писать о плавучем домике в своем романе, и, пока я лелеяла мечты снять такой домик на выходные для более глубокого изучения обстановки, он удивил меня крайне неожиданным предложением. Почему бы, сказал он, не снять такой домик на более

продолжительное время? Я могла бы использовать его в качестве своего рабочего офиса и по-настоящему прочувствовать все прелести и трудности жизни на озере.

Моим самым первым желанием было сразу же отказаться. На первый взгляд это предложение показалось мне необдуманном и связанным со слишком большими расходами. Но чем больше я об этом думала, тем больше мне нравилась эта фантастическая идея. Ведь и в самом деле, как еще я могла узнать о тонкостях и деталях быта, об истории и жизни местного сообщества, об обитающих там людях и их маленьких тайнах?

Итак, мы отправились на поиски домика, который можно было бы снять, и уже через несколько секунд я безнадежно влюбилась в один из них. Это был дом моей мечты – со спальней на чердаке, с настоящим иллюминатором, с палубой, устроенной на крыше, откуда открывался фантастический вид на Космическую иглу^[1], и довольно своеобразной, но полностью укомплектованной кухней. Мы с мужем без раздумий подписали арендный договор сроком на четыре месяца.

Я никогда не смогла бы написать эту книгу, если бы не время, проведенное на озере Юнион, среди удивительно дружелюбных и милых людей. Здесь все поддерживало и вдохновляло меня – от парочки диких уток, устроивших гнездо на моей палубе, до доброго отношения со стороны соседей.

Остается еще несколько недель, которые мне предстоит провести в плавучем домике до того, как закончится срок аренды. Ненавижу мысль о том, что мне придется его покинуть. Здесь я смеялась и плакала. Под этой крышей я приобрела новых друзей и еще больше оценила старых. Именно здесь я ощутила удивительное состояние душевной гармонии и буквально влюбилась в обитателей плавучих домиков.

Но скоро придется прощаться. Через несколько дней я поставлю последнюю точку в этой книге, поверну ключ в замке двери и скажу «прощай» любимой Лодочной улице, как я ласково называла ее и в реальной жизни, и в романе. Но даже тогда и сам причал и история, которую я сочинила здесь, навсегда останутся в моем сердце. Плавучий домик под номером семь. Генриетта и Хейнс. Малыш Джимми. Пенни и Колин. Алекс и Ада. Я представляю себе, как они на прощание машут мне руками, пока я медленно бреду по причалу. Пройдут годы, но я знаю, где всегда смогу найти их.

Глава 1

Сиэтл, 12 июня 2008 года

Я ступила на старый причал, и он будто бы издал протяжный стон. Сгущались сумерки, но над моей головой раскачивались гирлянды из лампочек, они освещали дорогу.

Что там сказала по телефону женщина из арендного бюро? Седьмой плавучий домик слева? Точно. По крайней мере, мне так кажется. Я покрепче ухватила свой чемодан и медленно пошла вперед. Рядом плавно покачивалась на воде яхта, пришвартованная к двухэтажному плавучему домику с верхней палубой на крыше и кедровой обшивкой, от сырости и ветров ставшей грязно-серой. На передней палубе на столе тускло мерцал фонарь, но через пару секунд язычок пламени погас – возможно, от ветра или его кто-то затушил. Я живо представила себе, как обитатели этого жилища выглядывают из темных окон, наблюдая за мной и перешептываясь: «Вот она, – говорят они, – наша новая соседка».

– Я слышал, она из *Нью-Йорка*, – с ухмылкой произносит кто-то из них.

Я ненавижу эти тихие перешептывания, любопытные взгляды. Именно нездоровое любопытство к моей персоне и заставило меня покинуть *Нью-Йорк*. «Бедняжка, – месяц назад услышала я слова коллеги, вышедшей из лифта в здании офиса. – Не представляю, как ей удастся спокойно вставать по утрам после всего, что случилось. Если бы со мной такое произошло, я, наверное, не смогла бы больше жить». – Я вспомнила, как пугливо пряталась в холле, пока она не повернула за угол. Я бы не вынесла ее сочувствующего и жалостливого взгляда. А иногда в глазах таких «доброжелателей» можно было даже заметить ужас. В *Сиэтле* мое прошлое будет надежно спрятано под покровом облаков.

Я затаила дыхание и вскинула голову, когда где-то вдалеке услышала скрип дверных петель. Остановилась на мгновение, готовясь к встрече с неизбежным. Однако мне удалось различить лишь каяк, медленно скользящий по глади озера, – другого движения поблизости не наблюдалось. Единственный пассажир лодки приветливо кивнул мне и словно растворился в лунном свете. Причал слегка качнулся на волне, и я пошатнулась, пытаясь удержать равновесие. *Нью-Йорк* далеко от *Сиэтла*, и

у меня еще немного кружилась голова после долгого полета через весь континент. Я замедлила шаг и в который раз задумалась: а стоило ли затевать все это?

Я прошла мимо двух других плавучих домиков. Один был серого цвета с застекленными створчатыми дверями, выходившими на север, а на крыше его красовался флюгер. Следующий был желто-коричневый, с цветочными контейнерами на окнах, в которых цвели пышные кусты герани. Палубу перед входом украшали различные вазы и клумбы, и я остановилась, чтобы полюбоваться голубыми гортензиями, растущими в терракотовом горшке. Кто бы ни были обитатели этого жилища, они, несомненно, искусные садоводы. Я подумала о садике, который я устроила на балконе своей квартиры в Нью-Йорке, – это был простой ящик для растений, где я посадила листовую свеклу и базилик для... Я закусила губу, снова почувствовав прилив тоски, но фонарь на веранде дома номер семь вернул меня к действительности. Я остановилась, чтобы как следует рассмотреть дом, которому суждено было стать моим новым жилищем. Он располагался на самом краю причала и гордо покачивался на волнах, словно бросая вызов всем моим страхам. Его покрывала потемневшая кедровая обшивка, а на втором этаже был открыт иллюминатор. Я не смогла сдержать улыбку: все было точно так, как описано в рекламном буклете. Я облегченно вздохнула.

Итак, я здесь, и я одна...

Пытаясь открыть дверь ключом, я почувствовала волнение, а ноги внезапно стали ватными, и, когда дверь наконец открылась, я упала на колени, обхватила голову руками и зарыдала...

Три недели назад

Уже девять утра, и лучи нью-йоркского солнца, льющиеся сквозь окна кабинета доктора Эвинсона на восьмом этаже, настолько ослепительны, что я прикрыла глаза ладонью.

– Простите, – говорит он, указывая на ставни, – вас беспокоит свет?

– Да, – отвечаю я. – Впрочем, нет, я просто... – На самом деле меня смущали не лучи солнца, а то известие, которое мне предстояло ему сообщить...

Я вздохнула и выпрямилась в пышном кресле в бело-зеленую полоску. На стене красовалась фотография Мика Джаггера в рамке с подписью певца. Я улыбнулась про себя, вспоминая, как в первый раз вошла в

кабинет доктора Эвинсона год назад, ожидая увидеть черную кожаную кушетку и чисто выбритого человека в строгом костюме, который будет ободряюще кивать мне всякий раз, как я буду подносить платок к увлажненным слезами глазам.

По словам жены моего брата, Джоани, он самый востребованный психотерапевт на Манхэттене. Среди его пациентов был и Мик Джаггер – теперь понятно, откуда эта фотография, – и прочие знаменитости. После смерти Хита Леджера^[2] его бывшая жена Мишель Уильямс посещала доктора Эвинсона каждую неделю. Я точно об этом знаю, потому что видела ее как-то раз, когда она сидела в приемной, небрежно листая номер «Ю-Эс викли». Однако список известных клиентов доктора не слишком меня впечатлил. Честно говоря, я всегда ужасно боялась психотерапевтов, боялась того, что им удастся вытащить из меня, а самое главное, того, что они могут заставить меня *почувствовать*. Но все же Джоани уговорила меня пойти на прием. Впрочем, уговорила – это мягко сказано. Однажды утром она назначила мне встречу в ресторане на первом этаже дома, где находился офис доктора Эвинсона, а затем погрузила в лифт и доставила на восьмой этаж. Когда я дошла до его приемной, меня охватило непреодолимое желание развернуться и уйти, но меня остановили слова секретарши за стойкой: «Вы, должно быть, пациент, которого доктор Эвинсон ожидает в девять».

Я с большой неохотой вошла в кабинет, и взгляд мой упал на полосатое кресло, в котором мне придется сидеть каждую пятницу с девяти часов.

– Вы, наверное, ожидали увидеть кушетку, не так ли? – спросил доктор Эвинсон с обезоруживающей улыбкой.

Я кивнула.

Он слегка покрутился на стуле, поглаживая седую бородку.

– Никогда не доверяйте психотерапевтам, укладывающим пациентов на кушетки.

– Хорошо, – сказала я, опускаясь в кресло. Мне невольно вспомнилась когда-то прочитанная статья о научных спорах в отношении кушетки как инструмента психотерапии. Фрейд предпочитал сидеть за головой пациента, который обычно лежал перед ним на кушетке. Очевидно, он не был поклонником визуального контакта. Тем не менее другие мозгоправы, включая доктора Эвинсона, считали, что работа с пациентом с использованием кушетки крайне непродуктивна и не дает пациенту раскрыться. Эту точку зрения разделяли многие специалисты, считая, что такое положение создает впечатление доминирования психотерапевта над

пациентом и напрочь устраняет возможность настоящего диалога и какой-либо осмысленной обратной связи между ними.

По поводу своего отношения к кушетке ничего определенного я сказать не могла, но почему-то все равно чувствовала себя не в своей тарелке в кабинете доктора. Тем не менее я заставила себя сесть в мягкое кресло, утопая в пышных подушках. Прикосновение бархатистой ткани было неожиданно приятным, словно вокруг меня сомкнулись ласковые объятия. Слова полились из моих уст сами собой, и я рассказала психотерапевту все.

Я откинула голову на мягкую подушку.

– Вы все еще страдаете бессонницей? – спросил он.

Я пожала плечами. Доктор прописал мне снотворное, которое, надо сказать, немного облегчало мое состояние. Но тем не менее я все еще каждое утро просыпалась в четыре утра и лежала с широко открытыми глазами, а сердце по-прежнему сжимала сильная боль. И ничто не могло избавить меня от этого мучительного состояния: ни антидепрессанты, ни успокоительное, ни валиум, которым меня напичкали в больнице в тот день, когда мой мир изменился навеки. Ничто не могло принести избавления от боли, одиночества и ощущения, что я навсегда стала чужой в этой жизни.

– Вижу, вы что-то от меня скрываете, – произнес доктор.

Я отвела взгляд.

– Ада, в чем дело?

Я лишь покачала головой.

– Вам это не понравится. – Я уже знала, что его молчание означает, что я должна продолжать. Я глубоко вздохнула. – Подумываю о том, чтобы уехать из Нью-Йорка.

Доктор удивленно поднял брови.

– И почему же?

Я потерла лоб.

– Все дело в воспоминаниях, – ответила я. – Это просто невыносимо. Я больше не могу... – Я была готова разрыдаться, хотя не плакала в этом кабинете вот уже несколько месяцев. Я уже было подумала, что лечение помогло мне, и я, как выражается доктор Эвинсон, достигла определенного уровня – плато. До настоящего момента я чувствовала себя довольно уверенно.

– Если я уеду, – произнесла я дрожащим голосом, – если я уеду, возможно, я забуду свою боль. Может быть, я... – В отчаянии я закрыла лицо руками.

– Что ж, хорошо, – произнес доктор Эвинсон, который всегда умудрялся найти положительные моменты при всех поворотах беседы. – Перемены могут пойти вам на пользу. – Он кивнул, когда я наконец отняла руки от лица, но в его глазах я заметила тень скептицизма, что, собственно, и мне самой было не чуждо. Эта ситуация в психологии называется «дерись или убегай», она не раз случалась во время наших сеансов, но я, как правило, не поддавалась на эти провокации.

– Давайте поговорим об этом, – продолжал доктор. – Итак, вы действительно хотите уехать из дома, бросить работу? Я же знаю, как важно для вас и то и другое.

В прошлом месяце меня назначили заместителем главного редактора журнала «Санрайз», и, таким образом, в свои тридцать три года я стала самым молодым сотрудником, занявшим эту должность. На прошлой неделе от лица своего журнала я делилась с телезрителями советами по поводу путешествий всей семьей в программе Мэтта Лоуэра «Тудэй шоу». *Надо признать, что, несмотря на блестящие успехи в карьере, моя личная жизнь, уничтоженная два года назад, напоминала засохшее дерево.*

Где бы я ни находилась: дома у окна или в маленьком кафе на Пятьдесят шестой улице, – воспоминания преследовали меня, разрывая душу. Они словно нашептывали: «Помнишь, какой совершенной была твоя жизнь? Помнишь о счастливых временах?»

Я поморщилась и взглянула доктору Эвинсону прямо в глаза.

– Мои дни заполнены работой – я тружусь не покладая рук, – произнесла я. – Но работаю я вовсе не потому, что мне это нравится. Хотя раньше я действительно получала от этого удовольствие. – Слезы снова навернулись на мои глаза. – Впрочем, все это не имеет ровным счетом никакого значения. Я чувствую себя словно ребенок, который изо всех сил старается создать прекрасное произведение искусства на школьном уроке рисования, но когда приносит этот шедевр домой, его просто некому показать. – Я вскинула руки. – Когда рядом никого нет, какое все это имеет значение? – Я смахнула слезы. – Мне надо уехать из этого города, доктор Эвинсон. Я уже давно это понимаю и больше не в силах здесь находиться.

Он задумчиво посмотрел на меня. Я подумала, что он меня понял.

– Значит, вы думаете, что это хорошая идея? – спросила я прерывающимся от волнения голосом.

– Думаю, в этом есть определенный смысл, – ответил доктор после недолгого раздумья. – Но лишь в том случае, если у вас действительно есть веские причины для отъезда. – Он внимательно смотрел на меня понимающим взглядом, который, казалось, проникал в самую душу. – Но

вы же пытаетесь убежать от боли, не так ли, Ада?

Я была уверена, что он обязательно задаст этот вопрос.

– Возможно, – честно призналась я, смахивая со щеки слезу. – На самом деле я больше не хочу страдать. – Я покачала головой. – Это становится невыносимым.

– Ада, – продолжил доктор, – вам придется смириться с мыслью, что, возможно, вы будете испытывать страдания всю свою жизнь. – Его слова были словно удары тупого ножа, но я знала, что придется выслушать до конца. – Одна из задач нашего с вами общения – это помочь вам жить с этим горем, сделать так, чтобы вы могли справиться со своими эмоциями. Меня беспокоит то, что вы пытаетесь как будто отдалиться от этой боли и убедили себя, что страдание живет лишь в Нью-Йорке, тогда как на самом деле оно прячется здесь. – Он прижал руку к сердцу.

Я отвела глаза. Он был прав, и все же...

– И куда же вы направитесь? – спросил он, чуть помедлив.

– Пока не знаю, – ответила я. – Куда-нибудь подальше от этого города.

Он откинулся на спинку стула, запустил пальцы в волосы, а потом сцепил ладони.

– У моей дочери в Сиэтле живет подруга, у которой есть плавучий домик. Она хочет сдать его в аренду.

– Плавучий домик? – Я удивленно вскинула брови. – Как в том фильме с Томом Хэнксом и Мэг Райан?^[3]

– Ну да, – произнес он, вытаскивая визитную карточку из ящика письменного стола. – Она приезжала навестить мою дочь и приглашала нас с женой к себе погостить.

– Даже не знаю, – прошептала я. – Я-то думала отправиться куда-нибудь в теплые края. Но ведь в Сиэтле постоянно идут дожди?

– Вы же знаете, что говорят о дожде, – с улыбкой произнес доктор. – Это божьи слезы.

– Значит, будет кому поплакать со мной вместе, – сказала я, честно пытаюсь улыбнуться.

Он протянул мне карточку, на которой я прочитала имя: «Роксанна Уэнтуорт».

– Благодарю вас, – сказала я, убирая ее в карман и поднимаясь из кресла.

– Помните, что я сказал, – напомнил мне доктор Эвинсон, снова указывая на сердце. Я кивнула, молясь в душе, чтобы он оказался не прав, потому что у меня просто не было больше сил испытывать такие муки. Мое сердце не выдержит, если боль не утихнет.

Один гудок, затем второй. Я уже расхотела звонить. Внезапно идея уехать из Нью-Йорка показалась мне безумной. Бросить работу? Переехать в Сиэтл? Жить в плавучем домике? Я уже собиралась прервать вызов, когда услышала в трубке приветливый голос.

– Это офис мисс Уэнтуорт. Чем могу быть полезна?

– Здравствуйте, – неуверенно произнесла я, пытаюсь взять себя в руки. – Это говорит... Меня зовут Ада Санторини, и мне хотелось бы узнать... насчет плавучего домика, который вы сдаете.

– Санторини, – произнесла женщина. – Какая красивая фамилия. Я знала семью с такой же фамилией, когда училась в Милане. Вы, должно быть, итальянка?

– Нет, – я поспешила ее разуверить. – Я имею в виду, это фамилия мужа... то есть... Послушайте, у меня такое впечатление, что вы уже сдали этот домик.

– Вовсе нет, – сказала женщина. – Он свободен с начала месяца. И он совершенно очарователен, хотя я уверена, что вы об этом уже знаете, потому что наверняка видели его фотографии на сайте.

– Фотографии?

– Ну, конечно, – ответила она и зачитала веб-адрес, который я тут же ввела в поисковую строку в компьютере. Дверь в моем офисе была приоткрыта, и оставалось только надеяться, что любопытная стажерка в соседнем отсеке не прислушивается к разговору.

– Вот это да! – воскликнула я, просматривая фотографии. – Действительно, он просто прелесть.

Может быть, доктор Эвинсон все-таки ошибается. Может, я смогу убежать от боли. Я чувствовала, как бешено колотится в груди сердце, но тут на экране появилось послание от главного редактора: *«Сюжет в «Тудэй» – это просто хит. Продюсер хочет, чтобы ты продолжила цикл передач с советами о путешествиях с детьми. Будь в студии завтра в пять утра, чтобы тобой занялись парикмахер с гримером»*. Голова моя слегка кружилась. Нет, нет. Я не могу. Я этого больше не вынесу.

– Да, я хочу его снять, – неожиданно для самой себя произнесла я.

– Так вы согласны? – спросила женщина на другом конце провода. – Послушайте, может, вы хотите знать подробности? Мы же даже не обсудили условия аренды.

Надоедливая стажерка уже стояла в дверях. В руках у нее был

августовский номер нашего журнала с обложкой, на которой были изображены маленькая девочка с мамой, с улыбками на лицах раскачивающиеся в гамаке.

– Нет-нет, – быстро произнесла я. – Это неважно. Я его снимаю.

Глава 2

Я открыла глаза и какое-то время пребывала в блаженном и в то же время пугающем неведении, не понимая, где нахожусь. Потом я услышала тихий плеск волн за окном, и мир наконец обрел ясные очертания.

Я лежала на диванчике, прикрывшись тонким белым покрывалом. На ногах были сандалии, а большой черный чемодан все еще стоял у двери. Я оглядела комнату в плавучем домике, как будто видела ее впервые. Часы показывали без четверти шесть – значит, на Восточном побережье уже почти девять. Осознав это, я испытала шок, поскольку уже много лет не просыпалась так поздно.

Я поднялась с дивана и прошла на крохотную кухню. Пробежав руками по кухонной стойке, нащупала медный ключ, лежавший на извещении с шапкой агентства недвижимости «Уэнтуорт»: «Добро пожаловать в Сиэтл», – прочитала я. – Это запасной ключ. Если Вам что-либо понадобится, позвоните нам». Я сунула ключ в карман. Взгляд упал на кофеварку. Я налила свежую воду в контейнер, засыпала молотый кофе «Старбакс Брекфест бленд» и стала наблюдать, как из дребезжащего аппарата с шипением вытекает темная струя.

Я заглянула в кухонный шкафчик, открыла несколько ящичков, с удовольствием отметив, что в них полно всяческой посуды. Целый набор кастрюлек и сковородок, явно не новых, висел на крючках над плитой. Да, на этой кухне готовили много еды. Винные бокалы выстроились в ряд на открытой полке, а на соседней красовались бокалы для шампанского. Я подумала о том, сколько людей прикасались губами к тонкому стеклу, – и, казалось, услышала звук трещоток и радостные крики «С Новым годом!», увидела, как толпа веселых людей радостно распевает на палубе новогодний гимн «Старое доброе время»^[4]. Были ли они счастливы здесь? Буду ли счастлива здесь я?

Сняв с полки кувшинчик, я наполнила его кофе, поднесла к носу... кажется, пахнет неплохо. Я отпила немного и прошла в большую комнату, где напротив белой книжной полки у стены стояли кресло с подставкой для ног и маленький столик для компьютера, на котором можно было бы разместить ноутбук. На полке стояли книги, очевидно доставшиеся в наследство от прежних жильцов – Мейв Бинчи, Стивен Кинг. Я улыбнулась, заметив среди них «Автостопом по Галактике»^[5] – когда-то одну из любимых книг Джеймса.

Крепко зажмурившись, я прошла дальше за угол, где нашла компактную стиральную машину, сушилку, бельевой шкаф и крохотную ванную комнату с душевой кабинкой и застекленным потолком. Крошечное квадратное окошечко выходило на причал и простирающееся за ним озеро. Мимо проплыла небольшая моторная лодка, в которой сидела молодая семья – маленькая девочка в розовом надувном жилете и мальчик постарше на корме рядом с отцом. Я отвела глаза, не в силах смотреть на них.

На обратном пути я заметила на стене картину с изображением старого парусника. Прищурив глаза, разглядела название «Каталина», выведенное синими буквами на его борту. Я вспомнила островок неподалеку от побережья Сан-Диего. Девять лет назад – через год после свадьбы – я побывала там по заданию «Санрайз». Мне нравилось наблюдать, как морские птицы, парившие над волнами бухты, стрелой устремлялись к волнам в поисках добычи. Джеймс сопровождал меня в этой поездке. Мы обожали лакомиться панини в маленьком прибрежном кафе... Глубоко вздохнув, я с усилием заставила себя вернуться к картине. Надутые ветром паруса кораблика гордо реяли над деревянным корпусом. Судя по яркой синеве волн, судно бороздило тропические моря. Возможно, где-то в районе Багамских островов или в другом месте Карибского моря. Куда держит путь это суденышко под названием «Каталина»? Оно выглядело так, будто устремилось в бесконечность, оно было наполнено жизнью и бесстрашно несло вперед. Никакие якоря, никакие опасения не могли остановить его на этом пути. Я протянула руку и прикоснулась к холсту. Знаю, не стоило злоупотреблять гостеприимством и хватать все руками, но я просто не смогла удержаться. Волшебная картина словно притягивала меня. Я пробежала пальцами по очертаниям корабля, чувствуя текстуру краски, нанесенной кистью художника.

За спиной я обнаружила лестницу – она скорее походила на судовой трап, – ведущую на верхний этаж. Пригнув голову, я поднялась по ней... и через несколько секунд под моими ногами закрипели еловые половицы верхней комнаты, служившей спальней. Там я увидела двуспальную кровать, покрытую накрахмаленным ослепительно-белым бельем, которое выглядело свежестырированным и тщательно выглаженным. В углу стоял старомодный комод с медными ручками в виде львиных голов. Над деревянным изголовьем постели находился иллюминатор. Он был распахнут, и я почувствовала дуновение прохладного утреннего ветерка, услышала пронзительные крики пролетающей мимо парочки диких гусей, которые на брющем полете почти касались лапами поверхности озера.

Я осторожно спустилась вниз по лестнице в гостиную. Через

застекленную створчатую дверь я разглядела покачивающуюся на волнах яхту. В офисе арендного бюро мне ничего не сказали о яхте. Ее деревянный корпус был покрыт пятнами цвета меда. Она выглядела старой, но довольно ухоженной. Я отперла дверь и вышла на палубу. У плавучего домика слева от меня я заметила мирно дремлющего золотистого лабрадора. В это время в Нью-Йорке я бы уже сидела за письменным столом в офисе и, поглощая вторую чашку эспрессо, просматривала бы оригинал-макет журнала. Я бы занималась этим до часа, пока кто-нибудь из сотрудников не утащил бы меня на ланч в кафе за углом. Там бы я что-нибудь съела, почти не чувствуя вкуса, а потом стремглав помчалась бы на рабочее место. Как обычно, просидела бы на работе до девяти вечера, когда уже появлялась команда уборщиков, и медленно потащилась бы домой. Моя пустая квартира пугала меня.

Я опустилась на деревянное кресло-лежак, откуда можно было любоваться западным побережьем озера Юнион, где на водной глади уютно расположились лодки и плавучие домики. Справа простирались покрытые изумрудной травой холмы, повсюду высились заброшенные промышленные сооружения, которые выглядели почти как скульптурные группы. Вспоминая сведения, почерпнутые из путеводителя, который я пролистала в самолете, я решила, что это, очевидно, был Гасуоркс-парк, разбитый на месте старого газоперерабатывающего завода. Потом я целый час наслаждалась зрелищем скользящих по водной глади яхт. Ветер доносил протяжные звуки скрипки, но понять, откуда они раздаются, было совершенно невозможно. Я вспомнила, как Джеймс как-то сказал, что звуки, распространяющиеся над поверхностью воды, обманчивы, и иногда можно слышать шепот, произносимый на расстоянии в полмили. Я как зачарованная внимала чудесной мелодии, когда она вдруг прервалась. За спиной послышались шаги, и мужской голос произнес:

– Генриетта!

В его голосе слышалось беспокойство, и на какое-то мгновение я испугалась, уж не произошло ли какое-нибудь несчастье. Я осторожно прошла на край палубы, чтобы посмотреть, что творится на причале. Мужчина стоял ко мне спиной. Он был высокого роста и довольно строен для своих преклонных лет. Он повернулся. Судя по усталому взгляду, ему было никак не меньше шестидесяти. Серые волосы, разделенные косым пробором, падали на лоб, как у Эрнеста Хемингуэя на фотографиях в музее в Ки-Уэст, придавая ему довольно лихой молодежавый вид и своеобразную привлекательность.

Наконец он меня заметил.

– О! Вы, должно быть, наша новая соседка. – Его лицо осветила приветливая улыбка. – Прошу прощения за яхту, – продолжил он, указывая на суденышко, пришвартованное у моей палубы. – Я собирался убрать ее оттуда до вашего приезда. Понимаете, я нанял людей, чтобы починить палубу своего дома, и мне пришлось...

– Не волнуйтесь, все нормально, – ответила я, направляясь в его сторону. – Меня зовут...

– Джим, – представился он.

– Ада, – сказала я, пожимая его руку. – Я приехала вчера вечером. Сняла этот дом.

Он улыбнулся.

– Ну что ж, позвольте мне первому поприветствовать вас с прибытием на Лодочную улицу.

Я взглянула на него с недоумением.

– О, мы так называем наш причал, – пояснил мой новый знакомый.

Я улыбнулась.

– Простите, не сразу поняла. Я вижу, вы кого-то ищете? Кажется, вы звали Генриетту?

Улыбка мгновенно исчезла с его лица, он нахмурился.

– Ах да, – он потряс головой. – Хейнс, где ты там, старичок?

Я ждала, что произойдет дальше, окончательно сбита с толку. Через минуту из-за угла робко выглянула голова селезня. Он вразвалочку поковылял к Джиму, остановившись на мгновение, чтобы посмотреть на меня.

– Понимаете, у этого самого Хейнса есть жена – прекрасная уточка по имени Генриетта. К сожалению, эта парочка часто ссорится, и прошлой ночью они учинили жуткий скандал.

Джим говорил безо всякого сарказма, словно нисколько не сомневался в том, что любовные отношения пары уток заслуживали исключительно серьезного отношения. Я с трудом сдерживала улыбку, но в конце концов рассмеялась.

– Думаете, она от него сбежала? – спросила я, изо всех сил стараясь вновь стать серьезной.

– Да нет, – ответил Джим. – Она просто сидит в каком-то уголке и дуется. На прошлой неделе я нашел ее в каяке. Она отсутствовала целых два дня, и Хейнс был сам не свой от горя.

Джим опустил на колени перед селезнем, который тут же нахохлился и громко крякнул.

– Вы знаете, утиные пары неразлучны всю жизнь.

– Я слышала об этом, – ответила я. – Это так трогательно.

– Как бы то ни было, – продолжил он, поднимаясь на ноги, – мы надеемся, что хоть в этом году появится выводок утят.

Я невольно повторила с улыбкой: – Утят?

Он озабоченно кивнул.

– Они вместе уже целых пять лет, и пора бы уже иметь наследников.

– Будем надеяться, что в этом году у них появится желанное потомство, – тихо проговорила я.

– Вполне возможно. Во всяком случае, если увидите Генриетту, дайте мне знать. Я живу через четыре домика от вас.

– Вот как? – произнесла я, вспоминая садик, мимо которого я прошла прошлым вечером. – Значит, это вы посадили все эти цветы. Надо сказать, они просто великолепны.

– Нет, это не я, – поспешно сказал он. – Это сад моей матери. Мои родители живут в соседнем от вас домике. А я вырос на этом причале. – На несколько мгновений он погрузился в раздумье. – Я надолго уезжал отсюда, но когда в прошлом году соседний домик был выставлен на продажу, я решил его купить.

Джим пристально смотрел на причал, словно восстанавливая в своей памяти картину пятидесятилетней давности.

– Когда я уехал, то поклялся, что больше никогда не вернусь. Полагаю, в восемнадцать лет все так думают. – Он пожал плечами. – За эти годы я усвоил лишь одну истину – время все лечит. – Джим сделал вид, что внимательно изучает цветы перед родительским домом. – Несмотря ни на что, дом есть дом. И сердце всегда принадлежит ему.

Я неуверенно кивнула в знак согласия, думая о родительском доме. Уже много лет я не была в Канзас-сити. Мне неприятно было вспоминать о причине, по которой я избегала поездок туда, я старалась вытеснить ее из своего сознания, словно заливала тлеющие угли водой. Нью-Йорк... Нет, он теперь тоже не может считаться моим домом. В настоящее время я не привязана ни к одному месту в мире.

– Во всяком случае, мне просто необходимо было вернуться. У родителей плоховато со здоровьем. Прошлой осенью мама сломала бедро. Слава богу, сейчас она уже на ногах, но все еще очень слаба. А у отца проблемы с памятью. Правда, временами наступает улучшение.

– Мне очень жаль, – искренне произнесла я, вспомнив о собственных родителях, и на минуту почувствовала раскаяние из-за той стены молчания, которую я невольно выстроила между нами. Просто я не могла сейчас слышать их голоса, видеть их лица – на них ясно отражалась та боль,

которую я испытывала сама. За год до того, как произошла трагедия, мы летом навещали их... Я на секунду прикрыла глаза и отчетливо увидела Эллу...

Туманный, обычный для Среднего Запада теплый вечер... моя девочка весело прыгает по двору, пытаюсь поймать светлячков. Вот она подбегает ко мне со сложенными вместе ладошками. «Смотри, мама, – ее звонкий голосок отчетливо раздавался в моей голове, как будто это происходило в действительности. – Я одного поймала! Как мы его назовем?»

Я улыбаюсь и отвожу ее в дом. Там на кухне в буфете мы находим старую стеклянную банку с крышкой, и я показываю дочери, как правильно оборудовать домик для светлячков, положив на дно несколько веточек и листьев и проделав отверстие в металлической крышке с помощью острого столового ножа, чтобы крошечное создание могло дышать. «Ну вот, – говорю я, – теперь у тебя есть собственный светлячок». Она прижимает носик к стеклу. «Можно мы возьмем его домой в Нью-Йорк?». Я качаю головой. «Нет, милая, – мягко говорю я. – Пусть он живет здесь».

Мне не пришлось тогда пускаться в долгие объяснения – она все понимала. Элла понимала жизнь гораздо лучше других маленьких девочек ее возраста. Я вздыхаю, вспоминая о том волшебном лете, о Джеймсе, моих родителях, которые установили на заднем дворе новые качели специально для Эллы – своей единственной внучки. Нет, я просто не могла видеть родителей. Поэтому когда они позвонили, я не сняла трубку, и повторяла это много раз. В конце концов я написала им письмо, где пообещала, что позвоню, когда буду готова. Но я представить себе не могла, когда это случится.

Джим посмотрел вниз на селезня Хейнса и расплылся в улыбке.

– Знаете, как бы то ни было, хорошо, что они рядом со мной.

– Конечно, – безучастно ответила я.

– А как насчет вас? – неожиданно спросил он. – Что вы считаете своим домом?

Мой взгляд устремился вдаль, как будто я и в самом деле могла рассмотреть свою квартиру на Манхэттене за очертаниями высоких зданий Сиэтла, а затем повернулась и взглянула своему собеседнику в лицо.

– Мне приходилось жить во многих местах, – ответила я.

– Понятно, – произнес он. Его глаза как-то таинственно светились, как будто бы он понимал, о чем идет речь, как будто бы у него была собственная тайна. – В таком случае вам должно здесь понравиться.

– Надеюсь на это, – ответила я. – Кстати, не подскажете, где тут ближайший магазин, где можно было бы купить самое необходимое?

Джим понимающе кивнул и указал на улицу прямо за причалом.

– Магазин Пита, – ответил он. – Через несколько кварталов отсюда. Он его держит уже тысячу лет. Между прочим, там прекрасное вино. И, учтите, если вам что-то срочно понадобится, вы всегда можете заскочить ко мне. Мы здесь привыкли помогать друг другу и всегда готовы поделиться хлебом, яйцами или молоком.

Я не могла не улыбнуться.

– Благодарю вас.

Я снова повернулась к озеру, а затем обратила взгляд на улицу, идущую вдоль причала.

– Вчера вечером, когда я приехала, было темно, поэтому я еще плохо ориентируюсь. Не могли бы вы пройтись со мной и показать, что где находится?

Он согласно кивнул.

– Охотно. Лучшая кофейня в Сиэтле находится как раз на холме в Истлейк, и советую вам обязательно навеститься в итальянский ресторан «Серафина».

– Звучит весьма заманчиво, – сказала я. Если бы Джеймс был сейчас здесь, он бы уже разыскал этот ресторанчик и заказал бы столик на двоих на этот вечер.

– На всем Восточном побережье вы не найдете более дружелюбных соседей, чем у нас.

Он повернулся к Хейнсу, который, казалось, внимательно слушал нашу беседу.

– Ну что ж, я, пожалуй, продолжу поисковую экспедицию, – произнес Джим и, порывшись в кармане, извлек оттуда корочку хлеба. – Его любимое лакомство – черствая итальянская лепешка.

– Надеюсь, вы найдете его подругу, – произнесла я. Хейнс наклонил голову, как будто понял, о чем я говорю.

Джим улыбнулся в ответ.

– После обеда я отгоню яхту на свой причал.

– О, пожалуйста, не беспокойтесь, – ответила я. – Мне она ничуть не мешает. И даже придает определенный колорит.

Он потер лоб.

– Ну, если вы не возражаете...

– Я даже настаиваю, чтобы вы ее здесь оставили, – уверила его я.

– Наша «Каталина» стала достопримечательностью этих мест. У нее своя история.

Я недоуменно посмотрела на собеседника. Видимо, название яхточки

было написано на другой стороне. Но я тотчас же вспомнила картину на стене. «Каталина»?

Он широко улыбнулся.

– В моем домике, – медленно произнесла я, указывая на застекленные двери, – висит картина...

– Я знаю, – поспешно сказал он, и я увидела, как сверкнули его глаза. – Ну что ж, буду рад снова вас видеть, соседка.

Глава 3

Пенни Уэнтуорт

Сиэтл, 8 июня 1959 года

Декстер снова ушел. Я поднялась, вышла на палубу перед плавучим домиком и опустила ноги в холодную воду. Палуба, как всегда в утренние часы, покачивалась. В это время лодки покидают южную часть озера и направляются к шлюзам. Почему-то когда это происходит, я чувствую себя одинокой и покинутой.

Я посмотрела направо, где мой новый сосед из ближайшего домика возился с новой лодкой, он сам ее строил. Сейчас он полировал рейки песком, и движения его были размашистыми, но плавными. Я наблюдала за ним, словно загипнотизированная, пока он внезапно не поднял на меня взгляд и не расплылся в улыбке. От смущения я покраснела и поспешила отвести взгляд. Еще слишком рано, и по негласным правилам в эти утренние часы люди обычно занимаются личными делами на причале. Я довольно долго смотрела на волны озера, а потом снова взглянула на причал, где трудился Колин. На нем была белая майка с треугольным вырезом, на которой проступали пятна пота. Я могла различить очертания его груди, мускулы, выступающие под тонкой хлопковой тканью. Он вытер лоб тыльной стороной ладони. Я быстро отвела взгляд, чтобы наши глаза не встретились. И принялась болтать ногами в прохладной воде озера – темного, как чаша, наполненная кобальтово-синей, местами даже черной краской. Я наклонилась вперед и попыталась, как не раз это делала, проникнуть взглядом под поверхность воды, в ее темную глубину. Напрасные усилия – я снова увидела лишь свое отражение, расплывчатое и искаженное. Я едва узнала себя, и в этот момент снова задумалась о том, что, возможно, мне суждено закончить свои дни здесь, в этом плавучем домике в полном одиночестве.

* * *

А ведь с Декстером я познакомилась абсолютно случайно. Этого бы

никогда не произошло, если бы он не забыл дома свой портфель. Или если бы я не вышла за кофе для учительницы ровно в девять тридцать утра. Или если бы строительная бригада на Пятой авеню не перегородила Мэдисон-стрит. Или если бы не пошел дождь. Если бы не все эти обстоятельства, наши пути никогда в жизни бы не пересеклись.

9 марта 1956 года Декстер Уэнтуорт въехал в мою жизнь прямо на такси. Он опустил окно.

– Садитесь – незачем мокнуть под дождем. Я отвезу вас, куда вам надо.

Он был лет на двадцать старше меня и просто пугающе красив – с мужественным подбородком, точеными чертами лица и густыми темными волосами. Голос его был ровным и низким. Спокойный и уверенный в себе мужчина с внешностью киногероя.

– Но мне надо лишь добежать до кафе за углом, – пыталась сопротивляться я, приглаживая взлохмаченные волосы. *Что на этот счет подумала бы мисс Хиггинс?* Несомненно, в частной школе для девушек из приличных семей было запрещено даже разговаривать с незнакомым мужчиной, не говоря уж о том, чтобы сесть с ним в одно такси. Но дождь все усиливался, а он открыл дверь автомобиля и протянул мне руку.

– Ну, хорошо, – сказала я. – Благодарю вас.

В такси было тепло и приятно пахло смесью одеколона и сигарного дыма.

– Что такая прекрасная девушка делает на улице под проливным дождем?

– Я пошла за кофе, – сказала я. – Для моей учительницы.

Было заметно, что наш разговор его забавляет.

– Учительницы?

– Ну да, – сказала я. – Я учусь в Академии мисс Хиггинс.

Он улыбнулся еще шире.

– Это школа-пансион для девушек, не так ли?

Мои щеки вспыхнули. Мне не понравился тон, которым он произнес эти слова. И, если начистоту, мне не нравилась сама мысль о том, что я училась в этом заведении. Это мама настояла на моей учебе в пансионе. Она утверждала, что для девушки из южной части Сиэтла единственный шанс выйти замуж за приличного человека – это поступить в Академию мисс Хиггинс. Выйти замуж. А я никогда не думала о замужестве. Но мама хотела, чтобы я получила в жизни все, чего была лишена она сама. Поэтому я подчинилась ее воле.

– Это у вас сегодня задание такое – сходить за кофе?

Я нахмурилась, не зная, что ответить, и в этот момент такси остановилось рядом с кафе «У Бетт».

– Спасибо, что подбросили, – сказала я, протягивая руку к двери.

– Подождите, – произнес он. – Я вовсе не хотел вас обидеть. Послушайте, позвольте мне угостить вас кофе.

Я испуганно посмотрела на него.

– Нет, благодарю вас, мистер...

– Уэнтуорт, – уточнил он. – Декстер Уэнтуорт. – *Почему его имя показалось мне таким знакомым?*

Я кивнула и вышла из такси.

– Не торопитесь, – сказал он, опуская окно. – Вы не можете уйти, не назвав мне своего имени.

Я помедлила. Впрочем, чем мне это грозит? Я же его больше никогда не увижу.

– Меня зовут Пенни, – представилась я. – Пенни Лэндри.

– Рад с вами познакомиться, мисс Лэндри.

* * *

Я не стала ничего рассказывать подружкам в классе о встрече с Декстером Уэнтуортом, но они сами начали что-то подозревать, когда после обеда в тот день в пансион доставили огромную вазу с роскошными темно-розовыми лилиями, которые вызвали всеобщее восхищение. К букету была прикреплена записка. «Приглашаю на ужин в «Олимпик» сегодня вечером. Заеду за вами в восемь. Декстер».

Сначала я возмутилась его бесцеремонностью и подумала, что этот тип проявляет изрядную самоуверенность, рассчитывая, что я соглашусь на встречу. Потом девочки столпились вокруг меня, охая и ахая от восхищения. Тут мисс Хиггинс – высокая, худощавая, с седыми волосами, уложенными в тугие локоны, и безупречно наложенной губной помадой, удосужилась прочесть текст на визитной карточке. Скептическое выражение на ее строгом лице внезапно улетучилось.

– Ты же знаешь, кто этот мужчина, не так ли, Пенни?

Я непонимающе замотала головой.

– Это Декстер Уэнтуорт, – продолжила она. – Художник. Его картины выставлены в галереях по всему миру. Самый завидный жених в Сиэтле. – Она недоуменно потрясла головой, словно пытаясь понять, каким же образом мне удалось поймать такую добычу.

– Мы познакомились сегодня утром, – заявила я вызывающим тоном. – Он подбросил меня до кафе. – Девочки просто рты пооткрывали от удивления. – Потому что шел дождь, – добавила я.

– Ну, я сейчас просто позеленею от зависти, – воскликнула Сильвия. – Подумать только, ведь это я могла пойти за кофе вместо тебя. Везет же некоторым!

Мисс Хиггинс похлопала Сильвию по спине.

– Пусть это послужит тебе уроком, – сказала она. – Пенни превосходно справилась с курсовой, и, посмотрите, какую награду она получила!

Я усмехнулась. Ну, конечно же, мисс Хиггинс никогда не упустит возможности прочитать нравоучения!

– Сильвия, а тебе, пожалуй, после обеда стоит попрактиковаться, как правильно наносить макияж. Видишь ли, ты с завидным упорством накладываешь румяна слишком высоко на скулах, и из-за этого лицо кажется слишком угловатым.

– Да, мэм, – сказала она, поспешив удалиться в туалетную комнату.

– Вивьен, – обратилась мисс Хиггинс к самой младшей девочке-толстушке, которой только-только исполнилось семнадцать.

– Да, мисс Хиггинс? – пропищала Вивьен тоненьким голоском.

– Я заметила, что ты снова лакомишься пирожными, – с упреком в голосе произнесла директриса. – Мне кажется, мы с тобой уже обсуждали новый режим питания.

– Да, мэм, – промямлила девочка, опустив глаза.

– Что ж, придется тебе лишний час заниматься гимнастикой.

– Конечно, мисс Хиггинс, – покорно согласилась Вивьен, направляясь к лестнице.

– Что касается тебя, Пенни, – сказала мисс Хиггинс, умильно складывая ладони и одаривая меня такой улыбкой, словно я была лучшей ученицей в классе и ее любимицей. – Мы проведем остаток дня в подготовке к этому очень важному событию в твоей жизни.

* * *

Когда три месяца спустя Декстер сделал мне предложение руки и сердца, я не стала отказываться. Если подумать, какой у меня был выбор? Когда мужчина опускает бриллиантовое ожерелье в вашу ладонь со словами: «Примерь-ка это – оно будет смотреться на тебе потрясающе», конечно же, вы улыбнетесь и приложите его к шее, с восторгом любуясь

своим отражением в зеркале. Поэтому я, не раздумывая, приняла его предложение, возможно, даже не успев понять, влюблена ли я в Декстера Уэнтуорта на самом деле или мне просто нравилась сама мысль о влюбленности. После того как головокружение первого этапа ухаживания несколько утихло, я смогла увидеть его таким, каким он был на самом деле: чувствительным, безумно талантливым и очень заботливым человеком, который искренне меня любил и которого я тоже полюбила. Мы расскажем об истории нашей любви своим детям, и они будут смеяться, слушая нас. Мы просто обречены жить долго и счастливо, как в сказке, – по крайней мере, так мне тогда казалось...

Я чуть не лишилась чувств, когда мама затягивала шнуровку моего свадебного платья.

– Вот дитя воды и приплыло к своему берегу, – сказала она мне, пока я разглядывала свое отражение. Помнится, я тогда быстро отвела глаза от зеркала.

После свадебного торжества Декстер на руках перенес меня через порог, который слегка покачивался. У него был дом на Куинн-Энн-Хилл, но он предпочитал жить в плавучем домике на озере Юнион. Декс утверждал, что здесь ему легче творить, волны озера улучшают творческий процесс и помогают думать. Я помню ощущение качки, когда он опустил меня на пол, хотя, возможно, дело было не только в озерной ряби – просто у меня кружилась голова. Разглядывая гору холстов и других атрибутов художника, письменный стол темного цвета, расставленные по углам весла, покрытые яркой краской, и вырезанные из дерева фигурки рыб – подарки от друга-художника, потомка американских индейцев, я задумалась о том, каким образом может такая женщина, как я, вписаться в этот очень мужской антураж. Но в этот момент Декстер повернулся ко мне.

– Не беспокойся – ты можешь здесь все изменить. – Он всегда был щедр и великодушен.

Я закрыла глаза, пытаюсь вспомнить, как он смотрел на меня тогда, с какой любовью и страстью.

В этот момент из кухни раздался звон таймера духовки, это отвлекло меня от воспоминаний. Я совсем забыла о булочках с черникой. Вытащив ноги из воды, я вбежала в дом, поспешно схватила кухонную рукавицу и вытащила из плиты пышущие жаром булочки, распространяющие умопомрачительный аромат. На прошлой неделе я поведала Декстеру о том, что мечтаю открыть булочную-пекарню, но он лишь рассмеялся в ответ.

– Да ты уже через пять минут возненавидишь это занятие, – сказал он, напроць отменяя эту идею.

– Это неправда, – возразила я. Он похлопал меня по коленке.

– Дорогая, я тебя знаю. Это занятие тебе очень быстро наскучит.

Я не могла объяснить ему, что уже давно испытываю смертельную скуку. У Декстера была его живопись. А у меня... ровным счетом ничего. Мама всегда говорила, что я должна быть благодарна судьбе за возможность не утруждать себя работой. Она твердит, что любая женщина пошла бы даже на убийство, чтобы оказаться в моем положении. Но мне так хочется найти себе хоть какое-то занятие. Закончив убирать дом, чинить одежду и гладить белье, я начинаю просто маяться от безделья. Мне нужно что-то гораздо большее.

Я застыла, уставившись на противень с булочками. Меня мучила мысль – а вдруг Декстер прав? Что я вообще знаю о том, как вести свое дело? Я тряхнула головой и переложила булочки с противня на охлаждающую решетку, выбрала три и завернула их в белоснежное кухонное полотенце. Угощу-ка ими Колина, нового соседа по Лодочной улице. Мне одной не съесть столько, и кто знает, когда Декс вздумает вернуться домой, а зачем добру пропадать?

Я побежала к задней двери, чтобы обуться, и вдруг услышала шарканье ног по палубе.

– Привет! – сказала я, выглядывая из задней двери. – Кто там?

Я увидела маленького Джимми Клайда, который сидел, прислонившись к стене домика. Он подтянул колени к груди и спрятал в них лицо. Джимми был восьмилетним сыном Наоми и Джина Клайдов, которые жили за три плавучих домика от меня, если идти вдоль причала. В выходные Джимми любил сидеть с удочкой на палубе прямо перед моим окном. В прошлую субботу ему удалось поймать форель, и я помогала ему ее почистить. Пока я жарила форель на чугунной сковороде, он сидел, болтая ногами, на высоком табурете за кухонной стойкой. Я подала рыбину на обед с маслом и петрушкой, и Джимми сказал, что это самый вкусный обед, который он когда-либо ел. Это был прекрасный комплимент, учитывая, что его мать готовила просто божественно.

– О, дорогой, – сказала я, бросаясь к нему. – Что случилось?

– Мама меня ненавидит, – произнес малыш, вытирая слезы.

– Этого не может быть, милый, – сказала я, гладя его по голове. – Как можно тебя ненавидеть?

– А почему она сказала папе, что хочет отослать меня в интернат?

Я покачала головой.

– Уверена, что она вовсе не это имела в виду.

Он посмотрел на меня.

– Но она же это сказала. Они не знали, что мне все слышно из верхней комнаты, когда они разговаривают внизу.

Джимми – единственный ребенок на нашем причале. Совершенно понятно, что он не вписывается в мир своих родителей – мир вечеринок с коктейлями, карьерных достижений, где все тщательно спланировано. Однажды мне довелось видеть его мать, Наоми, когда она случайно наступила на одну из игрушек Джимми, валявшуюся на кухонном полу во время званого ужина. Я была потрясена выражением ее лица – оно до сих пор стоит у меня перед глазами. Создавалось такое впечатление, что у нее аллергия на собственного сына.

Джимми внезапно поднял голову.

– Я знаю, что делать! – воскликнул он.

– Что же? – спросила я, стараясь улыбнуться как можно беззаботнее.

– Я могу перейти жить к тебе. Ты будешь моей мамой.

Мое сердце чуть не разорвалось. Я крепко сжала его ручонку.

– Я была бы счастлива, если бы могла быть с тобой все время, но твои родители слишком тебя любят, чтобы отдать тебя кому-то другому. Ты же сам это знаешь, милый.

Он послушно кивнул, но взгляд был отсутствующим. Этот мальчик безумно одинок. Как и я.

Глава 4

Ада

Я выудила мобильный телефон из сумочки, и, увидев, что есть непринятый входящий звонок, обрадовалась, и набрала номер Джоани. Она ответила после первого же гудка.

– Это ты, Ада?

– А я уже сижу тут в плавучем домике, – ответила я. – И до сих пор не могу решить, нравится ли мне здесь или стоит взять билет на самолет домой.

– Не делай этого, – ответила она. – Подожди. Время покажет.

Вдали раздался гудок.

– Что это? Корабль?

– Разумеется, – сказала я, глядя, прищурившись, на озерную гладь, которая сверкала на солнце, словно усеянная бриллиантами. – Кажется, это буксир.

– Ну, гудит так, что заглушает шум уличного движения, – сказала Джоани. В трубке я различала звук моторов и гудки на улицах Нью-Йорка. И тут впервые осознала, что не слышала ни единого гудка автомобиля с самого момента прибытия в Сиэтл. И мне это нравилось.

– Точно, – ответила я, выходя на палубу и усаживаясь в деревянное кресло-лежак. – Ты не поверишь – я проспала до самого утра. Этого не случилось с самого...

– Вот и умница, – сказала она. – Может быть, ты сможешь выбросить на помойку эти ужасные снотворные таблетки. Я на прошлой неделе читала какую-то статью в «*Нью-Йорк таймс*», где предупреждали, что они могут привести к смертельному исходу.

– Отлично, – ответила я, – звучит обнадеживающе. Значит, если бессонница меня не доконает, это сделает снотворное.

– Мне кажется, Сиэтл может стать твоим антидотом, – осторожно заметила Джоани. – Не исключено, что жизнь на воде окажет на тебя благоприятный терапевтический эффект. Может быть, тебе будет легче засыпать на воде. По крайней мере, это точно успокаивает.

– Но все-таки я живу в плавучем домике, – уточнила я. – Но в остальном согласна – это место весьма своеобразно. Очень отличается от Нью-Йорка. Ритм жизни здесь не такой суматошный.

– Ну, и прекрасно, – бодро сказала Джоани. – Это именно то, что тебе сейчас нужно. Ты уже познакомилась с кем-нибудь из соседей?

– С одним из них.

– Это *мужчина*?

– Так, прекрати, – остановила ее я. – Это вовсе не то, о чем ты думаешь. Он в отцы мне годится.

– Вот как?

Я поспешила сменить тему разговора.

– Думаю, стоит сегодня покататься на каноэ.

– Разумеется, стоит, – сказала она. – Помнишь, как Джеймс любил походы на каяке?

Меня просто захлестнула волна паники. Ладони вспотели, во рту пересохло.

– С тобой все в порядке, милая?

– Да, – сказала я. – Просто я...

– Знаю. Мне не следовало затрагивать эту тему. Ты, случайно, не видела выступление Лорен Кейн в программе «Тудэй» сегодня утром?

– Они взяли ее в программу? – Лорен была младшим редактором в «Санрайз», *она отчаянно хотела заполучить мое место и всегда плела против меня интриги.*

– Конечно, она совсем не так хорошо смотрится на экране, как ты, – продолжала Джоани. – Слишком много мычания в паузах, ну и так далее...

Странно, но после этих слов мне вдруг стало немного легче, хотя я все еще сомневалась в правильности сделанного выбора. Ведь мне пришлось отказаться от того единственного, что я умела делать хорошо и что составляло смысл моей жизни. Мне даже захотелось немедленно схватить чемодан и со всех ног нестись в Нью-Йорк, чтобы потребовать назад должность в журнале и вернуться к привычному образу жизни. Неужели та жизнь действительно была столь ужасна? И неужели я была так уж несчастна?

Я попрощалась с Джоани, а мои мысли снова вернулись на Восточное побережье, к жизни, от которой я убежала. Я словно слышала голос доктора Эвинсона: «Не стоит пытаться контролировать ход своих мыслей, – обычно говорил он. – Дайте им свободу».

Я так и делала, честно, когда испытывала очередной приступ боли. Но это мне почему-то не помогало.

Я сижу на вращающемся стуле перед зеркалом, а женщина по имени Уитни легкими ударами пальцев старательно наносит тональный крем под моими глазами. В гримерке «Тудэй шоу» горят ослепительно яркие лампы, от которых нестерпимо жарко, и я слегка ерзаю на стуле. Я знала, что гримерша прекрасно видит темные круги под моими глазами. Бессонница еще никого не красила.

– Вам стоит пить больше зеленого чая, – говорит она. – Это очень хорошо для кожи.

Я покорно киваю. Мой выход в эфир запланирован через тридцать минут – мне придется рассказывать о пяти самых популярных маршрутах для путешествий всей семьей. Я испытываю отвращение даже при мысли об этом. Если начистоту, никто меня не принуждал участвовать в этой передаче. Главный редактор предлагал заменить меня ответственным редактором, если я не готова. *А готова ли я?* Это не имеет равным счетом никакого значения. В одном я не сомневаюсь: я никогда больше не буду радоваться жизни, и это изменить нельзя. Так почему же не вернуться к привычной работе, которая иногда действовала на меня как анальгетик, ведь я днями напролет крутилась как белка в колесе. Все эти съемки, телепередачи, куда нужно было приходиться на высоченных каблуках и с увесистыми ожерельями...

Уитни повернула мой стул, и я наконец вижу свое отражение в зеркале.

– Роскошная девочка, которую мы все любим и знаем, – с гордостью произносит гримерша. Я едва узнаю себя. Такое впечатление, что магия Уитни каким-то волшебным образом стерла с моего лица темные круги и убрала припухлость век. Следы ночных слез мастерски спрятаны под толстым слоем грима. Я вспомнила, как заместитель редактора «Риал Ливинг» давал мне советы в мою бытность помощником редактора: «Симулируй оргазм, пока на самом деле не кончишь». В свое время эти слова вызывали у меня бурю возмущения. Но теперь, глядя на свое преображенное отражение в зеркале, я буквально цепляюсь за эти слова, как за спасительную соломинку, словно влюбленная женщина, находящаяся в патологической зависимости от партнера. Я внимательно изучаю в зеркале свои черты – передо мной женщина с идеальной кожей. Ни малейшего намека на страдание, которое прячется глубоко в душе. Да, пожалуй, я смогу притворяться, пока не пойму, как мне жить дальше.

Следующие десять минут я провожу в обществе Стэйси, стилиста, которая с помощью фена превращает мои бессильно повисшие волосы в элегантные локоны, безупречным каскадом падающие на плечи. Облако лака для укладки ставит последнюю точку в этом волшебстве.

– Через пять минут начинаем, – сообщает заглянувший в комнату продюсер.

Я его почти не слышу, но послушно киваю, затем встаю и, словно на автопилоте, направляюсь в студию, осторожно ступая на высоченных каблуках. Я просматриваю карточки с текстом, которые вручила мне ассистентка.

Ранчо «Конская подкова» с конными турами по национальному парку Йосемити для всей семьи. Гостиница «Каньон-Лодж» в Вайоминге...

У меня комок подступает к горлу, когда я вижу надпись на следующей карточке. Как они могли?

Непродолжительная поездка по побережью в штате Мэн – гостиница «Уотербрук» расположена у живописнейшего водопада, который пока еще не слишком известен в мире.

Мэтт Лауэр в этот день облачился в красный галстук и, как всегда, восседает на высоком стуле.

– Выражаю вам глубокое сожаление по поводу того, что произошло с вашей семьей, – говорит он. – Хорошо, что вы снова с нами.

Я машинально киваю, как обычно... как сотни, даже тысячи раз с момента того ужасного несчастного случая... и занимаю место рядом с ним.

Я смутно слышу доносящуюся издали музыку, шаги продюсеров и видеооператоров. Вот загорелись прожекторы, и Мэтт Лауэр выпрямился на стуле.

– Добро пожаловать на шоу «Тудэй», – объявляет он. – К нам присоединилась Ада Санторини из журнала «Санрайз», чтобы рассказать о пяти наиболее интересных местах для семейного отдыха в этом году.

Боль пульсирует в моей груди, но я стараюсь не обращать внимания. Я исправно отвечаю на все вопросы, которые задает мне Мэтт, и даже рассказываю о тропе, ведущей к водопаду от гостиницы «Уотербрук». Я улыбаюсь и вежливо киваю головой. И делаю это на протяжении всего интервью. Я притворяюсь. А когда мой микрофон наконец отключается, бросаюсь за кулисы и бегу через бесконечный коридор, чтобы спрятаться в дальнем туалете. Я задыхаюсь. Глядя в зеркало, я чувствую глубочайшую ненависть к женщине, которая смотрит на меня оттуда.

* * *

Я смахнула со щек слезы, посмотрела на затянутое облаками небо

Сиэтла и глубоко вздохнула. Мне нельзя расклеиваться. Потому что иначе, боюсь, я рассыплюсь на кусочки и уже никогда себя не соберу воедино. Но какой смысл в моей дальнейшей жизни, если просто незачем просыпаться по утрам?

Мысль была тривиальной, но верной. Нужно найти какое-то занятие. Я вспомнила, что несколько месяцев назад начала писать мемуары. Может, за этим я и приехала сюда? Я остановилась на двадцать пятой странице, поскольку этот процесс был слишком болезненным. Но сейчас, после того как Джоани произнесла имя Джеймса – *Джеймс! О боже!* – у меня вдруг возникло желание снова открыть эту папку и извлечь тот самый файл. Мне вдруг захотелось писать.

Я вытащила из сумки ноутбук и положила на колени. Мысленно попрощавшись с Джоани, я открыла файл с воспоминаниями, которые еще не успела озаглавить. Словно большая яхта, плавно скользящая по поверхности озера, или, может, утка, преследующая добычу в воде, я некоторое время смотрела на пустую первую страницу, а потом напечатала:

Плавание
Воспоминания Ады Санторини

Глава 5

Пенни

– Оставайся здесь, сколько захочешь, – предложила я Джимми. Мне бы не хотелось, чтобы булочки остыли, когда я буду угощать ими Колина. Они гораздо вкуснее теплые. – Мне надо на секунду забежать к соседу.

Мальчик кивнул и снова опустил ноги в воду.

Я украдкой бросила взгляд в зеркало у двери. Булочки, завернутые в кухонное полотенце, приятно согревали руки. Я одернула светло-голубое платье и застегнула верхнюю пуговичку вязаной кофты. Но тут я услышала стук каблуков по причалу, которые явно приближались ко мне, и подняла голову.

– Нет, вы только на нее посмотрите, – промурлыкала Наоми. – Так разодеться утром в четверг! – Она оценивающе взглянула на меня. – Куда это ты собралась? Для ланча еще слишком рано.

Она разговаривала со мной, словно я была ребенком, как, впрочем, и большинство друзей Декстера. И это сущая правда – мне всего двадцать два года, а Наоми по крайней мере на десять лет старше меня и к тому же практикующий психиатр с ученой степенью. А я? Я всего лишь закончила Академию мисс Хиггинс.

Я взглянула на булочки, и мне почему-то стало стыдно.

– Я тут собиралась угостить...

– Так это мне? – она протянула руку и взяла булочки. – Как мило с твоей стороны. Знаешь, у меня совсем нет времени печь всякие вкусности, очень плотный график.

На ней белые брюки и синий свитер, перетянутый поясом, что выгодно подчеркивало осиную талию. Она, несомненно, красива, причем той утонченной красотой, которой отличаются интеллектуалки из круга общения Декстера. Длинные ногти, покрытые ярким лаком, неизменная сигарета в длинном, усыпанном бриллиантами мундштуке. Она откинула полотенце и расплылась в улыбке – все это явно ее забавляло.

– Ну надо же, булочки.

Я с сожалением подумала о Колине.

– Декстер их никогда не ест. Даже не знаю, зачем я все это пеку.

Наоми снова завернула булочки в полотенце.

– Ну, на самом деле он любит французские круассаны, – заявила она. –

Тебе надо научиться их готовить. Можно пройти курс в кулинарной школе. Мне кажется, Декстеру это понравится.

Я хотела поинтересоваться, откуда она знает, что мой муж любит французские круассаны, и сказать, что мои булочки ничем не хуже, чем эти хваленые рогалики, но вовремя остановилась. Натянуто улыбнувшись, я поблагодарила ее за совет. Наоми – единственный психиатр, с которым я когда-либо была знакома, и она меня пугает своим цепким взглядом и темными волосами, тщательно уложенными в элегантное каре с косой челкой, падающей на лицо. Я как-то попыталась сделать такую же прическу и провозилась битых два часа, пытаясь выпрямить волосы с помощью утюга и гладильной доски, и при этом обожгла большой палец. Как выяснилось, мне совершенно не шел этот стиль. Декстер, придя вечером домой, недоуменно спросил: «Что случилось с твоими волосами?»

– Что-то я давненько не встречалась с Дексом, – проворковала Наоми. В ее голосе слышалось любопытство. – Полагаю, он все эти дни проводит в студии?

Мне очень не нравилось, что она называет моего мужа Декс. Ведь это я его так называю. Но я все же согласно кивнула, представляя себе, как мой муж работает в мастерской на площади Пионеров. Он снял ее сразу после Нового года, и в то время это казалось хорошей идеей, особенно учитывая, что его холсты и мольберты в скором времени грозили заполнить всю гостиную. Однако я и предположить не могла, что он будет проводить там так много времени, а мне будет без него очень одиноко.

– Да, – сказала я притворно уверенным тоном, – он очень много работает. А я не люблю ему мешать, понимаешь?

Внезапно Наоми с брезгливой гримаской указала на цветы, растущие в горшках перед входом в плавучий домик.

– Нет, вы только посмотрите на это, – воскликнула она, как будто увидела что-то ужасное.

Она протянула руку и выдернула длинный стебель вьющегося растения, усеянный белыми цветами, похожими на граммофончики.

– Что это? – спросила я.

Она одарила меня снисходительной улыбкой.

– Это очень вредный сорняк, – сообщила она, швыряя вьюнок в озеро. Я молча наблюдала, как белые цветы покачиваются на воде. У меня возникло непреодолимое желание опуститься на колени и вытащить растение, пока оно не утонуло. – Называется «утреннее сияние», – продолжала Наоми, встряхивая волосами. – Если с ним не бороться, он тут все заполонит.

Я наблюдала, как волны уносят несчастный вьюнок все дальше от берега. Маленькие цветы то исчезали под водой, то снова оказывались на поверхности, как будто отчаянно ловили воздух. Я подумала, что, возможно, растение прибьется к другому берегу и волны вынесут его на землю, где оно начнет новую жизнь – пустит корни и зацветет. Может быть, Наоми просто освободила его?

Я подумала о голубых колокольчиках, которые росли в саду моей матери, когда я была еще ребенком. Конечно, их тоже можно было считать сорняками. Но я собирала их целыми охапками и составляла невероятно красивые букеты.

– Иногда и сорняки бывают красивыми, – произнесла я.

– Красивыми? – фыркнула Наоми. Она сдула прядь темных волос с глаз и самодовольно улыбнулась. – Разве они могут быть красивыми, дорогая?

– Ну, хорошо, – примирительно сказала я, замечая, что из двери выглядывает Джин – муж Наоми. Надо сказать, они совершенно не подходили друг другу. Он был тихим, а она резкая и прямолинейная. И еще он был мягким и приветливым, в отличие от Наоми. И в то же время, судя по тому, как он смотрел на эту женщину, было ясно, что он испытывает к ней глубокую любовь, но я никогда не могла понять, чем она заслужила это чувство.

– Дорогая, – сказал он. – Я только что приготовил омлет. Хочешь попробовать? – Тут он заметил меня и приветственно помахал рукой.

– О, привет, Пенни. Я и на твою долю могу приготовить, если хочешь.

Холодный взгляд Наоми отнюдь не располагал к совместному завтраку, поэтому я вежливо отказалась.

– Спасибо, Джин. Я уже поела.

Он преподавал английскую литературу в Вашингтонском университете и часто оставлял разные книжки на пороге моего домика.

– Ты уже прочитала последнюю книгу? – спросил он. Наоми не выказывала никакого интереса к книжной теме, впрочем, как и к любой другой, если разговор затеян не ею.

Я кивнула.

– Да, роман Хемингуэя. Мне очень понравилось. Как бы мне хотелось когда-нибудь отправиться в Париж. А книгу я вам занесу после обеда.

– Я тебе ее дарю, – с улыбкой заявил Джин. – Книги Хемингуэя должны стоять на книжной полке любого человека. Между прочим, у меня есть еще один его роман, который, думаю, тебе тоже понравится. Я его как-нибудь тебе занесу.

– Спасибо, – ответила я.

Наоми подошла к мужу и поправила галстук.

– Джин, не стоит носить клетчатые рубашки. Это дурной вкус.

Он поцеловал ее в лоб и робко улыбнулся.

– Ты права, дорогая. Кстати, ты нашла Джимми?

– Нет, – сказала она, закатывая глаза. – Несносный мальчишка.

Джин нахмурился.

– Боюсь, мы с ним слишком строги.

Наоми раздраженно передернула плечами.

– Надеюсь, ты понимаешь, что он может *провалить экзамены* за второй класс?

– Ну, я, пожалуй, пойду, – сказала я, чувствуя себя неловко из-за того, что пришлось присутствовать при размолвке между родителями мальчика.

Джин на прощание помахал мне рукой и направился к дому.

– Подожди-ка, – произнесла Наоми, следуя за мной. – Мне надо поговорить с тобой о Джимми.

Я тотчас же подумала о малыше, который сидел, скрючившись, за моим домом. Мне надо было бы сказать ей, что он там, но я не смогла. Я решила дать ему еще немного времени.

– Отныне по выходным он будет сидеть дома, – сурово произнесла она, чем напомнила мне учительницу в пятом классе, которая однажды так меня отшлепала, что у меня были кровоподтеки размером с блюдце. – Мы с Джином считаем, что было бы лучше, если бы он меньше времени проводил... у твоего дома...

– Вот как? – сказала я, слегка задетая ее словами. – Прошу прощения, но я не...

На лице Наоми снова появилась улыбка, которая показалась мне весьма натянутой и застывшей.

– Дело вовсе не в тебе, дорогая, – сказала она. – Просто мы считаем, что нам самим надо лучше за ним присматривать. Мы наняли репетитора, и к тому же с ним будет заниматься психиатр, который постарается решить его *проблемы*.

Мы обе подняли глаза, заметив Колина, который неподалеку от нас продолжал усердно трудиться над яхтой, шлифуя ее деревянный борт каким-то инструментом. Я живо представила это судно во всей красе – с блестящей тиковой обшивкой и гордо реющими белоснежными парусами, которые смогут унести своих хозяев далеко-далеко... Увы, я была уверена, что Декс никогда не согласится покинуть свой любимый Сиэтл – этот город дарил ему вдохновение.

Я исподволь наблюдала, как работает Колин. Его мускулы напрягаются, когда руки скользят вверх-вниз по борту лодки, движения скупы и отточены. Он уже снял майку, и загорелая кожа блестела на солнце. На какое-то мгновение я забыла, что рядом находится Наоми, и вдруг почувствовала на себе ее пытливый взгляд.

– Вижу, ты уже успела познакомиться с новым соседом, – произнесла она.

– Нет пока, – поспешно ответила я, чувствуя, как краска заливает щеки. – Но мне нравится смотреть на его яхту. Как бы мне хотелось когда-нибудь иметь такую же.

– Понятное дело... – тихо произнесла Наоми. – Ну что ж, пожалуй, пора идти. Первый пациент появится через полчаса, а мне еще надо отвести Джимми в школу и каким-то образом успеть добраться до офиса в центре. Разумеется, если я найду этого ребенка.

– Пока, – ответила я, но мой взгляд невольно вернулся к Колину. Он поднял голову, и наши глаза встретились. Он улыбнулся, и мне ничего не оставалось, как улыбнуться в ответ.

* * *

– Мне очень жаль, что я последнее время так много времени проводил без тебя, Пенни, – сказал мне Декс за ужином в тот вечер. Он вернулся домой в семь, ужин был готов уже давно и успел остыть. Пришлось разогревать в духовке тушеное мясо. Оно уже не было таким сочным, но Декс не упрекнул меня, что доставило мне радость. – Работаю над большим заказом.

– Знаю, – сказала я, переплетая наши пальцы. – Просто хотелось бы, чтобы ты приходил домой почаще, вот и все.

Я видела темные тени у него под глазами, и морщины на лбу показались мне более глубокими. Да, кажется, двадцатилетняя разница в возрасте между нами становится все заметнее.

– Ты ведь все это время и не спал толком, ведь так? – Я уже знала, что когда Декс трудится над картиной, он обычно не спит.

– Чуть-чуть поспал, – ответил он, потирая лоб.

Я подвинула к нему свой стул и поцеловала его, но он отвернулся.

– Что происходит, Декс?

– Ничего особенного, – ответил он. – Я же говорил тебе, я просто устал.

Ком встал у меня в горле.

– Ты расстроен? Я тебя чем-то обидела?

Он повернулся ко мне.

– Нет, – ответил он быстро, слишком быстро. – Дело в том... Послушай, я попросил Наоми посоветовать мне хорошего психиатра. Понимаешь, у меня началась депрессия.

– Психиатр? Депрессия? – я недоуменно посмотрела на мужа. – Декс, я ничего не понимаю.

– А тебе и не нужно понимать, – сухо ответил он. – Послушай, я тебе все это сказал, потому что... впрочем, не будем заострять на этом внимание, ладно? Нам сейчас не помешало бы развлечься. – Он слегка коснулся губами моей руки. – Почему бы не пригласить соседей, не устроить вечеринку с коктейлями, как мы часто делали раньше?

Я согласно кивнула.

– Хорошо, если это доставит тебе удовольствие.

Где ты, счастье? Когда-то мы с Декстером были счастливы. Я закрыла глаза и попыталась вспомнить, когда в последний раз считала его своим – безраздельно своим, безо всяких тайн, невысказанной грусти и тяжелой завесы депрессии, причины которой были мне не ясны и в которой я винила исключительно себя. Мой мозг тщетно пытался пробраться сквозь беспорядочные воспоминания о некогда высказанных словах и нарушенных обещаниях, пока наконец не остановился на том самом вечере год назад, когда проходил бал, ежегодно устраиваемый благотворительным фондом Сиэтла. Вокруг Декстера роились люди – в основном женщины. Тем не менее в тот вечер Декс никого не замечал вокруг, кроме меня. Я помнила, как он взял меня за руку и поцеловал запястье, когда мы вместе вышли на танцпол. Он крепко прижимал меня к себе, мы танцевали в такт музыке, которую исполнял оркестр, и глаза его сияли так же ярко, как огни хрустальной люстры над головой.

– Ты здесь самая красивая, – с гордостью произнес он. – И ты принадлежишь мне.

Мне нравилось, что он мной гордится. Но почему? У меня не было ни особого таланта, который позволил бы проявить себя в творчестве, ни образования. Я изо всех сил старалась приспособиться к его особому миру, отвечая остроумными шутками на интеллектуальные высказывания его высоколобых сверстников, но мне все время казалось, что они видят меня насквозь.

Я всматривалась в лицо Декса, когда мы танцевали, а он нежно сжимал меня в объятиях. Мне так хотелось знать, что я для него значу, и в тот вечер

я наконец решилась задать ему важный для меня вопрос.

– Скажи, почему ты выбрал именно меня?

– Ты прелестна, – ответил он. – Ты самая прекрасная женщина, которую я встречал в своей жизни. – Он поцеловала меня в лоб и продолжил: – Я думаю, что каждый мальчик мечтает вырасти и найти такую женщину, как ты.

Я задумалась о детстве Декса, о котором почти ничего не знала. Его мать была строгой, чопорной женщиной – полная противоположность моей. В ее объятиях не было тепла. Она всегда держала его на расстоянии, отдав на воспитание няням и гувернанткам. Я снова взглянула в его лицо и поняла, что он искал материнскую любовь, которой был всегда лишен, что он нашел ее во мне. Я была польщена, но в то же время это был вызов. Смогу ли я быть женщиной, которая ему нужна? В тот вечер мне казалось, что это возможно. Я поклялась себе, что всегда буду любить Декстера, чтобы заполнить глубокую пропасть в его душе, где пряталась боль.

Что же изменилось сейчас? Я вдруг с отчаянием поняла, что моей любви ему явно не хватает. Демоны, терзающие Декстера, были сильнее меня, и вряд ли мне по силам с ними совладать.

Домик покачивался на волнах, и я сидела, глядя на озеро и сияющие огни города, раскинувшегося над ним. Декс на мгновение сжал мою руку и потянулся за газетой. Мы сидели рядом, но меня не покидало ощущение, что мой муж ускользает от меня.

Глава 6

Ада

К двум часам я успела проголодаться и решила навеститься в маленький супермаркет Пита, о котором мне сообщил Джим. Я шла по причалу и вдруг обратила внимание на очаровательный плавучий домик слева с белой обшивкой и ящиками на окнах, в которых когда-то, вероятно, росли прекрасные цветы. Очевидно, этот дом пустовал, потому что медный почтовый ящик у двери был переполнен корреспонденцией, которая уже вываливалась из него. Я опустилась, чтобы поднять упавшее на землю письмо, и прочитала имя адресата: Эстер Джонсон. Я запихнула его обратно в почтовый ящик. Интересно, кто такая эта Эстер Джонсон и вернется ли она когда-нибудь сюда, чтобы забрать свою корреспонденцию?

Небольшая прогулка в магазин позволила мне рассмотреть причалы, к которым были пришвартованы плавучие домики, и я с любопытством изучала каждый из них. Они все были разными, и каждый хорош по-своему. Некоторые были весьма причудливы и изобиловали необычными деталями, другие выкрашены в яркие цвета, украшены китайскими колокольчиками, издававшими мелодичный звон при малейшем дуновении ветерка. Часть строений представляли собой дорогие современные дома, где на кухнях, несомненно, красовались морозильные камеры и плиты, отвечающие требованиям самых взыскательных любителей изысканных блюд. Тем не менее, несмотря на разницу стилей, это скопление плавучих домиков в целом выглядело совершенно отдельной экосистемой, наполненной самыми разнообразными формами жизни.

Я перешла улицу и наконец увидела магазинчик Пита. Войдя в маленький супермаркет, я взяла тележку и принялась бродить от одной стойки с товарами к другой. Примерно через полчаса продавец с седой бородкой уже упаковывал пакет молока, яблоки, бананы, хлеб, головку сыра чеддер, яйца, морковь, пять упаковок замороженных овощей, две куриные грудки, упаковку базилика, головку чеснока, пачку спагетти и бутылку белого вина. Когда я расплачивалась кредиткой, то заметила, что он улыбается мне.

– Недавно приехали? – спросил он.

– Да, – ответила я. Я чувствовала себя так, словно на моей спине прилеплен знак, на котором крупными буквами написано: РАЗВЕ НЕ

ВИДИТЕ – Я НЕ МЕСТНАЯ!

– Остановились в плавучем домике?

Я кивнула.

– На каком причале?

– На Лодочной улице, – ответила я.

– А, на Лодочной, – продолжал он, поднимая бровь. – Это одна из моих любимых. Знаете, у нее своя история.

– Правда? – спросила я, принимая из его рук чек.

Он склонился ко мне, словно хотел поведать какую-то тайну, не предназначенную для чужих ушей.

– Давным-давно там пропала одна леди. Просто исчезла однажды ночью. Полиции так и не удалось установить, что же с ней все-таки случилось. И, если хотите знать, обитатели Лодочной улицы не слишком помогали в расследовании.

Стоящая позади меня женщина с наполненной до краев тележкой многозначительно закашляла.

– Что ж, – произнесла я. – Благодарю вас, мне пора...

– А в каком плавучем домике вы остановились? – спросил продавец, передавая мне два бумажных пакета с продуктами.

– В последнем на этом причале, – ответила я.

Его глаза расширились.

– Так она там и жила.

* * *

Было уже девять вечера, и к этому времени я должна была бы устать, но почему-то чувствовала себя совершенно бодрой. Меня охватило беспокойство – похоже, вернулась бессонница. Я натянула легинсы и ночную рубашку и вышла на палубу. Было тепло, что, как я слышала, редко бывает в Сиэтле в июне. Солнце садилось, и над моей головой висели темные облака, словно ждали, когда солнце спрячется за горизонтом, чтобы окутать все небо и завладеть ночным городом. Я вдруг вспомнила, что где-то на полке видела банку какао, направилась на кухню, вскипятила в миске немного молока и насыпала туда щедрую порцию шоколадного порошка. Я закрыла глаза и снова увидела ее лицо – лицо моей малышки.

* * *

– Мама! – кричит Элла, вбегая в комнату вместе с Джеймсом. Шапочка с двумя розовыми заячьими ушками болтается на шее. У нее не хватает одного переднего зуба. Розовощекая мордашка просто излучает жизнерадостность. – Посмотри, что я сделала для тебя в школе! – Она вручает мне рисунок и расплывается в улыбке. На нем изображены все мы: я, Джеймс и Элла. Мы стоим перед неким подобием пряничного домика. – Это Северный полюс, – уточняет малышка.

– Смотри! – она указывает на санки, несущиеся в небе. – Это же Санта и Рудольф!

Я обнимаю ее. Она слишком мала для девяти лет и легкая, как перышко, поэтому я люблю качать ее на руках.

– Милая, мне так нравится твой рисунок. – У нее такие холодные щечки. – Тебе надо согреться, – говорю я. – Хочешь горячего шоколада?

Она хлопает в ладоши от радости.

– Да-а-а!

– Сегодня, видимо, пойдет снег, – говорит Джеймс, целуя меня в щеку. У него тоже холодные губы. – На улице уже минус двадцать.

Я хмурюсь.

– Думаешь, Санта все же сможет до нас добраться?

– Конечно, – отвечает он. – У него же внедорожник.

Я не могу сдержать улыбку. Несмотря на то что Джеймс жил в Нью-Йорке последние пятнадцать лет, он вырос в Монтане и провел все детство, помогая родителям на ранчо. Они до сих пор не понимали, как он может комфортно себя чувствовать в кишащем толпами городе после необъятных просторов Запада, но тем не менее очень гордились сыном. Джеймс великолепно учился в школе, с отличием окончил университет, прошел стажировку в «Вашингтон пост», после чего получил должность заместителя редактора в «Нью-Йорк таймс», где в конце концов стал ведущим колонки о путешествиях. Но когда родилась Элла, он принял решение оставить это занятие, чтобы иметь возможность быть дома и заниматься ребенком. Это решение далось ему очень нелегко, но дело было в том, что я только-только была назначена редактором отдела в «Санрайз» и моя зарплата была почти в два раза выше той, что получал Джеймс в своей газете. Так что все это имело смысл.

Я запускаю пальцы в его темные волнистые волосы и шепчу: «Тебе удалось купить подарки, которые она хотела?»

Он кивает.

– Все уже упаковано и убрано в кладовку.

– Ты просто суперпапа, знаешь?

Он улыбается.

– Конечно, знаю.

– Мама, – зовет Элла с высокого стула у бара. – Линдси и Джейн уже целую неделю получают подарки. А мы можем стать евреями?

Я улыбаюсь.

– Нет, милая, мы же итальянцы, разве ты забыла? То есть вы с папой итальянцы. Но я к вам присоединяюсь.

– Что, папа родился в Италии?

– Папа родился в Монтане, но твои дедушка с бабушкой действительно родились в Италии.

– А мы туда можем когда-нибудь съездить? – Она очень похожа на свою бабуку – такие же изумительно красивые карие глаза, оливкового оттенка кожа и волнистые волосы, как у Джеймса.

– Конечно, – отвечаю я. – В следующем году мы с папой тебя туда обязательно свозим. Там у тебя много двоюродных братьев и сестер, вот вы и познакомитесь.

Я вручаю ей чашку с горячим шоколадом и горсткой зефирных конфет.

– Осторожно, – предостерегаю я. – Он еще горячий.

Я снимаю с нее шапку с заячьими ушками и расплетаю косичку. Джеймс обнимает меня, а я расчесываю волосы дочурки.

Мне бы так хотелось навсегда остаться в этих воспоминаниях, но внезапно мои видения прерываются стуком в заднюю дверь. Сначала я не обратила на него внимания, не желая пробуждаться от приятных грез. Ну, еще пять минуток, думала я, хоть одно мгновение! Но стук не утихал. Тук-тук-тук...

– Эй, есть кто-нибудь дома?

Я вынырнула из воспоминаний, обернулась и увидела незнакомого мужчину, который всматривался в мое жилище из задней двери. Он был одет в клетчатую рубашку с длинными рукавами, темно-синюю шерстяную жилетку и джинсы. Его коротко стриженные светлые волосы слегка встрепаны, и невозможно было понять, сделано ли это специально, или же человек небрежно относился к собственной внешности.

– Да, я здесь, – откликнулась я, немного ошарашенная. Я натянуто улыбнулась, хотя вовсе не была настроена на беседу. Кроме того, к сожалению, я была не одета – ночная рубашка мало подходила для встречи с соседями, особенно со столь привлекательными мужчинами.

– Простите, – произнес он. – Я просто подумал, что следует заглянуть

и узнать, все ли у вас в порядке.

Внезапно я уловила запах дыма, но никак не могла понять, откуда он доносится.

В этот момент меня уже перестало интересовать, кто такой этот незнакомец, и все мои мысли были заняты лишь мыслями о том, что я могу спалить плавучий домик.

– Не представляю, что случилось, – произнесла я, глядя на плиту. – Я всего лишь включила конфорку, чтобы подогреть молоко и... – Тут я заметила, что из щели духовки просачивается струйка дыма. Я открыла духовку, и оттуда вырвались клубы едкого дыма.

Я отскочила от плиты, а сосед, которому я даже не успела представиться, вбежал в дверь и распахнул духовку, чтобы дым выветрился. Потом он включил вытяжку, и заработал вентилятор. Он заглянул внутрь плиты и с удовлетворенным видом отметил: слава богу, ничего не загорелось. Просто что-то тлеет.

– Странно, – сказала я. – Наверное, я просто устала. Мне казалось, что я погасила конфорку. А на самом деле, наверное, включила духовку.

Мужчина протянул руку. Вблизи он казался моложе, я подумала, что ему, наверное, нет еще и сорока.

– Меня зовут Алекс, – представился он.

– А я Ада, – сказала я. – Я только вчера сюда приехала.

– Позвольте приветствовать вас на нашем причале, – с улыбкой произнес он. – Вообще-то я живу на соседнем, но Джим и прочие обитатели считают меня почетным членом своего сообщества. – Он наклонился ко мне, поднеся ладонь ко рту, словно собирался сообщить мне какой-то секрет. – По правде говоря, – произнес он, весело подмигивая, – причал, на котором я живу, не слишком презентабельный.

– Неужели? – Я улыбнулась. Мы вышли на палубу, и он указал на плавучий домик напротив моего. Он был меньше, чем мой, а из-за резких линий и современной крыши сразу было понятно, что его хозяин мужчина.

– Я здесь поселился пять лет назад. Купил почти задаром, потому что дом уже почти затонул.

– Неужели? – удивилась я. – Значит, вы его перестроили?

– Конечно, – ответил он. – В любом случае приношу свои извинения за то, что так нахально вторгся в ваш дом. Но после пожара в одном из плавучих домиков в 2003 году я очень настороженно отношусь к дыму на озере.

– Пожар?

– Именно, – подтвердил он. – Это случилось через месяц после того,

как я сюда приехал. На соседнем причале сгорели пять домиков. Это было просто ужасно.

– О боже, – воскликнула я. – Кто-нибудь пострадал?

– Слава богу, нет. Что удивительно, потому что если загорается одно судно, огонь мгновенно распространяется на соседние. Здесь надо быть предельно осторожным.

– Извините, что напугала вас, – сказала я.

– Все нормально, – с улыбкой сказал он. – Честно говоря, на самом деле это лишь был хитроумный предлог, чтобы познакомиться с новой соседкой.

Меня внезапно охватило смущение – я вдруг осознала, что мой внешний вид никуда не годится: растрепанная, в старых легинсах и зеленой фланелевой ночной рубашке. Но тут я вспомнила, что Джоани говорила, будто жители Сиэтла не слишком заморачиваются по поводу стиля одежды, и немного успокоилась. И вообще, почему меня должно волновать, как я сейчас выгляжу?

– Ну что ж, – сказала я. – Было приятно с вами познакомиться.

– А вы здесь надолго? – спросил Алекс. Он вытащил левую руку из кармана, и я невольно обратила внимание, что на безымянном пальце не было кольца. Надо сказать, я всегда с подозрением относилась к привлекательным мужчинам зрелого возраста, не связанным узами брака. Как-то у меня случился кратковременный роман с тридцатилетним финансовым аналитиком, который казался почти идеальным мужчиной. Я даже познакомилась с его родственниками на свадьбе его сестры и втайне мечтала о собственной, пока не выяснила, что он голубой и затеял наши отношения лишь для того, чтобы убедить семью в своей якобы нормальной ориентации.

– Честно говоря, я пока понятия не имею, сколько времени здесь пробуду, – честно призналась я. – Я подписала договор до конца лета, но еще не решила, когда уеду.

Он кивнул.

– А чем вы занимаетесь в?..

– Нью-Йорке. Я из Нью-Йорка. – Я удивилась, что так разоткровенничалась с Алексом, но с ним было так легко общаться, и мне даже показалось, что в его присутствии печаль отступила. – Я журналист. Работаю редактором в «Санрайз».

– В журнале?

– Да, – сказала я. – А теперь, может быть, вы расскажете о себе?

– Я фотограф, – ответил он. – В основном делаю фотографии для

кулинарных изданий. Но только не подумайте, что я преуспел в кулинарии. На самом деле я даже омлет не сумею приготовить.

Я рассмеялась.

– Как же так? Не умеете готовить и при этом фотографируете всевозможные блюда?

– Знаю, что нормальному человеку это невозможно представить. Но если вы что-нибудь приготовите, я смогу профессионально запечатлеть ваш шедевр.

– Насколько я понимаю, вам нравится *есть* то, что вы снимаете?

– Разумеется, – ответил он. – Это самая лучшая часть процесса. – Он заглянул за угол, где стоял книжный шкаф. – Я дал Роксанне пару книжонков, чтобы скрасить досуг арендаторов.

– Вы имеете в виду владелицу домика, не так ли?

– Да, – ответил он. – Последний раз я получил от нее весточку, когда она находилась на Аляске.

Я кивнула, вспомнив, что сказал мне продавец в магазинчике о пропавшей женщине, но не стала об этом упоминать.

– Во всяком случае, уверен, что кулинарные книги все еще где-то здесь.

– Я непременно их поищу, – пообещала я.

Он улыбнулся.

– Что ж, мне, пожалуй, пора. Было очень приятно с вами познакомиться, Ада.

– Вас ведь, кажется, зовут Алекс? Простите, у меня очень плохая память на имена.

– Представьте, у меня тоже, – ответил он, направляясь к двери. Я в окно наблюдала, как он садится в каноэ и направляется через небольшой канал к своему домику.

Поднявшись по лестнице в спальню, я попыталась уснуть. Прошло какое-то время, но сон не приходил. Я вспомнила о прочитанной когда-то в журнале статье, где советовали в случае бессонницы встать и заняться чем-нибудь в течение двадцати минут, а потом снова попробовать заснуть. Все лучше, чем снотворное.

Я принялась рыться в чемодане – вещи так и не были разобраны – и наконец нашла роман, который искала. Я начала читать книгу, но после пары страниц потеряла к ней интерес. Я вспомнила про книги Алекса, и внезапно меня охватило любопытство. Подойдя к книжному шкафу, я начала рассматривать корешки. Множество романов, некоторые из них в бумажной обложке, были настолько зачитаны, что, казалось, их

потрепанные страницы скрепляют лишь любовь и капля клея. Путеводитель по северо-западу, руководство по туристическим походам в сопровождении собак... Затем, на самой верхней полке, я заметила целую стопку книг большого формата. С трудом дотянувшись до них, я достала ту, которая была похожа на кулинарную книгу. На обложке красовалось имя Алекса Милстеда, и я не смогла сдержать радостную улыбку. Книга была посвящена рецептам для барбекю, и ее автором была Келли Адамс. Я пролистала страницы. Да, фотограф действительно хорош. Изображения были яркими, живыми и по качеству ничуть не отличались от тех, которые можно видеть на страницах «Санрайз». Я снова бросила взгляд на обложку и отметила, что книга отмечена премией Джеймса Берда^[6]. Впечатляет. Заинтригованная, я открыла последнюю страницу, где была напечатана биография автора. Должна сказать, что эта Келли Адамс была весьма недурна. О ее литературной плодовитости я умолчу – судя по упомянутым данным, она написала четырнадцать кулинарных книг, и каждая из них была удостоена награды. Я даже увидела знакомое название – «Поздний завтрак», у нас в «Санрайз» несколько лет назад была опубликована на нее рецензия. Интересно, а не было ли у них с Алексом романа? Я прочитала данные о нем: «Фотограф Алекс Милстед, работы которого удостоены многочисленных премий, в течение многих лет работал в Судане как фотокорреспондент «Тайм», пока не сменил бронежилет на кухонный фартук. Несмотря на то что сам он считает себя дилетантом на кухне, его фотографии опубликованы в «Гурмэ», «О, Опра Мэгэзин», «Нью-Йорк таймс» и многих других журналах. В настоящее время живет в плавучем домике в Сиэтле».

Надо же, он, оказывается, вполне состоявшийся человек. Я положила кулинарную книгу на полку, потерла глаза и зевнула. Наконец-то я почувствовала, что меня клонит в сон. Я снова прошла в гостиную и на кофейном столике заметила стакан с водой, который там оставила. Впрочем, это был не кофейный столик, а скорее старинный деревянный сундук, который использовался не по назначению. Он был очень древний, с потускневшими медными петлями. Я опустила стакан на стойку в кухне, а затем снова вернулась к сундуку. На одной из петель висел небольшой замок, но, когда я подергала его, пытаюсь открыть, он не поддался. Что же там внутри?

Я поднялась по лестнице и забралась в постель. Прошло уже два года, но мне все равно было странно спать в одиночестве. Странно и очень грустно. Люк был открыт, и я слышала шум дождя на улице. Вначале он лишь слегка моросил, окутывая озеро легким туманом. Потом я услышала

оглушительный гром, и капли яростно забарабанили по крыше.

Дождь – божьи слезы.

Я натянула стеганое одеяло из гусиного пуха до подбородка и лежала, прислушиваясь к настойчивому звуку дождя. Монотонность успокаивала, и, закрывая глаза, я подумала, что Сиэтл и вправду может быть идеальным пристанищем для того, чье сердце разбито.

Глава 7

Пенни

Декс вышел из ванной в полотенце, обернутом вокруг талии. От него приятно пахло туалетной водой, волосы были гладко зачесаны назад, как я любила.

Он поцеловал меня, и я вдохнула запах его кожи – хвойный, сладковатый. Интересно, заметит ли он мое новое платье – в красно-белую клетку, с необычно глубоким для меня вырезом? Но он как ни в чем не бывало подошел к кухонной стойке и бросил несколько зеленых оливок в рот.

– Ты не забыла достать вермут?

– И еще приготовила маленькие зубочистки, как ты любишь, – сказала я, показывая коробочку. Мы устраивали здесь уже немало вечеринок, и я была уверена, что и сегодняшняя пройдет отлично. Я чуть не подпрыгнула от неожиданности – зазвонил таймер духовки.

– Что ты готовишь? – спросил муж.

– Твою любимую запеканку из артишоков.

– Артишоков?

– В чем дело? Мне казалось, ты ее любишь.

– Конечно, люблю. Просто думал, что сегодня будет из фасоли.

Я чуть не расплакалась. Мне хотелось швырнуть стеклянную кастрюльку на плиточный пол и позвать уток, чтобы они все подчистили. Уж они-то точно оценят мою стряпню!

Декс коснулся моей руки.

– Прости, – сказал он. – Я не знаю, что со мной творится. Запеканка из артишоков – это великолепно. – Он притянул меня к себе. – Ты тоже великолепна!

Я с трудом улыбнулась, но досада осталась.

Декс окунул кусочек французской булки в подливу, а потом повернулся ко мне.

– А ты пригласила нового соседа?

– Ты имеешь в виду того, который строит лодку?

Он кивнул.

– Думаешь, стоит?

Он бросил взгляд на часы.

– Почему бы и нет? Он производит впечатление довольно приятного человека. – Он почесал голову. – Только не могу вспомнить, как его зовут.

Колин. Его зовут Колин. Но я промолчала – мне было неловко признать, что я знаю его имя.

– Ну хорошо, пойду оденусь, – произнес Декс. – Ты не хочешь его пригласить?

– Даже не знаю, – ответила я, поворачиваясь к плите. Мне еще столько нужно приготовить.

– Не будь такой нелюдимой, Пенн, – заявил Декс. – А то он подумает, что тут живет парочка отшельников.

– Ну, хорошо, – быстро согласилась я, развязывая фартук. Декс удалился, чтобы одеться к вечеринке, и я, пощипав щеки перед зеркалом, вышла на палубу. Лодка Колина стояла у следующего причала, и я, вместо того чтобы пойти пешком, решила отправиться туда на каноэ. Сбросив туфли, я забралась в лодку. Смахнув с весла перо чайки, я оттолкнулась от причала, и через мгновение нос каноэ уже уткнулся в причал Колина. Привязав каноэ, я выбралась из него.

Чувствуя себя весьма неловко, я осмотрела палубу. Инструменты Колина в идеальном порядке были разложены рядом с металлическим чемоданчиком зеленого цвета с ржавой ручкой. Вблизи деревянная яхта выглядела гораздо красивее, чем я представляла, и я невольно залюбовалась ею. Он уже начал работать над леером. Я провела рукой по отполированной тиковой обшивке, гладкой, словно шелк, потом выпрямилась и прошла к задней двери домика Колина. Постучала, но ответа не услышала, поэтому, прижав лоб к стеклу, я стала всматриваться в полумрак.

Помещение внутри плавучего домика было чистеньким и скромно обставленным – я заметила маленький диван и кофейный столик. На кофейном столике лежало нечто, очень напоминающее медаль за военные заслуги, и несколько разбросанных фотографий. Я прищурилась, чтобы получше все рассмотреть, но по-прежнему ничего не могла разобрать. На полу стоял проигрыватель, рядом с которым валялась обложка альбома Фрэнка Синатры. Я обожала его песни.

Шаги за спиной заставили меня обернуться. Колин поставил на палубу пакет с продуктами и смущенно улыбнулся.

– Привет, – быстро произнесла я. – Я... я просто заскочила пригласить вас на вечеринку с коктейлями сегодня вечером.

– Надо же, – сказал он, продолжая улыбаться.

Между нами воцарилось напряженное неловкое молчание. Я не знала,

что еще можно сказать, поэтому попятилась назад к каноэ.

– И как вам все это понравилось?

Я изумленно посмотрела на него.

– Что именно?

– Мой дом, – ответил он. – Я видел, что вы пытаетесь заглянуть внутрь.

Мое лицо запылало, я почувствовала себя крайне глупо, словно маленькая девчонка, которую поймали за тем, что она пыталась залезть в косметичку матери.

– Никуда я не заглядывала, – возразила я. – Я просто пыталась понять, дома вы или нет.

– Разумеется, – произнес он. Улыбка по-прежнему не сходила с его лица, он слегка склонил голову вправо, как будто находил мое смущение крайне забавным.

– Послушайте, – сказала я, забираясь в лодку. – Забудем об этом. – Я отвязала каноэ и оттолкнула его от причала. – Я просто пыталась быть гостеприимной.

Я уже привязала каноэ к нашему причалу, когда на палубе появились Наоми и Джин.

– Добрый вечер, Пенни, – приветствовал меня Джин.

Я вылезла из каноэ, все еще чувствуя, что Колин неотрывно смотрит мне в спину, но не стала оборачиваться.

Наоми шагнула ко мне и поправила непокорный локон, выбившийся из моей прически.

– Ты чем-то расстроена, милая, – сказала она, поглядывая в сторону домика Колина. – С тобой все в порядке?

– Все просто замечательно, – ответила я самым уверенным тоном, на какой была способна.

Она всучила мне поникшую желтую хризантему в глиняном горшке.

– Такие милые цветочки, не правда ли?

Я кивнула, но не призналась, что просто терпеть не могу хризантемы, а от их тошнотворного резкого запаха у меня всегда начинает болеть голова.

– Давайте пройдем внутрь, – сказала я, пристраивая растение рядом с входной дверью. – Я приготовлю вам коктейль, пока мы ждем остальных гостей.

Из кухни я наблюдала, как Наоми скидывает свитер, демонстрируя обнаженные руки – длинные и красивые. Как бы мне хотелось носить блузки без рукавов хотя бы с небольшой долей ее уверенности. Декс

поцеловал ее в щеку и пожал руку Джину. Наоми слегка теребила ожерелье, слушая, как Декс рассказывает что-то забавное, но я не могла разобрать слов из-за треска шейкера. Все весело смеялись. Я продолжала энергично смешивать коктейль. Дексу нравилось, когда мартини покрыт слоем льда.

Я взяла три бокала, наколола оливки на зубочистки и дрожащей рукой наполнила бокалы до краев. Подобные увеселительные мероприятия всегда заставляли меня чувствовать себя не в своей тарелке и даже нервничать, а вот Декс был просто рожден для роли гостеприимного хозяина.

Том и Ленора пришли, когда я расставляла напитки на подносе. По возрасту они ближе к Дексу, чем ко мне. Среди его друзей я ощущала себя школьницей, но поспешила напомнить себе, что я все же жена Декса. Миссис Декстер Уэнтуорт. Я улыбалась, здороваясь с Эллен и Лу Марчами и с Джо и Линн Хофстра. Давным-давно, когда Декс только поселился на Лодочной улице, он встречался с Линн. Задолго до того, как в его жизни появилась я. Линн очень красива и элегантна. Она держала адвокатскую контору до того, как познакомилась с Джо. Я подхватила поднос, стараясь не расплескать напитки, когда до моих ушей донесся тихий разговор Наоми и Линн. Они стояли у двери и беседовали приглушенными голосами.

– Проблема в наше время состоит в том, что слишком многие мужчины выбирают жен, которые не соответствуют их интеллектуальному уровню, – говорила Наоми, томно потягивая мартини.

Линн кивнула в знак согласия.

– Я называю это материнским синдромом, – продолжала Наоми. – Мужчины инстинктивно ищут «мамочку», но на самом-то деле им нужна настоящая женщина. Партнер, а не клуша, которая будет каждый вечер укладывать их в постельку, принося кружку теплого молока.

Линн что-то ответила ей, но я не смогла разобрать слов.

Наоми закатила глаза.

– Совершенно верно, – сказала она.

Сердце мое заколотилось. Я старалась не обращать внимания на слова Наоми. Конечно же, она имела в виду вовсе не меня. И в то же время я не могла отделаться от мысли, что именно так она думает о нашем браке с Дексом, и ее мнение, несомненно, разделяют остальные его друзья. Почему так онемела моя левая рука? Я глубоко вздохнула и бодро направилась в гостиную, где гости окружили Декса. Он находился совсем рядом, но казалось, что нас разделяют тысячи миль. Я не понимала, что он им говорит. Реальность казалась мне призрачной, все как будто происходило не со мной. Я слышала лишь голос своего мужа и последующие взрывы смеха. Он душа компании. Я прошла сквозь толпу гостей, спеша занять

место рядом с ним. Миссис Декстер Уэнтворт. Но тут мой каблук зацепился за ковер, и я споткнулась. Мне не удалось удержать поднос, и он выскользнул у меня из рук. Раздался звук бьющегося стекла, послышались возгласы женщин.

– Дорогая, с тобой все в порядке? – встревоженно спросил склонившийся надо мной Декс. Его темные глаза были наполнены искренней тревогой. Подошли Ленора и Том. Лу, Эллен и Джо. Линн. Джин и Наоми. Она скрестила на груди руки, будто демонстрируя недовольство тем, что я испортила им весь вечер.

Я виновато посмотрела на Декса.

– Простите. Я такая неуклюжая.

– Ты просто споткнулась, милая, – сказал он. – А все этот чертов ковер. Надо было заменить его еще год назад. – Мне нравилось, как Декс умеет сглаживать неприятные моменты.

Все уставились на меня, и я почувствовала, как загорелись мои щеки.

– Мне, пожалуй, стоит выйти подышать воздухом, – выдавила я.

– Давай я с тобой посижу, – произнес Декс, помогая мне подняться на ноги.

Я заметила в его глазах печаль, которую он пытался спрятать за веселой маской счастливого человека. В последнее время эта печаль появлялась все чаще. А прошлым вечером я притворилась, что сплю, и явственно слышала, как он тихо плачет, лежа рядом со мной, а его тело, свернувшееся клубком, сотрясается от боли. Мне так хотелось утешить его, но я знала, что ему от этого станет еще хуже, ведь все мои прежние попытки помочь встречали ожесточенное сопротивление. Он блуждал в тумане, но ясно давал понять, что сам хочет найти выход. Мысль о том, что я ничего не могу сделать, не могу зажечь свет, чтобы осветить ему путь, причиняла мне нетерпимую боль.

Но в тот вечер я была преисполнена решимости и решила не отступать. Мне казалось, что я могу справиться со своими страхами и помочь ему засиять снова. Справиться с депрессией мужа гораздо важнее, чем идти на поводу у собственных страхов.

– Не стоит, – сказала я. – Лучше останься с гостями. Со мной все в порядке. – Я знала, как много для него значит эта вечеринка. Я знала, как он нуждается в компании друзей, и не желала омрачить ему вечер. – Я немного побуду на свежем воздухе и через минутку вернусь.

Я вышла на палубу, опустила в кресло и принялась смотреть на волны озера. А вечеринка тем временем текла своим чередом. До моих ушей доносился звук смешиваемых коктейлей. Кто-то поставил пластинку.

Они, наверное, танцуют. К горлу подступил комок. У меня не было сил вернуться в гостиную. Я поднялась из кресла и прошла на край палубы, где оставила каноэ. Пожалуй, я покатаюсь. Никто и не заметит моего отсутствия.

Я уже было потянулась за веслом, когда за моей спиной раздался голос.

– Надеюсь, я не слишком опоздал?

Это был Колин. Он выглядел несколько по-иному, может быть, потому что был одет не в свою рабочую одежду и гладко выбрит. На нем были джинсы и свежевыглаженная сорочка в тонкую полоску, две верхние пуговицы которой были небрежно расстегнуты. В правой руке он держал бутылку вина, а в левой – два бокала.

Я не нашлась что ответить.

– Увидел, что вы сидите здесь в одиночестве, – сказал он, открывая бутылку и разливая вино по бокалам. Он вручил мне один из них, и я безропотно его приняла. – И осмелился предположить, что вам не помешает компания.

Я сделала маленький глоток. Вино было теплым, успокаивающим и, как мне показалось, принесло облегчение. Колин уселся рядом на палубе и прислонился к стене домика. Я решила последовать его примеру и уселась рядом, тщательно расправив клетчатую льняную юбку, чтобы прикрыть ноги.

– А почему вы не угостили меня булочками? – спросил Колин. Заметив смущение на моем лице, он пояснил: – Я просто услышал аппетитный запах свежей выпечки и размечтался. – Он пожал плечами. – Они удались?

– Они были великолепны, – ответила я.

– Вы знаете, ветер постоянно доносит божественные запахи из вашей кухни до моей палубы, – продолжил он.

Я невольно улыбнулась.

– До сегодняшнего дня не знала. Но теперь, когда вы меня просветили, мне придется печь шоколадные пирожные чаще.

Он приложил руку ко лбу в притворном отчаянии.

– О, это будет пытка для моих рецептов.

Я лишь лукаво улыбнулась.

– Итак, поговорим о выпечке. Надо понимать, это ваша фишка?

Еще не успев ответить, я поняла, что на самом деле, когда я поглощена процессом замешивания теста или выпечки пирогов, это приносит мне удовлетворение, и эта мысль порадовала меня.

– Полагаю, этот процесс отвлекает меня от всего остального.

Колин понимающе кивнул.

– Вот точно такие же эмоции и я испытываю, когда работаю над яхтой. В это время ничто в мире не имеет для меня значения, кроме деревянной рейки в руках.

Потом он спросил:

– Вам нравится здесь, в Сиэтле?

– Пожалуй, да, – вполне искренне ответила я. – По большей части. А вам?

Он пожал плечами.

– Нормально. Но я не собираюсь задерживаться здесь навсегда.

– Правда?

Он отвел взгляд, и на его лице появилось отрешенное выражение, словно он вглядывался в прошлое или, возможно, в будущее.

– Когда я завершу проект, над которым сейчас работаю, я продолжу свои путешествия.

Я указала на маленькую яхту, над которой он так увлеченно трудился.

– Значит, на ней вы поплывете куда-нибудь далеко-далеко?

– Нет, конечно, – ответил он. – Это особое судно и принадлежит заказчику.

Он бросил короткий взгляд на мой дом, и мне стало любопытно, не принадлежит ли его заказчик к числу поддерживающих Декстера меценатов из богатейших семей Сиэтла.

Мне было немного грустно при мысли о том, что это прекрасное творение будет когда-нибудь принадлежать какому-нибудь незнакомцу. Интересно, Колину будет тяжело с ним расставаться?

– Когда вы ее закончите, что будете делать дальше?

Колин пожал плечами.

– Получу деньги, и вперед, к новым приключениям.

Я натянула юбку пониже на ноги и изменила позу.

– Как бы мне хотелось в один прекрасный день уплыть отсюда, – робко призналась я.

– Тогда почему вы этого не делаете? – спросил Колин. Мне нравилась его непринужденная манера вести беседу. Казалось, он в любой момент может подняться и уйти. Если бы я могла вести себя так же свободно!

– Видите ли, мой муж не выносит путешествовать по воде, – объяснила я. – Его укачивает.

– И тем не менее он продолжает жить в *плавучем домике*?

– Если судно находится на закрытом участке воды, то с ним все в порядке, но при волнении в открытом море он всегда плохо себя чувствует.

– Что ж, давайте представим, что вы можете путешествовать совершенно свободно и направить судно, куда хотите. Куда бы вы поплыли?

Я на минуту задумалась, а потом улыбнулась.

– На остров Каталина, конечно.

Было очевидно, что Колин весьма удивлен моим выбором.

– Почему именно туда?

Я допила последний глоток вина, и он снова наполнил бокал.

– Это звучит так романтично. Есть такая песенка, помните?

– «Двадцать шесть миль через моря, там Санта-Каталина ждет меня. Санта-Каталина – это остров любви»^[7]... Вы это имеете в виду?

– Конечно, – я мечтательно улыбнулась. – Во всяком случае, мне так хотелось отправиться туда во время медового месяца, но Декс предпочел провести время в Мексике.

– Ну, Мексика тоже звучит неплохо, – сказал Колин. – Я путешествовал по всему Тихоокеанскому побережью. А теперь мне хотелось бы отправиться к Нижнюю Калифорнию.

– Правда? – спросила я, весьма заинтригованная. – А где бы вы закончили свое путешествие?

Улыбка внезапно исчезла с лица моего собеседника, и я испугалась, не ступила ли случайно на запретную территорию, но он пожал плечами и просто ответил:

– Терпеть не могу задерживаться на одном месте слишком долго.

Мне безумно хотелось расспросить его о прошлом, но мое внимание снова переключилось на происходящее в доме, потому что оттуда снова донесся оглушительный взрыв смеха.

– Кажется, они там весело проводят время, – произнес Колин, указывая на заднюю палубу.

Я кивнула в знак согласия.

– А вы будете плавать на своей лодке? Я имею в виду, когда вы ее закончите, и до того, как заказчик ее заберет? – Я была смущена, говорила подозрительно быстро, как обычно, когда нервничаю. – Понимаете, я всегда мечтала совершить кругосветное путешествие на яхте, допустим, начать свой путь отсюда и плыть из порта в порт, чтобы кожа загорела дочерна.

Какое-то время Колин внимательно смотрел мне в глаза. Солнце уже опустилось за горизонт, и я с трудом различала выражение его лица – лишь глаза, большие и яркие, в которых сквозило неподдельное любопытство.

– Вы таким образом просите меня вас покатать?

Я совсем ступшевалась. Я, конечно, открыто не намекала, но, если честно, в моих словах несомненно присутствовала невысказанная просьба. Больше всего на свете мне хотелось залезть в это чудесное суденышко под парусами и почувствовать, как ветер играет моими волосами.

– Да нет, я просто...

– Ну что вы, я всего лишь поддразниваю вас, – сказал Колин. – Мне хотелось бы пригласить вас на прогулку на своей яхте.

Я смущенно улыбнулась и поспешила отвернуться, чтобы Колин не заметил моих пылающих щек.

– Вы знаете, таких, как вы, мало, – внезапно сказал он.

Я подумала, что он всего лишь хочет польстить мне, и быстро проговорила:

– Не говорите глупостей.

– Нет, на самом деле, – заявил он, – немногие женщины мечтают о жизни в море, которую вы только что описали.

– Не понимаю, что тут такого.

Он покачал головой.

– Знаете, большинство женщин предпочитают безопасную спокойную жизнь.

Я тут же подумала о своей жизни с Декстером. Безопасная. Спокойная. Какое точное описание.

Я не успела возразить, как Колин заговорил снова.

– Когда-то в детстве меня привела в восторг цитата из Марка Твена. Он сказал: «Через двадцать лет вы будете больше сожалеть о том, чего не сделали, чем о том, что вы сделали. Поэтому отбросьте сомнения. Уплывайте прочь от безопасной гавани. Поймайте попутный ветер своими парусами. Исследуйте. Мечтайте. Открывайте».

– Какие прекрасные слова! – воскликнула я взволнованно. – Как же я хочу отправиться в плавание...

Колин довольно улыбнулся, а потом сунул руку в карман и извлек помятый билет. Я разглядела, что это был билет в кинотеатр на фильм «Незабываемый роман»^[8]. Я так хотела сходить на этот фильм в прошлом месяце, но Декстер жаловался на головную боль, и нам пришлось отказаться от этой затеи.

– Не понимаю, что это, – сказала я.

– Ваш билет. На первое в жизни плавание.

– Ну... спасибо, – произнесла я чуть растерянно.

Я подняла голову и, заметив приближающегося к нам Декстера, быстро вскочила и спрятала билет в крошечный карман своего платья.

– Тебе уже лучше?

– Да, намного лучше, дорогой.

Декс улыбнулся Колину и протянул ему руку.

– Рад, что вы все-таки пришли. Меня зовут Декстер Уэнтуорт. А это моя жена, Пенни. Проходите, давайте выпьем что-нибудь. У нас только начались танцы.

Колин последовал за Дексом в дом. Я заметила, что Наоми уже успела выпить. Она стояла с вызывающим видом и улыбалась, словно Чеширский Кот. Интересно, а чем занимается Джимми сегодня вечером? Я представила, как он сидит дома в полном одиночестве, рассматривает комиксы или тарашит в телевизор... Джин поднялся на ноги и забрал у Наоми бокал, из которого она пила мартини. Нетвердой походкой женщина направилась к нам.

– О, посмотрите, кто к нам пожаловал! Красивый мастер-лодочник, – изрекла она с громким смехом.

Пленительные звуки саксофона Стэна Гетца заполнили комнату.

– Отлично, – сказала Наоми капризным тоном. – Наконец кто-то удосужился поставить нормальную танцевальную музыку. – Она схватила Колина за руку и неловким движением пристроила ее на мою талию. – Вы тут самые молодые и поэтому должны танцевать.

Колин посмотрел на меня и виновато улыбнулся.

– Это ведь вечеринка, – прошептала я ему на ухо. – Давайте потанцуем.

Он притянул меня поближе, как будто мои слова его успокоили. Я чувствовала, что все нас рассматривают, но не заметила в комнате ни Декса, ни Наоми, ни Джина. А Колин, оказывается, отлично танцует. Можно не беспокоиться, что мне отдавят ноги. Я расслабилась, голова стала легкой. И когда глаза Колина встретились с моими, то сердце мое замерло, а потом забило с удвоенной силой...

Глава 8

Ада

Я пила кофе на палубе, когда вдруг увидела Джима, выглядывающего из-за угла.

– Простите, я вас не побеспокоил? – Он, как всегда, полон дружелюбия, но все же было заметно, что с ним что-то не так. Может быть, чем-то расстроен. Мой сосед не из тех людей, которым удастся спрятать дурное настроение за улыбкой. Может быть, поэтому он мне так нравился.

– Нет, – ответила я. – Разумеется, нет.

Он протянул мне карточку, очевидно напечатанную на струйном принтере – края были слегка запачканы краской.

– Мама настаивает на том, чтобы мы приглашали всех соседей на это мероприятие. Оно проводится каждый год.

Я рассмотрела открытку.

ПРИГЛАШЕНИЕ

на ежегодный Бал холостяков на Лодочной улице

30 июля в 18.00

Убедительная просьба спиртные напитки приносить с собой.

– Бал холостяков? Звучит заманчиво.

Джим пожал плечами.

– Его проводят, сколько я себя помню. У нас раньше даже был музыкальный квартет. Но они все поумирали. Сейчас из участников остался только отец. Он играет на скрипке.

– Правда? – удивилась я. – Мне тут на днях казалось, что я слышу звуки скрипки. Наверное, это ваш отец играл.

– Угадали, – Джим расплылся в улыбке. – Я так счастлив, что он по-прежнему играет. Конечно, он уже почти не видит ноты, но музыкальная память его не подводит. Он играет по памяти.

– Потрясающе, – воскликнула я.

– Понимаете, старческая деменция – ужасная болезнь. В какой-то момент он кажется совсем нормальным и тут же обращается ко мне, принимая меня за своего коллегу с факультета английской литературы. Маме так тяжело все это видеть. Впрочем, иногда он вспоминает вещи, о которых она сама забыла напрочь. – Он пожал плечами. – Человеческий мозг абсолютно непостижимая вещь.

– Как печально, – посочувствовала я. – Наверное, это очень тяжело для вас.

Он снова пожал плечами.

– Во всяком случае, мама очень настаивала, чтобы вы тоже были приглашены.

– Благодарю, – ответила я, улыбаясь. – Вы ее нашли?

Он посмотрел на меня в недоумении.

– Я имею в виду Генриетту, – напомнила я.

– Увы, нет. Она так еще и не вернулась домой.

– Грустная новость. А как себя чувствует Хейнс?

– Отвратительно, – ответил он. – Он категорически отказывается есть.

– Я попытаюсь поискать ее, – сказала я, поворачиваясь к задней двери. – Что ж, пожалуйста, передайте вашей матери мою благодарность за любезное приглашение. – Джим расплылся в улыбке, как будто его внезапно осенила какая-то идея.

– А почему бы вам не навестить нас и не познакомиться с ней? Это пойдет ей на пользу. У отца сегодня плохой день, а когда это случается, ей тоже приходится несладко.

– А вы уверены, что стоит это делать? – осторожно поинтересовалась я. – Я даже не успела привести себя в порядок. И на самом деле...

– У мамы катаракта, – пояснил он. – Для нее вы всегда будете выглядеть как Анджелина Джоли.

Я улыбнулась и последовала за ним по причалу. Внезапно я заметила зеленый вьюнок, обвивающий край пристани. Белые цветы жадно тянулись к утреннему солнцу.

– Этот вьюнок, – обратилась я к Джиму, – как он называется? В Нью-Йорке мне не приходилось видеть ничего подобного.

– Его называют «утреннее сияние», – ответил он. – Прелестное растение, вы не находите?

– Просто чудо! – сказала я, наклоняясь, чтобы дотронуться до нежного белого граммофончика.

– А вот мама так не считает. В прежние времена она вела с ним беспощадную борьбу и никогда не позволяла этому растению так буйно разрастаться. Она бы давно уже выколола его с корнями. Вот такая у нее была причуда.

На мгновение я задумалась, почему так случается, что люди обязательно находят себе объект для личной вендетты. Это может быть определенный человек, место, любые предметы. Мой отец, например, воевал с газозаправочными станциями. Он всегда утверждал, что там

жульничают. Всегда с подозрением рассматривал колонки в полной уверенности, что датчики врут. А у Джоани были заморочки в отношении барменов, готовящих кофе. Она, например, как-то вообразила, что студент, подрабатывающий за стойкой бара, во вторник утром намеренно испоганил большую порцию латте без кофеина с цельным обезжиренным молоком просто ради того, чтобы досадить ей, и потом переносила свое раздражение на всех барменов. Именно по этой причине я никогда не ходила с ней в кафе. Я едва удержалась от смеха, когда вспомнила нашу ожесточенную перепалку с управляющим в кафе «Старбакс» в Среднем Манхэттене. О, милая моя Джоани.

Почему так происходит? Почему психика человека пытается найти объект для ненависти и раздражения? Чем, например, не угодило прелестное «утреннее сияние» матери Джима Клайда?

Мы остановились у дома, перед которым стояли горшки с красивыми растениями.

– Ну, вот мы и пришли, – произнес Джим.

Он открыл дверь, и я вошла вслед за ним в дом. Зеленые стены оттенка авокадо и ворсистое ковровое покрытие коричневого цвета. Мне вдруг показалось, что я очутилась году эдак в 1963-м. И возможно, так оно и было, – время словно замерло здесь. Я вспомнила, что именно в этом доме вырос Джим.

– Мам, ты прилично одета?

В коридоре появился мужчина весьма преклонных лет. Он был высок и худощав, со сгорбленной спиной, и я подумала, что он страдает остеопорозом. На нем были мешковатые брюки, которые, казалось, были на три размера больше, чем надо, и мятая белая полотняная рубашка, одетая шиворот-навыворот.

– Привет, пап, – произнес Джим.

– Это ты, сынок? – Выражение его лица показалось мне приветливым.

– Да, это я, папа, – ответил Джим. – Мне бы хотелось тебя кое с кем познакомиться. Это Ада, наша новая соседка.

– Кто-кто?

– Ада, – повторил Джим.

Старик привычно протянул мне руку, но на лице его застыло недоумение.

– Джин Клайд. Очень приятно с вами познакомиться.

– Пойдем присядем, папа, – сказал Джим.

В гостиной Джин поинтересовался, какие книги я читаю, и я сообщила ему, что купила какой-то роман в аэропорту, но, к сожалению, не могла

припомнить название.

– Отец раньше преподавал английскую литературу, – пояснил Джим, подмигивая мне.

– А теперь скажи мне, Пенни, – продолжил старик, – начала ли ты читать роман, который я оставил вчера на твоём пороге?

– Папа, – сказал Джим в удивлении. – Это же *Ада*.

– Ничего страшного, – сказала я в надежде, что Джин не расстроился из-за того, что мог обидеть меня. Интересно, каково это – жить с деменцией? И кто такая эта Пенни?

– Джим, дорогой!

За моей спиной стояла мать Джима. На ней был синий бархатный домашний костюм. Нежная кожа покрыта морщинами и слегка обвисла на высоких скулах. Судя по тому как она на меня смотрела, я могла поспорить, что, несмотря на внешние признаки старения, она не потеряла остроту ума.

– Кто эта юная леди? – спросила она и, слегка прихрамывая, подошла к нам.

Я вспомнила, что она недавно сломала бедро, и была удивлена, что она уже на ногах.

– Мама, – недовольно произнес Джим. – Разве тебе уже можно ходить?

Она наклонилась к Джиму и поцеловала его в щеку. Седые пряди, уложенные в элегантное каре, упали ей на лицо.

– Я в полном порядке, милый, – сказала она и перешла на шепот. – А у твоего отца, наоборот, *не очень хороший день*.

Джим понимающе кивнул.

– Я в курсе.

– Кто эта красавица? – спросила она, разглядывая меня. – Представьтесь, пожалуйста, мисс?...

– Санторини, – сказала я.

– О, так вы итальянка? Что-то не очень похоже. – Она вела себя прямолинейно и даже резко, и я непременно обиделась бы, если бы этой женщине было лет тридцать пять, а не около восьмидесяти.

– Вы угадали, – ответила я. – Я была замужем за итальянцем.

– А-а, так вы разведены, – сказала она, – как, впрочем, очень многие сейчас.

– Нет, – сказала я более вызывающим тоном, чем намеревалась. – Мой муж погиб.

– Простите, дорогая, – проговорила она, покачивая головой. – Примите мои соболезнования. – Она протянула мне руку. – Меня зовут Наоми.

– Приятно познакомиться. У вас чудесный дом. – Сама не знаю, зачем

я это сказала. На самом деле дом производил гнетущее впечатление. В комнатах было темно, в воздухе витал запах лекарств и непреходящей печали. Впрочем, я всегда имею обыкновение говорить лишнее, когда нервничаю, а сейчас я точно была сама не своя.

– Вы напряжены, – сказала Наоми. – Сядьте рядом со мной.

– Мама целых сорок лет проработала психоаналитиком, – извиняющимся тоном пояснил Джим. – Она привыкла вести душевспасительные беседы.

– Поверьте, со мной все в порядке, – сказала я с натянутой улыбкой.

– Нет, это вовсе не так, дорогая, – сказала Наоми. – Откуда ваша печаль? Все скорбите о муже?

Своей манерой разговаривать она напоминала доктора Эвинсона. Она расковыривала раны, которые я предпочитала прятать, но которые даже через два года все еще кровоточили. Моя боль не укрылась от нее, и мне почему-то казалось, что ее любопытство вовсе не вызвано желанием помочь мне исцелиться.

Я бросила взгляд на часы.

– Было приятно с вами познакомиться, – поспешно произнесла я, – но сейчас мне действительно пора идти.

Наоми одарила меня странной улыбкой и проводила взглядом до самой двери.

У Джима было такое лицо, словно ему хотелось передо мной извиниться, и я ободряюще кивнула ему, бросив взгляд на диванчик, где уснул его отец.

* * *

Сколько бы времени ни прошло, я, наверное, никогда не отделаюсь от привычки готовить из расчета на двоих взрослых и одного ребенка. Вот и сейчас, разогревая чугунную сковородку и наливая в нее оливковое масло, я словно чувствовала, как Джеймс обнимает меня за талию, прикасается губами к моей шее. Сколько раз я отстранялась от него, потому что была слишком увлечена работой? Сколько раз я говорила ему: «Только не сегодня»? Я бросила куриные грудки на сковородку, и они яростно зашипели. Теперь я бы все отдала, чтобы он был здесь! Как бы я хотела вернуть эти мгновения. Все без исключения.

Я порезала хлеб, смешала уксус, растительное масло и специи для того, чтобы полить листья салата, а затем выдавила на куриные грудки

лимонный сок и посыпала их мелко нарезанным чесноком, как всегда делал Джеймс. Наконец, я открыла бутылку вина и плеснула немного в сковородку, вдыхая умопомрачительный аромат.

– Привет, моя любовь. – Я словно слышу слова Джеймса. До него никто меня никогда так не называл. Он был галантен, как истинный итальянец. Неисправимый романтик, мой Ромео.

– Я скучаю по тебе, – произнесла я вслух. Слова эхом отдались в полупустой кухне.

– Хочу, чтобы ты была счастлива.

– Но я не могу, – возразила я ему. – Нет счастья без тебя.

Он покачал головой.

– Ты должна попытаться.

– Не думаю, что получится.

– Сделай это ради меня...

Я смахнула слезу и отнесла тарелку с цыпленком, салатом и хрустящим хлебом на палубу. Был уже седьмой час, и, несмотря на то что ветер был совсем слабым, по поверхности озера скользили несколько яхт с надутыми парусами. Не успела я приняться за еду, как заметила, что к соседнему причалу в зеленом каяке приближается Алекс.

– Привет, – сказал он, вылезая на палубу. Мы посмотрели друг на друга. На сей раз он был одет в джинсы, синюю майку и серую бейсболку.

– Привет, – ответила я.

– Вижу, что сейчас вам не удалось спалить этот домик, – сказал он с лукавой улыбкой.

Я подняла тарелку с едой и улыбнулась в ответ.

– Видите? Я исправляюсь.

Он кивнул.

– Что бы это ни было, пахнет просто изумительно.

Я пожала плечами.

– Ничего особенного. Просто жареная курица.

– Все лучше, чем еда из тайского ресторана навьнос.

Я вспомнила о лишней порции куриной грудки на сковороде, хлебе на доске и целой миске салата, с которыми мне одной явно не справиться.

– Не хотите ли присоединиться? – внезапно сказала я, с трудом узнавая собственный голос.

Он положил весло в каяк и улыбнулся еще шире.

– Вы не шутите?

– Нет, конечно. Но предупреждаю сразу – это не какое-нибудь изысканное блюдо для кулинарных книг.

– Вот это-то мне и нравится больше всего. Захватчу-ка я, пожалуй, фотоаппарат.

Вскоре он вернулся с камерой через плечо, снял бейсболку, прижал ее к груди и церемонно поклонился.

– Примите мою благодарность.

Я не могла не рассмеяться при виде его драматического жеста.

– За что?

– За то, что спасли меня от тайского ужина.

– Правда? А я обожаю тайскую еду.

– Не поверите, но я тоже, – сказал он. – Однако хотел бы я знать, что бы вы сказали после пятидесяти шести дней поедания зеленого карри с весенними роллами.

– Пойдемте, – предложила я, поднимаясь на ноги. – Я вас угощу.

Он прошел вслед за мной на кухню. Я наполнила тарелку и поставила ее на барную стойку. Он тут же выхватил фотоаппарат.

– У вас не найдется какой-нибудь скатерти или куска ткани? Что-нибудь, чтобы создать фон?

– Я вовсе не считаю, что мое блюдо заслуживает того, чтобы его фотографировали.

– Вы не правы, – возразил он. – Смотрите, как блестит бок цыпленка. – Я не стала признаваться ему, что это одно из немногих блюд, которые я умею готовить.

Я вытащила полосатое кухонное полотенце из ящика рядом с мойкой.

– Это подойдет?

– Вполне, – ответил он, глядя в объектив. Вспышка, потом вторая. Он сбросил туфли и взобрался на стойку. Я обратила внимание, как перекачиваются его бицепсы, когда он поднял камеру и начал пристраивать ее над тарелкой. Еще несколько вспышек.

– Готово, – сказал он, спрыгивая со стойки. Его рука коснулась моей, когда он показывал мне сделанные кадры, на которых мое творение выглядело в сто раз аппетитнее, чем на самом деле.

– Вот это да! – изумленно воскликнула я.

– Недурно получилось, правда? – сказал он, радостно улыбаясь. – А ведь мы даже не прибегали к услугам фуд-стилиста. – Он наклонился ко мне и прошептал с заговорщическим видом: – Должен признаться, они такие зануды.

Алекс отрезал кусочек и положил его в рот.

– Очень вкусно, – сказал он, прикрывая рот.

Я улыбнулась.

– После тайской еды навьнос покажется вкусным все что угодно.
– Не прибудняйтесь, – вполне искренне возразил Алекс. – Вы на самом деле замечательно готовите.

Я достала из буфета второй бокал.

– Налить вам немного вина?

– Нет, благодарю, – сказал он. – Я не пью спиртного.

Мы весело болтали о том о сем, пока он доедал ужин, а потом я снова наполнила бокал, и мы сидели на диване, откуда открывался потрясающий вид на озеро.

– Я нашла вашу книгу, – сказала я. – Ту, которая с рецептами барбекю.

Он серьезно посмотрел на меня.

– И как она вам показалась?

– Просто потрясающе. Премия Джеймса Берда – это впечатляет.

Он пожал плечами.

– Я набрал пятнадцать фунтов, пока над ней работал.

– И я понимаю почему. – Мне хотелось задать ему вопрос о соавторе, но я не решилась. Вместо этого я принялась расспрашивать его о прошлой карьере.

– Вам, наверное, не хватает путешествий. И потом, та работа, которую выполняли в Судане...

– Да, – ответил он. – Иногда скучаю по прошлым временам. – Он пристально смотрел на озеро, словно хотел, чтобы порывистый ветер унес его кораблик далеко-далеко. – Никогда не думал, что придется расстаться с карьерой военного корреспондента. Это мое призвание.

– Но почему же вы это сделали?

В его взгляде промелькнула странная отрешенность, а потом он внимательно посмотрел на меня.

– Потому что дома нашлись гораздо более важные дела.

– И вам удалось с ними справиться?

– Хотелось бы мне, чтобы это было так, – произнес он. – Но, к сожалению, ничего не получилось. Впрочем, и не могло получиться. – Он потер лоб. – А теперь расскажите о себе. Приезд сюда связан с вашей работой?

– Нет, – честно призналась я. – Работа, карьера – все осталось в Нью-Йорке. Решила начать новую жизнь.

Мы смотрели друг другу в глаза.

– Что-то как-то слишком тихо, – сказала я, почему-то испытывая легкое волнение. – Кажется, я видела где-то здесь стереосистему.

Алекс указал на шкафчик на стене и направился к нему.

– Вижу, вы знаете этот дом гораздо лучше меня, – сказала я.

Он усмехнулся.

– Парень, который снимал этот дом до вас, был рыбаком. Очень добродушный малый, но, к сожалению, слишком любил выпить. Пил виски ведрами. Мне даже несколько раз пришлось провожать его до дома.

– Вот как? – сказала я. – Теперь понятно, откуда в комнате, где стоит стиральная машина, столько рыболовных крючков.

Он улыбнулся и снова занялся стереосистемой. Повозился с антенной, но из динамиков раздавался лишь невнятный шум.

– Что-то не принимает. А давайте-ка посмотрим, что стоит у старины Джо в проигрывателе.

– У старины Джо?

Он кивнул.

– Я имею в виду того рыбака.

Внезапно комнату наполнила знакомая мелодия. Я словно застыла на месте, но сначала не могла понять почему. А потом раздался чудесный бархатистый голос Карен Карпентер.

– «Дождливые дни и понедельники»^[9], – сказал Алекс.

Я не могла произнести ни слова. Просто уставилась в пространство перед собой, изо всех сил пытаюсь сдержать слезы.

Алекс опустился на диван рядом со мной. Он явно почувствовал, что со мной что-то не так.

– Извините, – быстро произнес он. – Если вам не нравится, я выключу...

– Нет-нет, – сказала я. – Пожалуйста, не надо. – Я смахнула слезинку, но тотчас же по щеке потекла другая. – Мой муж очень любил эту песню, – я попыталась улыбнуться. – Он был единственным в мире нормальным мужчиной, который любил Карпентеров^[10].

– Он не один такой. Представьте, я тоже их поклонник.

Я улыбнулась уже более непринужденно. На мгновение мне даже показалось, что невыносимое бремя печали на моих плечах стало чуть-чуть легче.

– Джеймс погиб в понедельник, – произнесла я.

Некоторое время мы молча слушали музыку. Каждый был погружен в собственные мысли, а потом Алекс осторожно взял меня за руку. И я ее не отняла.

Глава 9

Пенни

Я только что убрала со стола тарелки после завтрака, поставила печься домашний хлеб к обеду – медовый из цельного зерна – и устроилась на диванчике рядом с Дексом.

– Надеюсь, ты хорошо провел вчера время?

Он даже не оторвал глаза от газеты.

– Да, вечеринка удалась.

Я знала, что он мучился от головной боли. Утром он, не успев проснуться, сразу же потянулся за аспирином.

Я улыбнулась, вспомнив о том, как вчера ночью он на руках отнес меня в спальню, вспомнила наши нежные объятия. Но прошло лишь восемь часов, и магия любви словно испарилась. Декс казался отрешенным и печальным.

Он опустил газету на кофейный столик и повернулся ко мне.

– Я собираюсь провести всю следующую неделю в мастерской, – не терпящим возражений тоном произнес он.

Я закусила губу.

– Я не понимаю...

– Что ты не понимаешь? – огрызнулся он. – Мне надо работать, вот и все.

Я встала и прошла на кухню. На глаза наворачивались слезы.

– Пенни, – позвал Декс уже более мягким тоном.

Я обернулась, потом открыла духовку и посмотрела, как там мой хлеб, который уже неплохо поднялся и приобрел прекрасный золотисто-коричневый оттенок. Я задержалась на кухне, стараясь сдержать слезы.

– Дорогая, – продолжал Декс. – Пойми, это всего лишь работа. Пожалуйста, не принимай это на свой счет.

Декс, конечно же, прав. Он ведь художник, творческая личность. А брак с художником требует терпения тибетского монаха. Разве он не твердил постоянно, что развелся с первой женой, потому что она требовала постоянного внимания с его стороны. Ну нет, я вовсе не желаю быть обузой. Но все же, так хочется, чтобы тебя любили. Неужели ему так трудно приходить ночевать домой каждый вечер?

– Прости, – сказала я, поворачиваясь к нему. – Я просто терпеть не

могу, когда ты отсутствуешь так долго. Мне здесь становится так плохо.

– К тому же мой психиатр считает, что мне полезно проводить какое-то время в одиночестве.

Мне хотелось сказать: «А твой психиатр когда-нибудь советует что-нибудь, что полезно для меня, твоей жены?» Но, выждав пару минут, я согласно кивнула.

– Декс, ты же знаешь, все, что я хочу, – это чтобы ты был счастлив.

Он притянул меня к себе и поцеловал в щеку.

– Поэтому-то я и люблю тебя так сильно.

* * *

Декс ушел еще до полудня, предпочтя перекус в кафе в центре города горячему сэндвичу из свежеевыпеченного хлеба с говядиной и сыром. Я старалась сохранять спокойствие и заворачивала лишний сэндвич для того, чтобы убрать его в холодильник, когда услышала тихий стук в заднюю дверь.

Я подняла голову и увидела Джимми, который стоял на палубе, прижав нос к стеклу.

– Доброе утро, милый, – сказала я.

– Можно мне войти? – спросил он, глядя на меня широко раскрытыми наивными глазами.

– А мама знает, что ты здесь?

Он пожал плечами.

– Она сегодня работает. Кроме того, ей все равно, где я, лишь бы я ей не мешал.

– Ты ошибаешься, Джимми, – сказала я не слишком уверенно.

Он прошел в гостиную и плюхнулся на кушетку.

– В твоём доме всегда так приятно пахнет, – сказал он. – Прямо как в булочной.

– Спасибо, – сказала я. – Ты голоден?

Он кивнул.

Я всучила ему сэндвич Декса, он быстро развернул его и откусил здоровенный кусок.

– А я получил отличную оценку за доклад, – сказал он с набитым ртом.

– Отличная работа, малыш, – сказала я. – Уверена, твоя мама была счастлива.

Он замотал головой.

– Она не любит жуков.
– Жуков?
– Ну да, книга была про жуков.
– Вот как?
– А она хотела, чтобы я написал доклад про дядьку по имени Фрайд.
– Ты имеешь в виду Фрейда?
– Ну да, вроде так.
Я улыбнулась.
– Честно говоря, я тоже больше люблю жуков.
Джимми торжествующе посмотрел на меня.
– А ты меня покатаешь на каноэ?
– Не знаю, – ответила я, вспомнив предостережения Наоми насчет Джимми. – Твои родители будут скоро тебя искать.
Он покачал головой. Молчаливая мольба в его глазах все же вынудила меня согласиться.
– Только недолго.
Он поднялся и обвил ручонками мою талию.
– Спасибо, Пенни.

* * *

Озеро в тот день было великолепным – сверкающее и гладкое, как зеркало. Каноэ без усилий скользило по волнам, разрезая воду, как нож, разрезающий масло.

Приплыв на середину озера, мы остановились и некоторое время покачались на волнах. Тут царило спокойствие. Джим положил весло и повернулся на сиденье, чтобы лучше меня видеть.

– Мне так хотелось бы уметь что-нибудь делать хорошо, – неожиданно сказал он.

– О, Джимми, ты же много чего умеешь делать хорошо.

Он отрицательно покачал головой.

– Я плохо учусь в школе.

– Это неправда, – сказала я. – Ты просто еще не понял, какой у тебя на самом деле талант. У всех людей есть свои уникальные способности. Просто надо выяснить, какие у тебя склонности.

Он широко открыл глаза.

– А у тебя какая фишка?

– Ну, скажем, я люблю печь пирожки.

– У тебя просто отличные пирожки!

– Мне бы хотелось когда-нибудь открыть свою пекарню.

Он на мгновение задумался, а затем улыбнулся своим мыслям.

– Понял. А я хочу рисовать комиксы.

– Джимми! – воскликнула я. – Это просто прекрасная идея!

Он вытащил кусок бумаги из кармана и протянул мне. Листок был сложен несколько раз, и я осторожно его развернула.

– Не очень хорошо получилось, – быстро произнес он.

Я изумилась, как мастерски мальчик изобразил людей и собаку в этом маленьком комиксе, и посмеялась над концовкой.

– Просто замечательно, – сказала я. – Ты обязательно должен показать это родителям.

Джимми затряс головой и быстро убрал свое творение, засунув его в карман.

– Нет. Они ничего не понимают в комиксах.

– Зато хорошо понимают, что такое талант, и будут очень тобой гордиться.

Он пожал плечами и снова отвернулся к воде, а я бросила взгляд на берег, где наш причал казался крошечной точкой.

– Пенни, – позвал он. – А у тебя когда-нибудь будет ребеночек?

Я нервно улыбнулась, застигнутая этим вопросом врасплох. Вспомнила наш последний разговор об этом с Декстером. Он похлопал меня по коленке и произнес: «Стать отцом в моем возрасте?» И все же мне безумно хотелось ребенка. Я не переставала думать о том, что, если бы у меня был малыш, мне не было бы так одиноко. Это могло бы заполнить пустоту в душе, ту маленькую трещину, где не было места Дексу. Но после трех лет брака стало ясно, что с нами что-то не так. И может быть, причина была во мне.

– Джимми, – сказала я, тщательно выбирая слова. – Мне бы очень хотелось родить ребенка, больше всего на свете. Но в этой жизни иногда не все получается так, как хочешь.

– Это несправедливо, – сказал он, нахмурившись. – Ты хочешь ребенка, и его у тебя нет, а у мамы есть я, а она никогда этого не хотела.

– Нет, дорогой, – поспешно произнесла я. – Не надо так говорить. Ты же знаешь, что это неправда. Твоя мама очень тебя любит.

Он больше не произнес ни слова на обратном пути к причалу, но потом увидел Колина в лодке, и его глаза загорелись. Колин прикреплял тонкую деревянную рейку на корме.

– Мы можем поздороваться с ним?

Я не видела никакого вреда в том, чтобы наведаться туда, поэтому согласно кивнула и изменила курс, пришвартовав каноэ у причала Колина.

– Привет всем, – сказал он, приподнимая шляпу.

Даже не спросив разрешения, Джимми прыгнул из каноэ на причал.

– А можно посмотреть вашу яхту?

– Джимми, я...

– Все в порядке, – мягко сказал Колин. – Сегодня мне не помешает лишняя пара рук.

– Правда? – просиял Джимми. – Я всегда всем помогаю.

Я улыбнулась и развела руками.

– Ну, раз вы не возражаете...

Я наблюдала, как они вдвоем прилаживают рейку к лодке. Джимми прижимал пальцами ее край с таким видом, как будто выполнял самую важную в жизни работу, и старался что было сил.

– Готово, – сказал Колин. – Остается только покрыть все лаком, чтобы не отличалось от остальных деревянных деталей. – Он всучил Джимми небольшую банку и кисточку и наблюдал, как мальчишка старательно красит рейку.

– Вот молодец, – одобряюще произнес Колин. – Из тебя получится отличный кораблестроитель.

Он мог бы стать образцовым отцом, это было совершенно ясно. Я невольно поморщилась, вспомнив, как неловко Декс вел себя с детьми. Хотя я понимала, что это не его вина. В детстве он не знал любви. Его никогда не учили общаться с другими детьми. А нужно ли этому учить? Может быть, люди с этим рождаются? И все же я не осуждала Декса. Я просто восхищалась, насколько доброжелательно Колин обращался с Джимми, и радовалась про себя.

– Ну, вот и замечательно, – сказал Колин. – Отлично получилось. Я бы не смог закончить эту часть работы без тебя.

Джимми метнул взгляд в сторону каноэ, где я все еще сидела, а потом снова взглянул на Колина.

– А можно я еще когда-нибудь вам помогу?

– А-а-а? Ты хочешь быть моим постоянным помощником? Я как раз его ищу. Мне нужен человек с сильными, уверенными руками, вот как у тебя.

– Мне бы очень хотелось стать вашим помощником, – искренне произнес мальчик.

– Ну что ж, хорошо. Давай попробуем...

Мы все обернулись, заслышав нервный стук каблуков по причалу,

говорящий о крайнем раздражении их обладательницы.

Это была Наоми. Она в упор посмотрела на меня с неприязненной гримасой, а потом повернулась к сыну.

Я отчетливо ощущала напряженность Джимми.

– Джимми Аллан Клайд, – произнесла она. – Немедленно иди сюда.

Джимми быстро вылез из лодки.

– Да, мама, – откликнулся он, и я поразились тому, как сразу потухли его глаза.

Наоми картинно вздохнула.

– Ты просто мерзкий мальчишка. С сегодняшнего дня и носа не смей показывать в гостиной. – Она щелкнула пальцами. – Пенни, отведи его домой.

Колин молча наблюдал, как Джимми перебирается в каноэ. Он взглянул на меня с виноватой улыбкой, а я молча кивнула ему в ответ.

Я отвезла Джимми к задней палубе его дома и остановила каноэ, чтобы он мог вылезти.

– Мама, – с горячностью начал оправдываться он. – Я просто помогал Колину строить лодку!

– Ты это делал первый и последний раз, – злобно бросила она. – Немедленно иди в дом.

– Но, мама, – умоляющим голосом произнес мальчик.

Она закатила глаза и указала ему на заднюю дверь. Джимми безропотно подчинился.

Наоми резко повернулась ко мне.

– Как ты посмела? – На ее лице были следы туши, размазанной от слез.

– Я всего лишь... – промямлила я. Нужные слова никак не подбирались.

– Оставь моего сына в покое, – заявила она. – Он не нуждается в твоём сочувствии.

– Но я не...

– Ты ведь думаешь, что я плохая мать, разве не так?

– Нет-нет, что вы...

– Перестань лицемерить! Это мой сын, и нечего за него цепляться.

– Хорошо, – сказала я и оттолкнула лодку от причала. Ее слова заделали меня.

Я оглянулась назад, когда плыла к дому, и неожиданно увидела, что Наоми стоит на коленях прямо на палубе, обхватив опущенную голову руками. Она громко плакала, рыдания сотрясали ее тело. Я была страшно

удивлена. Вот уж не думала, что когда-либо буду испытывать сочувствие в отношении Наоми – женщины, которая относилась ко мне чрезвычайно холодно с самого момента моего появления на Лодочной улице. Но в тот момент я поняла, что и ей не чужды страдания. Теперь я смотрела на нее другими глазами. Я обнаружила едва заметные трещинки в стенах ее тщательно выстроенного и приглаженного мира.

Бедный, бедный Джимми. Мне бы так хотелось помочь ему, сделать его жизнь хоть немного счастливее. Я пришвартовала каноэ к причалу. Было ветрено, я поежилась от холода. Поднявшись наверх, я вытащила желтую кашемировую кофту из кладовки, вспоминая, как Декс принес ее в один мартовский день вместе с желтыми сережками точно такого же цвета. Я сунула руки в рукава. Роскошная мягкая шерсть ласкала кожу, словно теплое масло. Декс всегда умудрялся покупать все самое лучшее. Я заметила, что платье, в котором я была вчера вечером, небрежно брошено на стул. Тут же вспомнила Колина и вытащила из кармана билет, который он мне дал. Я какое-то время подержала его в руке, разглядывая мятую бумагу и изучая текст. Пятнадцатое мая тысяча девятьсот пятьдесят девятого года. Он ходил на этот фильм в прошлом месяце. Интересно, с кем? Я вдруг почувствовала себя виноватой. Наверное, ту часть мозга, которая отвечает за такие крамольные мысли, следовало бы удалить перед тем, как приносить брачные обеты. Подойдя к люку над кроватью, я выглянула, чтобы посмотреть на домик Колина, но его уже не было на палубе. Я снова подумала, как замечательно он обращался с Джимми, и в моем сердце снова поднялось непонятное волнение. Я стояла, любуясь яхтой. Как бы мне хотелось уплыть на ней в неведомые края, но я знала, что этот путь для меня невозможен.

Я присела на корточки у шкафа и протянула руку, чтобы вытащить маленький медный ключик. Я храню его в нише под нижним ящиком. Мне никогда не нравился этот шкаф с отвратительными, на мой взгляд, ручками в виде ревущих львов, но оказывается, что его подарил Дексу на день рождения его приятель-мебельщик, и было неудобно просить его избавиться от этой вещи.

Спустившись вниз, я опустилась на колени у старого сундучка бабушки Розы, который привезла с собой в плавучий домик. В детстве я всегда считала, что в этом сундуке хранятся сказочные сокровища, и, возможно, так оно и было. Бабушка рассказывала, что была влюблена в моряка до того, как встретила деда. Легенда гласила, что именно он подарил ей этот сундук, и она сохранила его даже после того, как они с дедушкой поженились. Больше о таинственном моряке мне ничего не было

известно, но я помню, как тепло бабушка говорила о нем. Я была уверена, что она до сих пор любит этого мужчину, но я не знала, из-за чего они расстались. И я так никогда и не узнаю, какие сокровища когда-то хранил этот сундук, обитый внутри красным шелком.

Специально для меня бабушка наполнила его всевозможными милыми вещицами, которые обычно так нравятся маленьким девочкам. Там лежали фарфоровые куклы различных размеров, серебряная щетка и целый набор расчесок, четыре расписанные розами чашки, старый ящичек из-под сигар с бижутерией. С годами я добавляла туда другие вещи – сборник стихов о море, письмо, извещающее о приеме в Академию мисс Хиггинс, синюю записную книжку с кулинарными рецептами.

Вначале мне казалось неправильным скрывать все эти вещи, эту часть моей жизни, от Декстера. Но ему тоже было что от меня скрывать. У него были свои тайны, и куда более серьезные, чем у меня. Я как-то обнаружила фотографию его первой жены в ящичке письменного стола и их письма друг другу. Он ни слова не говорил о своем прошлом до женитьбы. Когда я наконец набралась смелости и спросила его о бывшей супруге, он лишь признался, что действительно был раньше женат, и попросил меня больше никогда не затрагивать эту тему.

Да, у Декстера были свои тайны, поэтому я решила, что тоже могу себе это позволить. Я вставила ключ в крошечный замок и подняла крышку сундука, вдыхая знакомый запах – слегка отдающий плесенью запах цветов и сырости, как в дождливую ночь. Я принялась разглядывать свои сокровища. Мои старые друзья по-прежнему находились там. Я положила в сундук, рядом со старыми фотографиями, билет, подаренный мне Колином, а потом опустила крышку и снова заперла замок.

Глава 10

Ада

Мне казалось, я могу болтать с Алексом всю ночь, и ему, видимо, тоже было легко со мной. Но было уже за полночь.

– Ну, пожалуй, мне пора идти, – сказал он, бросая взгляд на настенные часы. – Благодарю за прекрасный ужин.

– Не за что, – ответила я. – Предлагаю как-нибудь повторить.

Алекс улыбнулся.

– Отличная идея.

После того как он ушел, я поднялась наверх, размышляя о нашем необычном свидании. А было ли это свиданием? Я подумала, что совершенно разучилась общаться с мужчинами. Нет-нет, это, конечно же, вовсе не свидание, твердила я себе. Как глупо с моей стороны даже вообразить такое. Но уж если быть честной, то совершенно очевидно, что, когда я находилась рядом с Алексом, где-то в глубине моего сердца вспыхивала искорка, чего я не испытывала уже очень давно, с тех пор как...
О, Джеймс...

Я поднялась по лестнице на верхний этаж и решила наконец распаковать свой чемодан и расположиться в новом доме как полагается. Я раскладывала вещи в ящиках старого платяного шкафа, пока чемодан не опустел. Джеймс умел упаковывать вещи. Перед любым путешествием я просто доставала одежду, которую хотела взять с собой, и бросала на кровать. Словно по мановению волшебной палочки он раскладывал вещи в аккуратные стопки, всегда сворачивая брюки в трубочку, чтобы они не помялись, – и мастерски укладывал их в чемодан, делая это с удивительной ловкостью. Я закрыла глаза и вспомнила нашу поездку в Париж. Мы были с ним вдвоем. Он преподнес мне этот сюрприз через неделю после того, как Элле исполнилось четыре года. Я вернулась домой с работы и увидела родителей, играющих с Эллой на полу в карты «Уно».

– *Мамочка, мамочка!* – кричит Элла, видя, что я захожу в квартиру. – *У папы для тебя сюрприз! Вы полетите на самолете.*

Я издаю стон. Ведь только вчера я вернулась из Портленда после съемок сюжета для журнала, и последнее, чего мне хотелось, – это совершать очередной перелет. Я смотрю на Джеймса – он улыбается, указывая на чемодан, стоящий в коридоре у двери.

– Я уже обо всем позаботился, – говорит он. – Я увожу тебя в Париж.

– А как же наша дочь? – возражаю я, бросая взгляд на Эллу. Несмотря на то что мне часто приходилось совершать деловые поездки одной, я при любой возможности старалась брать Джеймса с Эллою с собой. Это будет первый раз, когда нам предстоит путешествовать без нашей малышки, и я вовсе не уверена, что смогу на это решиться.

Чувствуя мое смятение, моя мама поднимается и подходит ко мне.

– Не стоит беспокоиться, милая, – говорит она. – Поезжай и отдохни немного. Мы с отцом обо всем позаботимся.

Я машинально киваю и прохожу на кухню за стаканом воды, и тут вдруг вспоминаю, что забыла по дороге заехать в магазин за продуктами.

– Джеймс, у нас закончился твой любимый яблочный соус, – говорю я, как будто нехватка соуса была достаточной причиной, чтобы остаться дома и отвертеться от поездки в Европу.

– Я утром купил упаковку, – говорит он с улыбкой. Он обнимает меня и шепчет: – Послушай, ведь завтра годовщина нашей свадьбы, а я знаю, что ты всегда мечтала поехать в Париж. Позволь мне отвезти тебя в этот город. Давай побродим по Парижу вместе.

Я оборачиваюсь и смотрю ему в глаза, понимая, что эта поездка значит для него очень много. Пока я работаю, он изо дня в день заботится об Элле. Наконец до меня доходит, что ему это путешествие нужно гораздо больше, чем мне.

– Не возражаю, – говорю я, глядя ему в глаза.

– Вот и отлично, – отвечает он с улыбкой. – Такси будет через час.

Я все бы отдала, чтобы вернуть это мгновение, услышать веселый смех Эллы в гостиной.

Я наклонилась, чтобы закрыть нижний ящик, и вдруг услышала звон сережки, выпавшей из уха на деревянный пол. Вот проклятие! Я опустилась на колени, чтобы найти ее, шаря под кроватью, перед шкафом. Даже легла на пол, чтобы облегчить поиски, и тут вдруг заметила блеск металла под шкафчиком. Сунув туда руку, я обнаружила маленький медный ключ в нише под ящиком. Поднеся его к свету, я увидела, что это один из старомодных ключей – длинный, с дыркой на конце. Интересно, как он туда попал и что им можно открыть? И вдруг до меня дошло – это может быть ключ к сундуку в гостиной!

Спустившись вниз, я некоторое время помедлила, прежде чем дать волю любопытству, а потом вставила ключ в старый замок и покрутила немного. Замок тут же открылся, и меня от нетерпения охватила нервная

дрожь.

Я подняла крышку сундука. Оттуда донесся затхлый запах, пахло плесенью. Я наклонилась, чтобы изучить содержимое, и вытянула пачку старых фотографий, перевязанных бечевкой. На верхней фотографии была изображена пара в день свадьбы. Невеста совсем юная, в шляпке по моде пятидесятых с сетчатой вуалью. Жених – мужчина аристократической внешности, напоминающий Кэри Гранта или Грегори Пека в старых черно-белых фильмах, которые я любила смотреть в компании бабушки, – выглядел заметно старше. Я положила стопку фотографий на пол и вернулась к сундуку, где обнаружила записную книжку с рецептами. На странице с рецептом рулета с корицей было написано «любимое лакомство Декса». Декс – это, наверное, тот мужчина с фотографии, подумала я.

Еще нашлись корешки двух билетов, датированные 1959 годом: один на концерт Фрэнка Синатры, другой на фильм «Незабываемый роман». Одинокая засохшая роза на белом носовом платке, которая, наверное, когда-то украшала чей-то корсаж. Когда я взяла ее в руки, лепестки рассыпались на множество крошечных кусочков, усеяв ковер, покрывавший пол гостиной. На самом дне сундука обнаружилось свадебное платье. Ткань его пожелтела и была побита молью, но я легко могла представить, что когда-то оно было ослепительно-белым и изысканно-красивым. Я подняла его, и кружева колыхнулись, словно издавая едва слышный вздох. Судя по узкой талии, его владелица была очень изящного сложения. На пол упала пара белых перчаток. Они, вероятно, скрывались в складках платья. Я осторожно сложила роскошный наряд и бережно поместила его в сундук.

Кому принадлежали все эти сокровища? И почему их здесь оставили? Я пролистала записную книжку с рецептами. Печенье, торты, десерты – эта женщина, видимо, обожала печь. Я положила книжку в сундук вместе с фотографиями, снова перевязав их бечевкой, и тут вдруг заметила в углу книгу. Это было старое издание романа Хемингуэя «И восходит солнце» в бумажном переплете. Я в прошлые годы прочитала несколько романов Хемингуэя – «Праздник, который всегда с тобой» и некоторые из его поздних произведений, – но с этим еще не успела познакомиться. Я бегло пролистала книгу и заметила, что у одной страницы был загнут уголок. Я открыла его и увидела, что там подчеркнута одна строчка. «Невозможно убежать от самого себя, путешествуя из одного места в другое».

Я посмотрела на волны озера, пытаясь осознать смысл этих слов. А не это ли я пытаюсь сделать? Убежать от себя самой? Я неотрывно смотрела на строчку в книге и думала, почему именно она привлекла внимание

неизвестной женщины, которая подчеркнула ее много лет назад? Не пыталась ли она, как и я, убежать от себя самой?

Я закрыла крышку сундука и вдруг заметила, что на полу что-то лежит. Это был браслет – такой, какие выдают в больнице. Он был сделан из пластмассы, и буквы на поверхности почти стерлись и были едва различимы. Я включила лампу и поднесла его поближе к свету. На браслете было написано имя.

Я сунула браслет в карман джинсов и подумала, что мне надо найти как можно больше информации о таинственной незнакомке. А вдруг это та самая женщина, о которой упоминал продавец в магазине? Та, которая внезапно исчезла?

– Пенни, – произнесла я вслух. – Кто же ты такая?

* * *

Я проснулась и сразу же подумала об Алексе. Да, мы прекрасно провели время вместе, но не стоит, чтобы наши отношения заходили слишком далеко. Я приехала сюда, чтобы исцелиться, а не заводить роман, к которому еще не готова.

Преисполненная решимости сдержать обещание, данное себе самой, я спустилась вниз по лестнице и вдруг заметила синюю вязаную жилетку на кресле. Я подняла ее и инстинктивно прижалась к ней носом. Ткань пахла свежестью и хвоей – смесью мыла и сосновых иголок. Я почувствовала легкое волнение в груди и быстро положила жилетку на место.

Этим утром я решила покататься на каяке и заодно заскочить к домику Алекса, чтобы отдать ему забытую жилетку. Он ведь приглашал меня заглянуть, так что это не будет выглядеть неприлично. Или все же это не совсем удобно? Я закрыла глаза и подумала. Остановись, сказала я себе, не надо анализировать. Я всего лишь хочу вернуть эту дурацкую жилетку хозяину.

Тем не менее я заметила, что провела перед зеркалом на несколько минут больше, чем обычно. Тщательно расчесала волосы и попробовала уложить их тремя разными способами, а затем тронула губы блеском.

– Доброе утро, – крикнул мне Джим со своего причала, когда я застегивала спасательный жилет. – Хотите поплавать?

– Да. Похоже, погода позволяет провести утро на озере.

– У нас так всегда, – сказал он. – А я, пожалуй, выведу лодку попозже. – Он кивнул на яхту, пришвартованную у задней палубы.

– Желая хорошего плавания, – сказала я.

– Можете ко мне присоединиться, – предложил он с улыбкой. Я покачала головой.

– Благодарю вас, может быть, в другой раз. Я просто умираю от нетерпения увидеть озеро глазами утки.

Его улыбка стала еще шире.

– На всем белом свете нет ничего лучше, поверьте.

Я забралась в каяк, сунула для удобства жилетку Алекса себе под спину и осторожно вывела лодку на озерную гладь. Появились волны, и сначала мне казалось, что лодка вот-вот опрокинется. Я ухватилась за борта каяка и задержала дыхание, уже готовая к тому, что меня вот-вот накроет вода. Но лодка не опрокинулась, и я, осмелев, поплыла дальше. Я ритмично погружала весло в воду и довольно быстро продвигалась к середине озера. Я вдруг вспомнила, как я каталась на каноэ в старших классах с парнем по имени Кори. Я и тогда была уверена, что мы опрокинемся, и, когда он наклонился ко мне, чтобы поцеловать, лодка практически перевернулась. Воспоминания согрели мою душу. Чем больше я гребла, тем дальше мне хотелось заплыть, и я просто не могла остановиться в своем стремлении вперед. Я позволила мыслям течь свободно, подобно лодке, скользящей по воде. И, конечно же, они снова вернулись к Джеймсу и Элле. Я представила, как они сидят вместе на причале лодочной станции в Ки-Ларго и болтают ногами. «Санрайз» направил меня на острова Флорида-Кис, чтобы изучить местные возможности для путешествий, и я взяла Джеймса и Эллу с собой. Мне нравилось, когда во время моих деловых поездок они находились рядом со мной. Таким образом я компенсировала чувство вины, которое невольно испытывала. Ведь обычно они оставались вдвоем в Нью-Йорке, а я ютилась в одиночестве в гостиничном номере и беспокоилась по любому поводу, начиная с того, съела ли Элла положенные ей овощи, и заканчивая тем, запер ли Джеймс окно в гостиной на ночь. Дочке было тогда всего лишь три годика, щечки были еще по-младенчески круглыми, а крохотные ладошки не потеряли очаровательную пухлость, которую я просто обожала.

– *Мамочка, – нежным голоском произносит она. – Посмотри, какие замки мы с папой построили из песка. – Она указывает на два сооружения поодаль. Одно высокое, с четкими линиями, идеально симметричное. Другое выглядит так, словно по нему прошелся торнадо.*

– *Они оба очень красивые, – говорю я, но указываю на ее творение. – А вот этот особенно.*

– *А это мой, – с гордостью говорит она.*

– Мы собирались пообедать в городе, – говорит Джеймс. – Не хочешь к нам присоединиться или ты еще занята?

– Я бы с удовольствием присоединилась к вам, – отвечаю я, – но мне в полдень предстоит брать интервью у мэра города.

Элла дергает меня за юбку.

– Мама, ну пожалуйста!

– Милая, ты же знаешь, что я бы обязательно поехала, если бы могла.

– Элла, не забывай, мама приехала сюда работать, – говорит Джеймс. – А мы здесь за компанию. – Я вздыхаю, понимая, как сильно я его люблю и как ценю то, что он уважает меня и мою работу.

– Желаю хорошо провести время! – Я смотрю, как они идут к машине, которая стоит неподалеку. Он одет в свою обычную майку и шорты, а она в белый льняной сарафанчик и розовые сандалии.

У меня намечено интервью с мэром Ку-Ларго в холле гостиницы, поэтому, чтобы не опоздать, я направляюсь прямо туда. Войдя в фойе, я вдруг слышу оглушительный вой сирен где-то вдалеке. «Скорая помощь»? Пожарная машина? Сирена завывает со стороны главного шоссе. Джеймс и Элла, скорее всего, поехали именно этой дорогой, чтобы пообедать в центре города. Внезапно меня охватывает дикая паника. Вдруг произошла авария? Я пытаюсь унять свою тревогу, но не могу совладать с ужасом, поднимающимся из глубины души. К ужасу примешиваются чувство вины и нестерпимое предчувствие, что я потеряла двух самых дорогих в моей жизни людей. Что, если «Скорая помощь» спешит к ним? Я бегу к стойке регистрации.

– Если придет мэр, пожалуйста, скажите ему, что произошел несчастный случай, – говорю я. – Передайте, что я вернусь, как только смогу убедиться, что с моей семьей все в порядке.

Я хочу бежать туда, к шоссе. Если Джеймс и Элла пострадали в аварии, я просто не представляю, как буду жить дальше. Я хочу одного – быть там. Добежав до пешеходной дорожки, я пытаюсь разглядеть, что происходит на шоссе, но ничего не вижу. Дрожжащими пальцами набираю номер Джеймса, но он не отвечает. Набираю еще раз, но он по-прежнему молчит. Мимо с огромной скоростью проносится еще одна машина «Скорой помощи» и заворачивает за угол, где пальмовые листья низко нависают над дорогой. Вой сирены затихает. Неужели с ними произошло несчастье? У меня перехватывает горло. Что мне делать? Как жить дальше? Я ускоряю шаг, потом припускаю бегом. От места катастрофы меня отделяет лишь пара домов, но мне кажется, что я пробежала целую милю или даже больше. Я не очень-то хорошо бегаю, поэтому жутко

запыхалась, в боку у меня закололо, и мне пришлось снова перейти на шаг. Я сгибаюсь пополам от боли, но потом с усилием распрямляюсь и продолжаю свой путь. Теперь я уже могу видеть мигающие огни «Скорой». Там несколько полицейских машин и две «Скорые». Все говорит о том, что произошла крупная авария. Я поднимаю голову и вижу, что в небе кружит вертолет медицинской службы. Я не слишком религиозна, но все же верю в Бога. Верю в то, что он слышит нас, а мне в этот момент было так необходимо, чтобы он меня услышал.

– Боже все милостивый, – вслух произношу я слова молитвы, – пусть с ними все будет в порядке. Сделай так, чтобы они были в безопасности.

Я уже близко от места аварии и вижу полицейских, стоящих в оцеплении вокруг места происшествия. Я помню, что автомобиль, который мы арендовали, был синего цвета. Пока я вижу лишь черный джип. Он смят, как гармошка. Боже, помоги мне. Я перевожу взгляд дальше и вижу носилки, которые в этот момент вкатывают в «Скорую». На них лежит темноволосая маленькая девочка. Я не могу различить ее лицо, но замечаю лишь кусочек белой ткани.

– Элла, – кричу я. – Элла, мама здесь!

Вдоль дороги проезжает еще одна полицейская машина. Из нее выходит полицейский и преграждает мне путь.

– Мэм, – говорит он, – туда нельзя.

– Но там моя дочь! – кричу я. – Это моя... – Но затем я вижу микроавтобус с огромной дырой в боку. Вся дорога перед ним залита кровью. Мужчина в порванной рубашке склоняется над женщиной, которая истошно кричит, пытаюсь заглянуть в «Скорую».

– Моя малышка, – рыдает она. – Моя малышка!

Я отхожу в сторону. Страх и ужас обуревают меня, но в то же время я испытываю облегчение. Мое сердце наполняется сочувствием к этой матери, чье дитя борется за жизнь, и в то же время теперь я знаю, что моя девочка сидит в целости и сохранности позади папы в машине.

И тут я слышу, как в сумке звонит телефон. Это Джеймс.

– Привет, – говорю я со вздохом облегчения.

– Ты где? Я слышу какой-то шум в трубке.

– Здесь произошла авария, – говорю я. – Мне показалось, что вы пострадали, и я побежала туда, чтобы проверить. О, Джеймс, мне так страшно!

– Дорогая, не беспокойся о нас. Мы только что доехали до ресторана. Элла заказала гамбургер с сыром.

– Гамбургер с сыром, – повторяю я, и эти слова тут же успокаивают

меня. – Джеймс, я подумала...

– Эй, что с тобой? – говорит он. – Все прекрасно, милая. Пожалуйста, не беспокойся. – Я слышу веселый голосок Эллы. Как мне хочется быть сейчас там и сидеть рядом с ней! – Я подумал, может, после того как мы вернемся, ты сможешь взять небольшой отпуск или просто уговоришь редактора не заваливать тебя таким количеством заданий. – Он ненадолго замолчал. – Если ты сама захочешь, конечно. Тебе решать, я вовсе не хочу давить на тебя. Просто, понимаешь, мы по тебе очень скучаем.

Я глубоко вздыхаю и медленно, осторожно выдыхаю. В трубке слышится смех Эллы, которую явно что-то развеселило.

– Ты прав, – говорю я. И с моим мужем действительно нельзя не согласиться. Что-то надо менять в нашей жизни.

Прошло уже больше часа. Я переплыла через озеро, а потом вернулась, едва избежав столкновения с гидропланом. Теперь я качалась на волнах, рассматривая ставший моим пристанищем плавучий домик и прилегающий причал. Надо сказать, этот причал не блистал изысканностью по сравнению с соседними. Большая часть двухэтажных домиков у соседних причалов были гораздо новее и отличались более сложной конструкцией, чем дома на Лодочной улице. И в то же время эти современные постройки с их выверенной архитектурой и безупречной отделкой казались более чопорными и какими-то холодными, неуютными.

Вдалеке я заметила Алекса. Он махал мне рукой со своей палубы. Я улыбнулась и направила свое суденышко к его причалу.

– Привет, – сказала я, вручая ему жилетку. – Прощу прощения, если она слегка намокла.

– Рад, что она пригодилась в качестве подушки, – с лукавой улыбкой произнес он. – Не хочешь ненадолго зайти? Могу угостить бутербродами трехдневной давности. И еще у меня вроде бы где-то в холодильнике завалялась тайская лапша. А уж плесень с нее мы как-нибудь соскрежем.

– От твоих слов у меня прямо-таки аппетит разыгрался, – рассмеялась я.

Он помог мне привязать каяк, а потом протянул руку, чтобы помочь выбраться. Это было очень кстати, потому что я едва не потеряла равновесие. Алекс поддержал меня за талию, разумеется, только для того, чтобы я не упала в озеро.

– Прости, – сказала я, обретая шаткое равновесие на палубе. Я расстегнула спасательный жилет и осмотрела джинсы. Они слегка намокли, но, слава богу, не насквозь.

– Ну и как впечатления от трехчасового плавания? – поинтересовался он.

– Это просто непередаваемо. На том берегу совершенно роскошные плавучие дома. Я удивлена. Один из них похож чуть ли не на итальянскую виллу... вот только это как-то странно выглядит.

Алекс кивнул.

– Дома на новых причалах совсем другие, чем наши. Они напоминают безвкусные замки на старых баржах. – Он пожал плечами. – Выбиваются из общего стиля. Дома в нашем сообществе были построены небогатыми художниками, представителями богемы. Пятьдесят лет назад можно было купить плавучий домик всего за пятьсот долларов. А теперь надо быть миллионером, чтобы позволить себе поселиться на большинстве здешних причалов. Спрашивается, где справедливость?

Я кивнула, восхищаясь его наивным идеализмом. Я сама успела много чего прочитать об истории создания этого сообщества и была немало удивлена, когда узнала, что его истоки были весьма скромными в финансовом отношении. Например, в конце XIX века плавучие дома на озере Юнион представляли собой лишь ветхие лачуги на баржах, в которых обитали бедные рабочие, в основном лесорубы, с семьями. На одном из причалов даже был салун, а рядом с ним – бордель.

– Расскажите о себе, – сказала я, решившись наконец удовлетворить свое любопытство в отношении прошлого Алекса. – Вы всегда жили в Сиэтле?

– Нет, – ответил он. – Я вырос в Орегоне на ферме. Мои родители переехали сюда, когда мне было четыре года.

– Вот как? А что вы там выращивали?

– Хмель, – ответил он. – Для производства пива.

Я улыбнулась.

– Значит, ваши родители любили повеселиться?

– Можно сказать и так. – Я живо представила маленького Алекса в комбинеzone, бегающего по зеленым полям...

– А как насчет вас?

– Я выросла в Канзас-сити, – отвечала я. – То есть в его тихом пригороде. Ну, вы знаете, походы в церковь каждое воскресенье и все такое прочее.

– И что, до сих пор ходите?

– Куда? В церковь?

До несчастного случая мы обычно посещали церковь всей семьей, но теперь я категорически отказывалась признавать Бога, который мог вот так,

одним махом, забрать жизни двух прекрасных людей.

– Когда-то я даже молилась, – ответила я. – Но не уверена, что снова обрету веру.

– Я хожу в церковь Святого Марка, – сказал он. – Она вон там, на холме. У них чудесный хор. Иногда я даже не слушаю проповедь, а просто сижу на скамье и размышляю. Мне кажется, чувство сопричастности к религии дарит успокоение. Вы согласны?

– Да. – Его слова затронули какие-то неведомые струны в глубине моей души. Может быть, потому я так долго не была ни к чему привязана, а просто бесцельно плыла по течению, что мне остро не хватало чувства сопричастности к чему-то важному.

– Во всяком случае, если надумаете туда наведаться, – продолжал он, словно не замечая моих сомнений, – всегда можете ко мне присоединиться.

– Благодарю вас, но у меня все еще неоднозначное отношение к церкви, Богу и прочим атрибутам веры. – Я кивнула в сторону его домика, стараясь сменить тему разговора. – И каковы же были ваши впечатления, когда вы только купили это жилище?

– Прямо скажем, отвратительные, – ответил он. – До меня его сдавали в аренду десятки лет, и последняя компания непутевых студентов, которые обитали тут, его практически доконала. Джим говорит, что однажды туда нагрянули человек сто, и несчастный домик опустился в воду на целый фут.

– Ничего себе! – воскликнула я. – Значит, вам пришлось все чинить?

– По большей части, да. – Он указал на дверь. – Заходите, я устрою вам экскурсию.

Я последовала за ним в крошечную чистенькую гостиную. Там стояли бежевый диван, два кресла в тон и кофейный столик, перед которым висел плоский телевизионный экран. В воздухе витал аромат свежести... или свежестыстиранного белья. У нас в семье стиркой занимался обычно Джеймс, и белье раскладывал по полкам тоже он, что было совершенно несвойственно американским мужчинам. Я заметила корзину для белья у кушетки и парочку трусов на ней и улыбнулась.

– Я все тут переделал, – сказал он. – Стены, кухню, ванную комнату.

– Кухня просто великолепна, – сказала я, подходя, чтобы полюбоваться массивными деревянными шкафчиками и стойкой из цельной гранитной плиты. На них практически не было посуды, но я вспомнила, что Алекс не любит готовить.

Он пожал плечами.

– Не знаю, зачем мне все это было надо. Я ведь даже ни разу не пользовался плитой.

– Вы шутите?

– Вовсе нет.

Я пробежала пальцами по роскошной газовой плите и подивилась газовым горелкам, отвечающим последнему слову техники. Интересно, а Келли, его соавтор, когда-нибудь готовила на ней? Воображение живо нарисовало картину: тихим субботним утром, когда никуда не надо спешить, она стоит перед плитой. На ней красное кружевное белье, и одна тонкая, как макаронина, ляпка спускается с плеча, когда она щедро сдабривает сиропом румяные оладьи.

– Не хотите ли чего-нибудь выпить? Апельсиновый сок, минеральная вода? – спросил Алекс, возвращая меня к действительности.

– Воды, если можно.

Он наполнил стакан и подал его мне. Мне нравилось, что он не задает лишних вопросов по поводу причин моего переезда в Сиэтл. С ним я чувствовала себя более свободной, чем с кем-либо из своих нью-йоркских знакомых. И мне невольно захотелось быть с этим человеком искренней.

Он жестом пригласил меня сесть на диван. Мы начали говорить одновременно и смущенно рассмеялись.

– Нет, вы первая, – сказал он.

– Хорошо. Знаете, я тут на днях была в магазинчике Пита, и мне сказали, что когда-то в моем домике жила женщина, которая исчезла при таинственных обстоятельствах. А потом я...

– Речь идет о Пенни, – сказал Алекс, понимая, о чем я говорю.

Я вспомнила больничный браслет, найденный в сундуке.

– Откуда вы знаете, как ее зовут?

– Это одна из негласных договоренностей, существующих на Лодочной улице, – сказал он. – Все знают, но никто об этом не говорит.

– Но почему?

Он пожал плечами.

– Когда я покупал этот домик, агент по недвижимости упомянул историю о том, что какая-то женщина исчезла здесь в пятидесятые годы. Он сказал, что с тех пор об этом причале ходила дурная слава и что его обитатели не любят говорить о той роковой ночи.

– Интересно почему? – я была не на шутку заинтригована.

– Понятия не имею, – сказал он. – Но я усвоил, что лучше не затрагивать эту тему в беседах со старожилками, и с Джимом, кстати, тоже. Думаю, им неприятно об этом вспоминать.

Я внимательно посмотрела на него.

– Знаете, Алекс, а я кое-что нашла в доме.

Он широко раскрыл глаза.

– Сундук, – пояснила я. – Мне кажется, он принадлежал Пенни.

– Правда? Откуда вы знаете?

Я рассказала ему о содержимом сундука – свадебном наряде, засохшем цветке, говорящем о давней любовной истории...

– Мне почему-то кажется, что там может находиться ключ к разгадке этой тайны. Если Пенни исчезла, значит, на то должна быть причина. Или вы думаете, что ее?...

– Признаться, у меня были такие подозрения, – задумчиво произнес он. – Послушайте, мы ведь с вами парочка журналистов. Почему бы нам не попробовать докопаться до истины?

Я усмехнулась.

– Все бы хорошо, да только я веду колонку об отдыхе на курортах, а вы фотографируете кулинарные шедевры.

Алекс в ответ широко улыбнулся.

– Есть такое дело. Но...

В кухне зазвонил телефон.

– Извините, – сказал он. – Пойду отвечу.

– Привет, – сказал он, снимая трубку радиотелефона. Через мгновение он нахмурился, а потом прижал трубку к груди. – Извините, вернусь через минуту.

Я взяла с кофейного столика книгу о яхтах и кивнула.

– Ничего страшного, я подожду.

Я взяла книгу, лежавшую на одном из кресел, и начала пролистывать ее, но не могла не прислушиваться к обрывкам разговора, доносящегося из спальни.

– Ты это серьезно?.. Если только не передумаешь... Да, ты прекрасно это знаешь... Нет!.. Келли, если честно, я не желаю вести этот разговор в тысячный раз...

Келли. Значит, интуиция меня не подвела. Интересно, по какому поводу она звонит? Почему он разговаривает с ней таким раздраженным тоном? Я едва узнала его голос, столько в нем было горечи и вызова.

– Извините, – сказал он через минуту, вешая трубку на стену. Он глубоко, медленно вздохнул, так же медленно выдохнул, явно пытаясь успокоиться, и выпил глоток воды. – Итак, на чем мы остановились?

– Послушайте... – я невольно подумала о его отношениях с таинственной Келли, которые, видимо, еще не завершились, и внезапно ощутила усталость. – Извините, но, видите ли, путешествие на каяке, кажется, сильно утомило меня. Думаю, мне стоит вернуться домой и

немного поспать после обеда.

На лице Алекса появилось обиженное выражение, но тем не менее он тепло улыбнулся в ответ.

– Ну, хорошо. Отдыхайте. Но обещайте, что поужинаете со мной как-нибудь вечером.

– Обещаю.

* * *

Я привязала каяк к столбику у пристани и прошла вдоль дома к двери. Поискала в кармане ключ, но вместо него извлекла больничный браслет, который забыла положить в сундук.

Вот проклятие. Оказывается, я захлопнула дверь. Я решила было плыть обратно к Алексу за помощью, но внезапно увидела на причале Джима. Он насвистывал какую-то знакомую мелодию и держал в руках ведро с краской, видимо, наводил красоту в родительском доме.

– Привет! – сказала я, подходя к нему.

– Доброе утро, – произнес он в ответ. – Я наконец решился покрасить дом. Мама мне всю плешь на этот счет проела.

– Смотрится неплохо, – заметила я. – Представляете, а я умудрилась захлопнуть дверь и забыла ключ. У вас, случайно, не найдется запасного?

– Увы, нет, – покачал он головой, опуская ведро с кистью на причал и пытаясь стереть полосу бежевой краски с майки. – Но я знаю, как вам попасть внутрь.

– Правда? И как же?

Он мне подмигнул.

– Вы же знаете, я вырос на этом причале.

Я улыбнулась, и мы пошли вниз по причалу к моему домику. Джим перевернул пустой цветочный горшок и использовал его в качестве ступеньки, чтобы дотянуться до крыши. Потом влез на верхнюю палубу, просунул руку в открытый люк и открыл дверь в спальню.

– Все в порядке, – сказал он, – как я и думал. Теперь я открою входную дверь на первом этаже и встречу вас там.

Я была весьма обескуражена той легкостью, с которой он вторгся в мою спальню, но тем не менее признательна за то, что не пришлось вызывать слесаря.

– Благодарю вас, – сказала я, оказавшись в гостиной. – Мне кажется, вы это делаете не впервые.

Он усмехнулся, но взгляд у него при этом был отсутствующий.

– Надо же! – воскликнул он. – За столько лет здесь практически ничего не изменилось!

А я этому даже не удивилась. Плавающий домик был очарователен в своей простоте. Пол, устланный еловыми досками. Побеленные панельные стены. Классические массивные шкафы, старомодная отделка.

– А когда вы были ребенком, тут все выглядело так же?

– Ну, – сказал он, оглядывая комнату, – диван стоял на этом же месте. Но везде были развешаны картины, произведения абстрактного искусства, которые казались весьма странными для меня, восьмилетнего мальчика.

Он подошел к кухонному уголку и стал рассматривать один из стульев.

– Я обычно сидел здесь и смотрел, как она священнодействует на кухне.

Я сунула руку в карман и сжала пластмассовый браслет.

– Вы, наверное, говорите о Пенни?

Он посмотрел на меня странным взглядом, словно я произнесла имя, которое он не вспоминал уже очень долгое время. Оно, очевидно, много для него значило.

– Вы не могли бы рассказать мне о ней? – попросила я.

Джим в нерешительности потер подбородок. Было очевидно, что ему нелегко говорить на эту тему.

– Я был ребенком, когда Пенни поселилась здесь, – сказал он задумчиво. – А она была совсем юной... женой Декстера Уэнтуорта. Художника.

Я указала на картину.

– Значит, это он написал этот кораблик?

– Да, – ответил он. – Знаете, он был ее недостоин.

– Что вы имеете в виду?

– Насколько мне известно, он не был образцовым мужем. Хотя она очень любила его. Мне так нравилось сидеть здесь на палубе и ловить рыбу или просто смотреть на яхты. Она всегда что-нибудь пекла. Понимаете, вы входите, а дом пахнет, как ванильный пирог. Она всегда угощала меня пирожным или горячей булочкой. Пенни была такой доброй. Однажды я слышал, как она плакала. Я тогда подумал, что она поссорилась с Декстером. Меня это жутко разозлило. Хоть я был и ребенком, но мне захотелось дать этому типу в нос.

– Думаете, он не любил свою жену?

– Все любили Пенни. Ну, или любили, или завидовали ей, – поправился он. – Вот моя мать уж точно ей завидовала. Пенни была такая

красивая. Ей не нужны были косметика и изысканная прическа – ее красота была совершенно естественной. Но я больше всего запомнил ее за необыкновенную доброту. – Он улыбнулся своим воспоминаниям. – В своих мечтах я именно ее представлял своей матерью.

– У нее были дети?

– Нет, – ответил он. – Но она так их хотела. У Декстера был ребенок от предыдущего брака. Но она жила отдельно. Не думаю, что он хотел снова стать отцом. К тому же он был так увлечен своим творчеством. Он в то время был весьма востребован, его картины приобретали все городские галереи и даже голливудские знаменитости. Мне кажется, Пенни изо всех сил старалась стать частью мира Декстера, но у нее это плохо получалось. Ей надо было бы выйти замуж за кого-нибудь типа Колина, кто бы ее боготворил.

– Колина?

Он указал на плавучий домик, где обитал Алекс.

– Он жил в том доме летом 1959 года.

– Джим, а что все-таки случилось с Пенни?

Он уставился неподвижным взглядом на плиту, как будто бы снова увидел бывшую хозяйку дома, колдующую над пирожками.

– Хотел бы я это знать, – сказал он, порывисто поднимаясь. – Ну что ж, мне, пожалуй, пора идти, пока краска не засохла.

* * *

Я села на диван и вытащила свой ноутбук. На улице начал моросить дождь. Идеальная погода для того, чтобы писать, погружаясь в воспоминания. Я думала о том, что Джим рассказал о Пенни, Декстере и человеке по имени Колин. Мне были интересны эти люди. Но больше всего мне хотелось знать, была ли Пенни счастлива, чувствовала ли она себя любимой. Я переместила курсор в начало страницы и погрузилась в воспоминания о дне моей первой встречи с Джеймсом.

Одиннадцать лет назад

– Ты же знаешь, кто это, не так ли? – толкает меня в бок моя подруга Джессика. Мы с ней работаем помощниками редактора в «Кондэ Наст Трэвелэр» и направлены на брифинг в гостиницу «Уолдорф»,

который проводила Карибская туристическая организация.

Джессика – дочка миллионера, и эта должность просто свалилась ей в руки, но при этом нельзя сказать, что она ее не заслуживает – от природы она обладает довольно цепким умом. А что же я? Полагаю, я не уступаю ей по остроте ума, но мне приходится из кожи вон лезть, чтобы меня послали брать интервью, и это мероприятие было лишь вторым в моем послужном списке. Помогла статья в журнале «Нью-Йорк таймс», а также кофе, который я целый год готовила для главного редактора «Мари Клэр». Поэтому, когда я смотрю на Джессику, мне трудно удержаться от легкой зависти.

– Не понимаю, о ком ты говоришь, – сказала я, пытаюсь делать пометки в блокноте. Выступает кто-то с острова Сент-Люсия. Моя задача – конспектировать доклады, записать пару цитат, а потом вернуться в офис. На сегодняшний вечер у меня запланировано свидание с Райаном. Он приехал на несколько дней из Университета Дьюка, где защищает диплом по финансовой аналитике, и собирается сегодня сводить меня в ресторан «Жан-Жорж». Мне не хочется строить прогнозов по поводу его намерений, но наши отношения в прошлом году приобрели весьма серьезный характер, и я думаю, что, возможно, предложение руки и сердца не за горами. У меня даже голова слегка закружилась при мысли о том, что в скором времени я могу стать миссис Райан Веллингтон. Его семья владеет недвижимостью по всей стране, а у родителей частный самолет. Их образ жизни вызывает зависть и даже благоговение, но по мне, Райан мог бы быть и заправщиком на автозаправочной станции. Главное, я уверена, что он меня любит.

– Это же Джеймс Санторини, – шепчет мне в ухо Джессика.

Я смотрю на нее с выражением «ну и что?», и она хмурит брови.

– Он ведет колонку о путешествиях в «Нью-Йорк таймс». Вот он-то нам и нужен.

Я бросаю взгляд на темноволосого мужчину, о котором говорит Джессика, как раз в тот момент, когда он смотрит в нашу сторону, и получаю в ответ ослепительную улыбку.

– Вот видишь? – говорит Джессика слишком громко. – Он явно хочет, чтобы ты подошла к нему и познакомилась.

– А почему бы тебе не подойти к нему и не познакомиться, раз уж я свалила на себя всю работу на этом мероприятии?

Она пожмает плечами.

– Он ведь на тебя смотрит, а не на меня.

Я заканчиваю работу пораньше, чтобы забежать домой и переодеться. Выбираю юбку с блузкой, но потом недовольно швыряю их на кровать. Возможно, этим вечером я получу предложение руки и сердца и запомню эти мгновения на всю оставшуюся жизнь. Я просто обязана соответствовать роли миссис Райан Веллингтон. Итак, я выбираю черное платье на пуговицах, надеваю жемчужное ожерелье моей бабушки и смотрю на свое отражение в большом зеркале. Да, это как раз то, что нужно.

Гулять так гулять! К ресторану я подъезжаю на такси. На улице идет небольшой дождь, но меня это совершенно не волнует. Я вся в предвкушении перемен. Я просто чувствую это. Пригладив выбившийся из прически локон, я называю свое имя девушке-администратору и оглядываю зал. Райана еще нет. Вот и хорошо. Я дождусь его за столом.

– Простите, мисс, – говорит чопорная администраторша. – Но на имя Веллингтон никто не резервировал стол.

– Странно, – удивляюсь я. – Это, должно быть, какая-то ошибка. Мы с другом собирались поужинать здесь сегодня. Его зовут Райан Веллингтон.

Она бесстрастно смотрит на меня.

– Может быть, он зарезервировал столик на мое имя? Меня зовут Ада Миллер.

Она просматривает записи в своем блокноте, а потом качает головой.

– Нет, на это имя тоже нет заказа.

– Надо же, – говорю я, с надеждой глядя на дверь. Несомненно, Райан скоро придет и все исправит. Он всегда так делает.

– Каковы ваши намерения, мисс? – спрашивает меня девушка. В ее голосе слышится нетерпение. – Я могу вас записать, но свободные места появятся только после девяти тридцати. Или пройдите в бар. Кажется, там еще есть пара свободных мест у стойки.

Нет слов, чтобы передать мое разочарование. Я совсем иначе представляла себе этот вечер. Но разве эти мелкие неприятности имеют значение? Какая разница, предложит ли Райан мне руку и сердце за барной стойкой или за столом, застеленным белой скатертью?

– Хорошо, – решаюсь я. – Это вполне подойдет.

Администратор проводила меня до бара, где я взгромоздилась на

высокий стул за стойкой. Платье задралось неприлично высоко, и я то и дело его одергиваю, чтобы прикрыть колени. Я заказываю бокал белого вина и бросаю взгляд на противоположный конец барной стойки, где, к своему удивлению, вижу мужчину, который вызвал такой интерес у Джессики на брифинге. Вроде бы его зовут Джеймс и он из «Нью-Йорк таймс». Он, должно быть, узнал меня, потому что вдруг улыбается мне и поднимает бокал в знак приветствия. Я киваю, быстро опускаю взгляд и медленно потягиваю вино. Проходит полчаса, потом час. Когда бармен спрашивает, не хочу ли я повторить, я соглашаюсь и проверяю, нет ли пропущенных звонков от Райана. Их как не было, так и нет. Я решаю позвонить ему сама, но после пяти звонков меня переключают на голосовую почту.

– Привет, – я стараюсь говорить спокойным голосом. – Я сижу здесь уже целый час. Ты где? Я по тебе скучаю. Мы же собирались сегодня поужинать. Что бы ни случилось, я в «Жан-Жорже». Люблю тебя.

Я отключаю телефон, и в этот момент на входе в ресторан появляется Райан. На нем тяжелое пальто. Я вижу, как администратор указывает на пальто, предлагая его снять, но он отрицательно качает головой. Я машу ему рукой от барной стойки, и он подходит ко мне.

– Привет, – говорю я, целуя его. Лицо его покрыто двухдневной щетиной, на нем джинсы и простая майка. Я, конечно, предполагала, что он оденется поприличнее, но, собственно, какая разница, раз он здесь? Я показываю ему на соседний стул, приглашая его сесть.

– Почему-то столик не был заказан, – говорю я. – Но все в порядке. Здесь довольно уютно.

Райан продолжает стоять, нервно потирая лоб. Выглядит он просто ужасно. Что-то случилось, я вижу это по его глазам. Может быть, какие-нибудь неприятности в семье? Может, отец разбился в самолете?

– Что случилось? У тебя неприятности?

– Послушай, Ада, – произносит он. – Черт, я даже не знаю, как это тебе объяснить...

Назойливый парень из «Нью-Йорк таймс» снова на меня уставился. Я стараюсь не замечать его.

– Что происходит? – спрашиваю я. – Милый, расскажи мне.

– Знаешь, вот это я в тебе и люблю, – произносит он. – Ты такая хорошая. Дело в том, что я...

Я выпрямляюсь. Нет-нет, этого просто не может быть.

– Я думаю, нам следует расстаться, – наконец говорит Райан.

– О. – У меня такое ощущение, что я получила удар электрошоком. Я

полностью парализована.

– Значит, ты меня бросаешь. – Я выдавливаю из себя эти слова, чтобы удостовериться, что все это происходит на самом деле, а вовсе не плод моего воображения.

– Надеюсь, ты меня не возненавидишь после этого.

– Нет, конечно, – словно робот произношу я. – Нет, Райан. Я никогда не смогу тебя ненавидеть.

– Вот и хорошо. – Улыбка возвращается на его лицо. Он берет мой бокал и делает большой глоток. – Мне пора идти.

Я покорно киваю.

– Конечно.

– Будем на связи?

Я кисло улыбаюсь.

– Как всегда.

А потом он уходит. Я закрываю лицо руками. Не знаю, сколько времени прошло, но в какой-то момент бармен коснулся моего плеча.

– Мисс, – говорит он, – джентльмен с того конца стола прислал вам эту бутылку.

Это белое вино, скорее всего, французское. Не зная, что сказать, я смотрю туда, где он сидел, но его уже и след простыл.

– Вы не меня ищете? – произносит мужской голос рядом со мной.

Я оборачиваюсь. Он стоит рядом, держа в руках два пустых бокала, и вопросительно смотрит на стул рядом со мной.

– Вы не возражаете, если я к вам присоединюсь?

* * *

Я вспоминала тот вечер и старалась описать его, не пропуская ни одной мельчайшей детали. Как Джеймс заставил меня хохотать до колик в боку, хотя сначала мне было совсем не до смеха. Как потом мы сидели до двух часов ночи в какой-то дешевой забегаловке. И как я внезапно поняла, что даже самые темные мгновения жизни могут дать начало росткам прекрасного будущего.

Глава 11

Пенни

Сегодня Декс собирался прийти домой, и мое сердце замирало от нетерпения. Я тщательно пропылесосила гостиную и поменяла постельное белье. По дороге домой из магазинчика Пита я остановилась и нарвала цветов душистого горошка, росшего у дороги, и теперь букет благоухал в хрустальной вазе – свадебном подарке одного из приятелей Декса. Я освежила блеск на губах и проверила рулеты с корицей в духовке. Декс как-то сказал мне, что обожает их, потому что в детстве их готовила для него любимая няня. Мне так хотелось, чтобы он больше рассказывал о своей прошлой жизни, но когда я начинала задавать ему вопросы, он тут же замыкался и становился раздражительным. Я крайне мало знала о его детских и юношеских годах, за исключением того, что его отец, богатый судостроительный магнат, вел себя в семье, как сущий диктатор, а мать Декса умерла, когда он был еще совсем маленьким. Его детство было совсем нерадостным, так что мне просто безумно хотелось сделать его счастливым.

Я натянула пару рукавиц-прихваток, вытащила рулеты с корицей из духовки и подождала пятнадцать минут, чтобы они остыли, прежде чем выложить их на блюдо. Я всегда готовила их по памяти, но все-таки на всякий случай решила записать рецепт:

Рулеты с корицей (любимое лакомство Декса)

На 12 штук:

Ингредиенты

$\frac{3}{4}$ чашки молока

$\frac{1}{4}$ чашки размягченного масла

$3\frac{1}{4}$ чашки муки для выпечки

$\frac{1}{4}$ чашки белого сахара

1 упаковка дрожжей

$\frac{1}{2}$ чайной ложки соли

1 яйцо

$\frac{1}{4}$ чашки воды

Начинка

1 чашка коричневого сахара

1 чайная ложка молотой корицы

½ чашки размягченного масла

Способ приготовления

1. Нагреть молоко в маленьком ковшике до появления пузырей и снять с плиты. Смешать с маслом, помешивать, пока оно не растворится. Дать слегка остыть.

2. Смешать в большой миске ¾ чашки муки, сахар, дрожжи и соль; хорошо перемешать. Замесить тесто до однородного состояния – около пяти минут.

3. Дать тесту подойти в течение часа или чуть больше. Одновременно в небольшой миске смешать сахар, корицу и размягченное масло для начинки.

4. Нагреть духовку до 375 градусов. Порезать тесто и раскатать его в форме прямоугольника размером 12x9 дюймов. Разрезать на 12 кусков одинакового размера и поместить на смазанное маслом стеклянное блюдо. Накрыть и ждать, пока они не поднимутся, в течение часа.

5. Печь в течение 20 минут до образования золотистой корочки. Дать остыть и при желании полить глазурью.

Рядом с рецептом я нарисовала маленькое сердечко, потом закрыла записную книжку, поскольку услышала звук поворачивающегося в замке ключа. Это был Декс. Он бросил серую шляпу на столик, и я подбежала к нему.

– О, милый, я так по тебе скучала! – воскликнула я.

Он поцеловал меня, а потом отнес наверх, как делал всегда, и впервые за долгое время мне показалось, что все у нас будет хорошо.

* * *

Декс потянулся ко мне, но я встала и оделась.

– А у меня для тебя сюрприз, – заявила я.

– Как, еще один? – улыбнулся он.

– Пойдем скорее вниз, – сказала я, застегивая пуговицы.

Он сел и протянул руку за брюками, лежащими на стуле, а потом проследовал за мной по лестнице на кухню. Я положила рулет с корицей на тарелку и с улыбкой протянула ему.

Он удрученно посмотрел на меня.

– Я уже завтракал.

– Неужели? – я обиделась. – А я думала, что ты любишь мои рулеты с

корицей.

– Конечно, люблю. Просто я только что съел огромный омлет в ресторанчике у Джилл.

Мое сердце словно оборвалось. Раньше он всегда брал меня с собой к Джилл. А теперь он ходит туда один. Я быстро вышла на палубу.

– Пенни, – позвал он. – Что с тобой?

На душе будто кошки скребли. Его постоянное отсутствие. Его необъяснимая отстраненность. То, что я просто жажду ребенка, а он его не хочет. Но я промолчала. Я даже старалась улыбаться, как образцовая жена, какой, я знаю, он всегда хотел меня видеть.

– Я просто ужасно себя чувствую, – сказал он, прислонясь к двери.

Как он красив с его темными волосами и удивительными глазами!

– Но мне все же придется вернуться вечером в мастерскую.

– Но почему? – запротестовала я. – Ты же только что пришел домой!

– Знаю, – он выглядел смущенным, и было заметно, что его раздражают противоречивые чувства. – Но я должен закончить картину. Она будет выставляться в следующий вторник. А я не могу себе позволить сорвать сроки, как в прошлый раз. Она предназначена для Дюбуа.

Я знаю, кто такие Дюбуа. Знаю, что они сказочно богаты, а миссис Дюбуа испытывает особую симпатию к Дексу, как, впрочем, и все его меценаты женского пола. Я видела, как она улыбалась ему в театре прошлой весной. Это было во время антракта. На ней было платье персикового цвета с вырезом сердечком. Дама хлопала ресницами и бросала красноречивые взгляды на Декса между глотками шампанского.

– Ну, хорошо, – безо всяких эмоций произнесла я, глядя перед собой.

– Не надо дуться, Пенни, – сказал Декс. Он сунул руку в карман брюк и достал маленький белый конверт. – Возьми. Это сюрприз. Для тебя.

Я закусила губу, но взяла конверт и открыла его. Там были два картонных прямоугольника. Билеты. Я прищурилась, чтобы рассмотреть, что на них было напечатано. «Фрэнк Синатра».

– Декс, неужели это правда?

– Я знаю, что ты всегда мечтала попасть на его концерт, – сказал он, неожиданно целуя мне руки. – Вот я и подумал, что хорошо бы сходить туда вместе. Он приезжает в наш город на следующей неделе и будет выступать в театре на Пятой авеню.

Я не могла сдержать слезы, а он улыбался, думая, что это слезы счастья. Но это было вовсе не так. Я была уверена, что эти билеты – вовсе не подарок, сделанный от всего сердца. Это всего лишь утешительный приз за его холодность.

Он поцеловал меня, на этот раз в лоб, и вернулся в дом собрать вещи. А я смотрела на воду и отрешенно ждала, когда дверь тихо закроется и он вернется в свой тайный мир, который сокрыт от моих глаз.

Рулеты с корицей так и остались лежать нетронутыми на блюде.

Глава 12

Ада

– Ну как дела? – спросила Джоани на следующий день по телефону. – Как жизнь на озере?

Я подумала о Джиме и о том, что он рассказал мне вчера о Пенни. Он не сообщил мне никаких подробностей, но я чувствовала, что эти воспоминания мучительны для него, и, как бы мне ни хотелось, решила больше не расспрашивать его о том, что же тогда произошло. Я была уверена, что с этими событиями связаны какие-то глубокие личные воспоминания.

– Осваиваюсь понемногу, – сказала я. – Но мне надо кое-что тут выяснить.

– И что же?

Джоани работает в отделе кадров Полицейского управления Нью-Йорка и может выяснить что угодно о ком угодно, и, надо сказать, я не раз пользовалась этой возможностью. По просьбе приятеля-репортера я как-то попросила ее раскопать кое-какой компромат на подозрительного владельца галереи в Бруклине, и в результате ее расследования через месяц была обнаружена украденная картина Пикассо в подвале этого заведения. Потом мы с Джоани вместе с Эллой ходили полюбоваться этой картиной, выставленной в музее «Метрополитен», и испытывали немалую гордость оттого, что наши совместные усилия позволили свершиться правосудию.

– Понимаешь, – начала я, обдумывая, как лучше рассказать то, что меня волновало. – Я тут кое-что нашла.

– Что именно?

– Здесь стоит старый сундук. Он был заперт, но я нашла ключ и...

– Обнаружила, что сундук полон золота?

– Не совсем, – невольно улыбнулась я. – Но он, видимо, связан с одной очень таинственной историей.

Я рассказала ей о больничном браслете, фотографиях, записной книжке, свадебном платье и прочих реликвиях.

– Звучит жутковато, – призналась она, терпеливо выслушав меня.

– Более того, – продолжала я, – эта женщина, которой, как я подозреваю, принадлежат все эти вещи, много лет назад исчезла, просто пропала, и все. Никто из местных жителей не хочет говорить о том, что с

ней случилось. И я не могу понять почему: то ли потому, что они действительно ничего не знают, или же эта тема по какой-то причине является для них запретной?

– Почему тебя это так заинтересовало?

– Я живу в доме этой женщины. Не знаю... Наверно, это просто любопытство.

– Ну, и ты, конечно, хочешь, чтобы я раскопала какие-нибудь факты на этот счет. Как ее звали?

– Пенни. Пенни Уэнтуорт.

– Хорошо, – сказала Джоани. – Посмотрю, что можно сделать. Проверь почту попозже. Я пришлю тебе все, что сумею раскопать во время обеденного перерыва.

* * *

Поговорив по телефону, я вышла на улицу, но в то же мгновение услышала какой-то шум. Плеск воды. Шаги. Чей-то крик. На краю причала стоял Джим и потирал лоб.

– С вами все в порядке? – спросила я.

Он покачал головой.

– Она вернулась домой, а потом снова удрала. Вот так.

Я заметила рядом с ним Хейнса и поняла, что он говорил об утке.

– Вы имеете в виду Генриетту?

Джим мрачно кивнул.

– О, как мне жаль!

– Этим двоим, – сказал он, глядя вниз на верного селезня, – срочно требуется консультант по семейным отношениям.

Я рассмеялась, и тут на причале появился Алекс.

– Привет, – сказал он, приветливо махнув рукой.

– Привет, с днем рождения! – откликнулся Джим.

– Спасибо.

– С днем рождения, – поспешила поздравить Алекса и я. – Как будете отмечать?

– Скорее всего, никак, – ответил он, глядя на северный берег озера. – Впрочем, можно сплавить в парк Гасуоркс.

– В парк? – Меня с самого первого дня притягивали зеленые холмы с раскинувшимся на них необычным парком. Издали ржавые останки старого промышленного Сиэтла выглядели как монументальные

скульптуры.

– Да, – сказал он, поправляя темные очки. – При желании можете присоединиться ко мне. Если, конечно, у вас есть время.

Я почувствовала на себе взгляд Джима. Я знала, что он улыбается, но не стала оглядываться.

– Это было бы прекрасно, – согласилась я.

– Джим, – вежливо обратился к соседу Алекс, – а ты не хочешь поехать с нами?

– Да нет, поезжайте вдвоем. – Широкая улыбка не сходила с его лица.

– Хорошо, я только возьму свитер, – сказала я, заходя в дом.

* * *

Алекс подплыл к моему домику через минуту, я забралась на корму его каяка и взялась за весла.

– Вот, возьмите, так будет удобнее, – сказал он, вручая мне подушку. – Я захватил несколько сэндвичей. – Он кивнул на сверток, лежащий на скамейке.

Мои щеки внезапно вспыхнули от смущения, когда я осознала, что собираюсь провести время с мужчиной, с которым познакомилась всего два дня назад.

– И сколько же вам исполняется сегодня? – спросила я немного смущенно.

– Тридцать семь.

– Солидный возраст.

– Знаю. – Наши весла соприкоснулись. Это было все равно что наступить партнеру на ногу во время танцев.

– Простите, – одновременно произнесли мы.

Я всегда веду себя нелепо в подобных ситуациях. Возможно, и он тоже. Я внезапно подумала о его бывшей подруге, Келли. И о Джеймсе. Наши воспоминания витали над лодкой, как призраки прошлого.

Мы переплыли озеро и пришвартовались на причале возле входа в парк. Алекс вылез из лодки первым и подал мне руку. Он забрал пакет с едой и подстилку, и мы начали карабкаться по заросшему травой холму, усеянному мелкими белыми цветочками. Солнце светило вовсю, дул легкий ветерок. Четверо детей играли на склоне с воздушным змеем.

– Ну как? – поинтересовался он, когда мы наконец взобрались на плоскую вершину. Вдалеке виднелся наш причал, на самом краю которого

притулился мой плавучий домик.

– Потрясающе, – сказала я, стягивая свитер. Несмотря на ветер, солнце пригревало вовсю, и мне стало жарко.

Алекс разложил подстилку, и мы чинно уселись на ней. Он предложил мне сэндвич с индейкой и открыл пластиковый контейнер с нарезанными яблоками и клубникой.

– Я не была на пикнике с незапамятных времен, – сказала я. – Со времени...

– Несчастливого случая? – Судя по всему, Алекса не пугало мое прошлое, и меня это немного удивило. Я несколько раз пыталась разговаривать с мужчинами о том, что случилось, но они всегда напрягались и пытались сменить тему разговора.

– Именно так, – я внимательно посмотрела на Алекса.

– В таком случае, – сказал он, – я рад, что вернул вам радости трапезы на природе.

Я откусила кусочек сэндвича.

– Вы сами их приготовили?

– Нет, конечно, – изумленно ответил он. – Купил сегодня утром у Пита. Я улыбалась, изучая Космическую иглу, возвышавшуюся вдалеке.

Он проследил за моим взглядом.

– Мне бы хотелось когда-нибудь отвезти вас туда, – сказал он. – Можно сказать, вы ничего в жизни не видели, если не попробовали мороженое с сиропом на вершине Иглы.

– Неужели?

Алекс доел сэндвич, улегся на бок и оперся на согнутую руку. – Оно называется «Лунный корабль», – сказал он. – Мороженое на слое сухого льда, политое большим количеством шоколадного сиропа.

– Я уже согласна, – ответила я. – Вы соблазнили меня шоколадным сиропом.

– Это единственное, что осталось в меню ресторана Космической иглы со времени Всемирной выставки 1962 года.

– Мне правда хотелось подняться на Иглу, – сказала я. – Мой отец был на Всемирной выставке еще ребенком. Космическая игла произвела на него неизгладимое впечатление, он даже считает, что она заслуживает не меньше внимания, чем Эйфелева башня.

– Между прочим, – продолжила я, отложив сэндвич, – я попросила свою подругу поискать сведения о той пропавшей девушке, Пенни.

Алекс поднял на меня глаза и чуть прищурился.

– Правда?

– Она работает в Полицейском управлении Нью-Йорка и может раскопать информацию о ком угодно.

Он внимательно посмотрел на меня.

– Наши соседи, несомненно, хорошие люди. Но я давно подозревал, что обитатели Лодочной улицы старательно что-то скрывают.

Он отпил воды из бутылки, а потом повернулся ко мне.

– После того как вы вчера ушли, я кое-что вспомнил.

– Что именно?

– Том, рыбак, который жил на Лодочной улице и был знаком с Пенни, проникся ко мне доверием за месяц до своей кончины. Он сказал, что все они заключили своего рода негласное соглашение.

– Соглашение? – удивленно повторила я.

– Сначала я не придавал этому значения, – продолжил он. – Том сильно болел в конце жизни и сказал, что хочет облегчить душу. Он начал свой рассказ, но вошла сиделка и прервала наш разговор. Я так и не смог узнать, что же он хотел мне тогда поведать. Предполагаю только, что это имело какое-то отношение к исчезновению Пенни.

Я подумала о своих соседях по причалу. Многие появились там относительно недавно, поселившись на Лодочной улице всего лет пятнадцать назад. По крайней мере, два домика точно пустовали в течение некоторого времени, и их лишь иногда сдавали в аренду. Потом я подумала про родителей Джима.

– А как насчет Наоми и Джина?

– Это весьма щекотливый вопрос, – ответил он. – Джим очень оберегает своих родителей. Никто из них не желает обсуждать эту историю, поэтому я и не надоедал им с вопросами.

– Ну что же, – сказала я. – Остается подождать, что сумеет найти Джоани.

Алекс пожал плечами.

– Если бы это было убийство, правда давно бы уже выплыла наружу.

– Но это же случилось в пятидесятые годы, не забывайте, – сказала я. – Не было ни анализа ДНК, ни компьютеров и прочих мудреных технологий.

Алекс задумался.

– Я тоже размышлял о судьбе Пенни и должен сказать: сундук, который вы нашли, придает всей этой истории зловещий оттенок.

Внезапно повеяло холодом, оказалось, что, пока мы разговаривали, солнце спряталось за облаками. Маленький мальчик, игравший на склоне холма, упал и поцарапал коленку. Мать подбежала к нему и вытащила из сумочки пластырь. Я подумала о прошлом Алекса. Военный фотограф.

Интересно, много ли жестокостей ему приходилось видеть?

– Расскажите, как там было? – внезапно спросила его я. – Я имею в виду, в Судане?

Он не ответил сразу, и сначала мне показалось, что мой вопрос задел его. Что, если для него это запретная тема? Он сжал кулаки, и я уже решила извиниться за бестактность, но в конце концов заговорил.

– Там была настоящая бойня, – сказал он. – Я все еще помню эти ужасные картины и, скорее всего, не смогу забыть о них до конца жизни. Матери, разлученные с детьми... Смерть. Разрушение. Убитые люди. Я видел, каким жестоким может быть человек и на какие прекрасные поступки он способен. – Мы наблюдали, как мальчик с поцарапанной коленкой обнимает маму. – Та война многих покалечила, а кто-то лишился жизни. И до сих пор моя душа болит, ведь я не мог спасти тех людей. Я ничего не мог сделать, разве что сфотографировать их. Единственное, что помогало мне держаться, – было понимание, что, независимо от того, что произойдет там после моего отъезда, эти люди никогда не будут забыты. Я поклялся сохранить память об их страданиях.

Я вспомнила обложки «Тайм» и «Ньюсвик», которые висели в рамках на стене его дома.

– Вы прекрасно выполнили свой долг, – произнесла я.

Он глубоко вздохнул.

– Никто не в силах заниматься этой работой бесконечно. Но часть моей души, – он похлопал себя по груди, – навсегда останется с этими людьми.

– Наверное, трудно было приспособливаться к жизни в Америке после долгого пребывания на войне?

Алекс кивнул с отсутствующим видом, но не стал развивать эту тему. Я подумала, что ему, видимо, немало пришлось перенести.

Внезапно на щеку упала капля.

– Что это? Неужели начинается дождь?

– Это Сиэтл, – сказал он, снова улыбаясь. – Здесь дождь всегда начинается неожиданно.

Он поднялся, и я последовала его примеру.

– Лучше вернемся, пока не промокли до нитки.

Темные облака заволокли небо, они надвигались со всех сторон, и, когда мы плыли через озеро, дождь полил как из ведра. Водная гладь напоминала теперь мятый серый бархат. К причалу мы подплыли мокрыми до нитки, но это почему-то не испортило мне настроение.

– Ну вот, служба доставки выполнила задание, – пошутил Алекс,

останавливая каяк у моей палубы. Я была слегка огорчена, что наша экскурсия закончилась так быстро, и подумывала о том, чтобы пригласить его к себе домой. Но не успела я открыть рот, как заметила фигуру, стоящую на палубе плавучего домика Алекса. Это была женщина. Она пряталась под зонтом и держала в руках два голубых воздушных шарика. Конечно же, ведь сегодня у него день рождения. Она показалась мне знакомой, и я тут же поняла, что видела ее изображение на обложке кулинарной книги. Это соавтор Алекса. И бывшая возлюбленная – Келли.

Он заметил ее почти одновременно со мной, и между нами повисло неловкое молчание.

– Я, пожалуй...

– Конечно, идите...

Мы опять заговорили одновременно и рассмеялись.

– Спасибо вам, – сказала я, – что пригласили меня отпраздновать ваш день рождения. Я просто чудесно провела время.

– Я тоже, – ответил Алекс, бросая взгляд на свою палубу. Келли пристально и серьезно смотрела на нас.

– Ну что ж, – сказала я, вылезая из каяка. – Не смею вас больше задерживать. Вижу, у вас гости...

– Конечно, – растерянно сказал Алекс. – До скорого свидания.

– Увидимся, – стараясь, чтобы мой голос звучал беспечно, попрощалась я.

* * *

Войдя в дом, я скинула промокшую одежду, приняла горячий душ, а потом натянула серый домашний свитер и потянулась за телефоном.

– Ну, как дела, Джоани?

– Привет, дорогая. У тебя все в порядке?

– Конечно, – успокоила я. – Тут такое дело...

– Что случилось? Похоже, ты нервничаешь.

– Я хочу тебе кое-что рассказать, – призналась я. – Я тут встретила одного человека...

– Ада, неужели?

– Да, и он просто замечательный. Его зовут Алекс, и он живет в плавучем домике на соседнем причале.

– Симпатичный?

– О да!

На другом конце провода раздался радостный вопль, и мне даже пришлось отодвинуть трубку от уха.

– А чем он занимается?

– Он фотограф, – сказала я. – Много лет работал военным репортером, а сейчас делает фотографии для кулинарных книг.

– Неужели он военный фотограф?

– Да, работал в Судане.

– Вот как? – произнесла она уже другим тоном.

– Тебя что-то смущает?

– Ничего. Думаю, это не имеет значения.

– Что не имеет значения?

– Да нет, я просто подумала о конкретной ситуации, которая совершенно не имеет к тебе отношения, но я все же с тобой поделюсь. Видишь ли, одна девушка из нашего отдела встречалась с парнем, который был военным корреспондентом. Работал в Сомали. И вот, представляешь, он вернулся домой со страшным посттравматическим стрессовым расстройством и чуть не убил ее.

– Спасибо, конечно, за заботу, но Алекс не страдает посттравматическим расстройством. Кроме того, он уже много лет занимается другим делом. – И все же я уловила знакомую тревогу в глубине души – может быть, потому что Алекс казался мне уж слишком совершенным, а может, из-за того, что я мало знала о нем и о его жизни. Насколько глубоко его душа затронута жестокими событиями, свидетелем которых он стал? И какие у него отношения с Келли? Я ничего об этом не знала. Но я постаралась отогнать от себя все сомнения.

– Ну что ж, – продолжила Джоани. – Просто будь осторожней. Пусть отношения развиваются постепенно. Это же твой первый роман после Джеймса.

Ее слова задели меня, и я вдруг испугалась, что предаю память о Джеймсе, предаю нашу любовь.

– Знаю, – сказала я. – Но, Джоани, я не испытывала подобных чувств к мужчине с того времени, как встретила Джеймса. Это все-таки хороший знак, разве не так?

– Конечно, – ответила она. – И я за тебя очень рада. Мне только хочется, чтобы у тебя все было замечательно. Я не хочу, чтобы ты снова испытывала боль.

Я хотела сказать ей, что уже достигла вершины страданий, достигла предела, откуда нет возврата, и все же умудрилась выжить. В этом была моя сила. Но я не смогла найти слов, чтобы объяснить Джоани свои

переживания, я предпочла просто согласиться с ней.

– Я знаю, – сказала я. – Люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю.

Я положила трубку и потянулась за ноутбуком. Набрала в поисковой строке «Пенни Уэнтуорт» и замерла в ожидании результатов.

Глава 13

Пенни

– Алло? – произнесла я в трубку, изо всех сил стараясь быть веселой.
– Это ты, Пенни? – Мама, судя по голосу, была чем-то обеспокоена.
– Привет, мам, – я постаралась придать своему голосу как можно больше беспечности.

– Ты что, плакала?

Я поднесла платок к глазам и встряхнула волосами.

– Нет, конечно. У меня просто сегодня что-то нос заложен. – Я отчаянно лгала. – Возможно, слягу с простудой.

– Понятно, – продолжала она. – Надеюсь, ты позаботишься о себе. Знаешь, Мэри, дочка Каролины, вот так же заболела в начале беременности и потеряла ребенка.

– Мама, я не беременна, – возразила я.

– Возможно, скоро будешь.

Ее слова звенели в моих ушах. Я просто не могла от них отделаться, словно от одноклассников, которые дергали меня за косички на переменах.

– Мама, я замужем уже три года, и если бы этому суждено было произойти, оно бы уже давно произошло, разве не так?

– Милая, мы можем планировать, хотеть и надеяться сколько угодно, но такие вещи происходят сами собой и вовсе не по нашему желанию, – сказала она. – Помнишь, как у меня появилась ты?

Мать родила меня, когда ей было всего семнадцать. Я так и не узнала, кто был моим отцом. Было известно только, что он служил военным моряком, вышел в отставку незадолго до того, как они встретились, и вскоре погиб в море. Она никогда не упоминала, успели ли они пожениться, а я и не спрашивала. Да это и не имело ни малейшего значения. Мать любила его столь самозабвенно, что ни один мужчина не смог вытеснить его из ее сердца. Думаю, я бы тоже любила его. Я создала себе образ отца, которого никогда не знала, – с доброй улыбкой, широкими плечами и сильными руками. И когда смотрела в воду, то всегда вспоминала его.

Я должна была бы возненавидеть море за то, что его волны отняли у меня отца. Но этого не случилось. Морские воды зачаровывали меня, и я постоянно слышала их неясный зов. Каждый день после школы я выбирала домой самый длинный путь, чтобы с вершины холма полюбоваться

заливом Пьюджет-Саунд. Я наблюдала, как чайки пролетают над головой, ныряя вниз и издавая громкие крики, словно дразнили меня и призывали последовать за ними. Иногда я выбирала какое-нибудь местечко на холме за миллю от моего дома и сидела, глядя на пенные волны, разбивающиеся о берег, представляя себе, каково это – плыть по морю далеко за горизонт. Мать обычно говорила, что я дитя воды, хотя никогда не произносила этих слов в присутствии других. Она не доверяла водной стихии, считая ее опасной для нас обеих. Запрещала мне учиться плавать. Тем не менее она мирилась с моей любовью к этому побережью – пока я держалась подальше от воды.

– Ты права, – сказала я, и мои слова потонули в гуле гудка проплывающего мимо судна.

– Надеюсь, ты не плаваешь на каноэ одна? – спросила мать.

Несмотря на то что она боготворит Декса всеми фибрами своей души, ей категорически не нравится, что он живет в плавучем домике. Она просто отказывается признавать, что единственной причиной того, что я до сих пор не умею плавать, является ее собственная боязнь воды. Когда мы только поженились, она умоляла Декса переехать в его дом в районе Квин-Энн Хилл. Но он к тому времени сдал его в аренду, и к тому же если Декс принимает решение, никакая сила в мире не может заставить изменить его.

– Я же всегда надеваю спасательный жилет, если отправляюсь куда-либо на лодке, мама, – заявила я. – И не надо обо мне беспокоиться, ты же знаешь.

– Ну, мать должна беспокоиться о собственном ребенке – это ее обязанность.

Я отдернула штору на окне гостиной и увидела, что на задней палубе, оперев подбородок на руку, сидит Джимми, увлеченный чтением комикса. Интересно, наверное, Наоми уже ищет его. Я подумала: неужели она любит своего ребенка так же сильно, как моя мама любит меня? И быстро задернула штору, чтобы Джимми не успел меня заметить.

* * *

Я завернула четыре рулета с корицей в вощеную бумагу и сунула их в рюкзачок. Потом села в каноэ и направилась к домику Колина. Он занимался яхтой, стоя спиной ко мне, но поднял голову, когда услышал звук причаливающего каноэ.

– О, привет, – с улыбкой произнес он, вытирая капельки пота со лба.

– Привет, – ответила я, протягивая ему рулеты с корицей. – Я просто выполняю свое обещание.

Он подошел ко мне, взял пакет в руки и развернул один из сверточков.

– Рулет с корицей?

– Он самый, – с улыбкой ответила я, протягивая руку за веслом. – Ну, мне, пожалуй, пора. Надеюсь, рулетики вам понравятся.

– Подождите, – сказал он. – Не хотите задержаться? Хотя бы ненадолго?

Я с опаской оглянулась, даже не знаю почему. Декса в тот момент дома не было. И какое мне дело, что подумает по этому поводу Наоми или другие обитатели причала?

– Хорошо, – наконец решила я. – Пожалуй, не откажусь.

Я привязала каноэ к столбику у причала, и Колин подал мне руку, помогая выбраться. Он указал на свою яхту.

– Посидите в ней рядом со мной.

Я изумленно открыла глаза.

– Вы разрешаете?

Он кивнул.

– Я просто хочу ею похвастаться.

Я забралась в яхту вслед за Колином и села рядом с ним на деревянную скамейку.

– Ей предстоит дальний путь, – произнес он задумчиво. – Но, думаю, она с этим справится.

– Вы отлично поработали, – сказала я, поглаживая гладко отполированные поручни.

Он откусил кусочек рулета, а я подумала о том, сколько времени ему понадобится, чтобы закончить работу. Еще месяц? Год?

– Она будет готова к концу лета, – произнес он, словно читая мои мысли.

Тут я поняла, каким же одиноким станет этот причал без Колина, без его яхты, размеренно покачивающейся на воде.

– Полагаю, вы после этого уедете? – спросила я, отводя взгляд.

– Да, – ответил он. – Я отведу ее в Сан-Франциско. Мой заказчик примет ее там.

– А вам разве не грустно с ней расставаться? – спросила я, восхищаясь деревянными деталями носовой части, где доски были подогнаны столь плотно, что щелей между ними почти не было заметно. – Это, наверное, все равно что отдать своего ребенка приемным родителям.

Он пристально посмотрел на меня, и я заметила знакомый блеск в его

глазах. Что это – грусть? Сожаление?

– Конечно, – наконец ответил он. – Но я стараюсь к ней не привязываться. Расставаться всегда тяжело, поэтому лучше помнить, что все хорошее всегда заканчивается.

Я кивнула и отвела глаза в сторону.

– Между прочим, – внезапно произнес Колин, – а не хотите ли ко мне присоединиться?

Я отрицательно покачала головой.

– Нет, я не смогу.

– Но почему же?

– Ну, – замешкалась я. – Понимаете, я...

– Вот видите? У вас нет настоящей причины. – Он поднялся и начал распускать паруса.

– Сейчас покатаемся.

Он поправил снасти и направил лодку к центру озера. Реющие в полную высоту паруса выглядели просто великолепно, и я с благоговением наблюдала, как уверенно и точно он управляет яхтой, совершая сложные маневры.

Когда мы достигли центра озера, он обернулся ко мне.

– Хотите попробовать?

Я в ужасе потрясла головой.

– Нет! Я не умею.

– А я вас научу, – сказал он с лукавой улыбкой. – На самом деле все очень просто.

– Ну... Хорошо, – сказала я, шагнув к нему.

Колин взял мою руку и положил на длинную деревянную рукоятку.

– Это называется румпель, – сказал он, плотно прижимая мою руку своей. – С его помощью управляют судном.

Он отошел назад и улыбнулся.

– Это же самое прекрасное чувство в мире, не так ли?

– Согласна, – сказала я. Ветер растрепал мои волосы, но мне не было до этого дела. Я позабыла обо всем на свете, меня охватил азарт, и никакая сила в мире не могла бы остановить меня.

– Куда пойдём? – спросил Колин. Его глаза искрились, и мои, подозреваю, тоже. В этот момент я наслаждалась жизнью.

– Поплывем на Карибы, – неожиданно сказала я.

Колин весело кивнул.

– Итак, леди хочет плыть на Карибы, что ж, значит, туда мы и направимся.

– Я если мы вдруг потерпим кораблекрушение? – спросила я.
– И нас прибьет к необитаемому острову, – продолжил Колин.
Я кивнула.
– А я не умею плавать.
– Зато я умею, – сказал он, снова взявшись за румпель. – Мы спасемся!
Кроме того, у нас в запасе есть рулеты с корицей, которые не дадут нам умереть с голоду.
Я уселась на скамью рядом с ним.
– А чем занимается ваш муж? – неожиданно спросил Колин.
– Он художник, – ответила я, невольно напрягаясь при упоминании Декса. – Пишет картины.
– Понятно, – протянул он.
– Это вас удивляет?
– Понимаете, – сказал он, потирая подбородок, – мне казалось, он занимается бизнесом. Его так часто не бывает дома.
– Декс очень популярный художник, – сказала я гораздо более вызывающим тоном, чем мне бы хотелось. – У него мастерская в центре города. Ему приходится очень много работать.
– Послушайте, – улыбаясь, сказал он. – Я прошу прощения. Я вовсе не хотел, чтобы мои слова прозвучали осуждающе, просто...
Я скрестила на груди руки.
– Что?
Все мои страхи вылезли наружу: а вдруг он хочет сказать, что мы не подходим друг другу? Что мой муж гораздо более утонченный и образованный, чем я?
Колин пожал плечами.
– Я имею в виду... – Он снова на мгновение замолчал. – Как бы это точнее выразить? – Он глубоко вздохнул. – Если бы у меня была такая жена, как вы, я бы никогда не покидал ее так надолго.
Мои щеки залила краска смущения.
– О, спасибо за комплимент.
Я развязала и снова завязала шарф и повернулась к нему.
– Знаете, чего не хватает вашей лодке? – спросила я, пытаясь сменить тему разговора.
– Чего же?
– Подушек.
– Конечно, – сказал он. – в следующий раз, когда мы отправимся в плавание, я непременно захвачу подушки с дивана.
– Не стоит, – сказала я, – я могу их для вас сшить. В кладовке есть

поролоновые блоки и ткань. Непонятно, для чего они нужны, но они валяются там целую вечность. Если эти запасы еще не съела моль, я могу сшить отличные подушки.

Колин покачал головой.

– Не смею вас так утруждать.

Я хотела сказать ему, что боюсь, что рано или поздно сойду с ума в этом маленьком плавучем домике, слоняясь целый день без дела, без цели, но постеснялась.

– Не забывайте, я сама вызвалась, – сказала я.

– Ну, если вы так же хорошо шьете, как готовите, – ответил он, – я не в силах отказаться.

Я решила перейти на нос. Проходя по правому борту, я почувствовала на себе взгляд Колина и обернулась, но потеряла равновесие и со всей силы ударилась головой о тяжелое деревянное основание паруса. В глазах у меня потемнело, я почувствовала тупую боль, а потом пошатнулась и словно провалилась в какую-то черноту.

Глава 14

Ада

Алекс встретил меня у входа в мой плавучий домик ровно в пять.

– Приглашаю вас на ужин, – просто сказал он.

Я бросила взгляд на свой наряд – легинсы и тонкий свитер, что вряд ли подходило для выхода в ресторан.

– Мне надо переодеться.

– Не стоит, – сказал он с улыбкой. – Вы выглядите идеально. Не забываете, это же Сиэтл. Жители этого города даже в самые престижные места ходят в джинсах и свитерах.

Я усмехнулась.

– Хорошо, тогда возьму сумку.

Я побежала в дом, собрала волосы в конский хвост, наложила на губы немного блеска, схватила сумку и вышла на палубу.

Алекс взял меня под руку, и мы пошли по причалу к улице, вьющейся по высокому берегу озера.

– Ресторанчик Серафины прямо на холме, – сообщил он. – Надеюсь, вы не возражаете против небольшой прогулки пешком.

– Разумеется, не возражаю, – ответила я. – Я всегда старалась ходить пешком в Нью-Йорке и привыкла к этому.

Маленький ресторанчик уютился на Истлейк-авеню. Алекс придержал дверь, пропуская меня внутрь. Из помещения на улицу доносились приглушенные звуки джаза. Группа из трех музыкантов сидела на крохотной сцене в центре небольшого зала, и саксофонист весело подмигнул мне, пока мы ждали, когда к нам подойдет официантка.

– Мы хотим поужинать, – сказал Алекс.

Официантка приветливо сопроводила нас к столику у окна. Я оглядела зал и убедилась, что Алекс был прав. За столиком напротив сидела пара. Он был одет в хлопчатобумажные шорты и сандалии, а джинсовая юбка его спутницы казалась изрядно потрепанной. Да, это не Нью-Йорк. Теперь я могла воочию убедиться, что такое полное отсутствие условностей.

– Здесь просто великолепные ньокки, – сказал он. – А еще баклажаны и равиоли с тыквой. Впрочем, как и все остальное в меню.

Я улыбнулась.

– Мне нравится простая итальянская еда. Мой муж родом из большой

итальянской семьи.

Я внимательно наблюдала за выражением лица Алекса, ища признаки того, что его смущает данная тема, но он лишь с интересом посмотрел на меня.

– Наверняка у него была чудесная итальянская бабушка, кухня которой всегда пахнет чесноком, базиликом и тушеными помидорами.

– Вы не ошиблись, – сказала я. – Это точный портрет кухни его бабушки.

Тут подросла официантка, которая поставила передо мной бокал кьянти, и я отпила чуть-чуть, весьма удивленная тем, что не испытывала ни малейшего дискомфорта, обсуждая Джеймса с новым знакомым.

– А вы? – спросила я. – Вы, наверное, тоже выросли в семье, где любили хорошо поесть?

– Вовсе нет, если только вы не имеете в виду покупное печенье с кремовой начинкой, болонскую копченую колбасу и сэндвичи.

– То же самое можно сказать и обо мне, – смеясь, сказала я. – Мы ведь дети восьмидесятых. Удивительно, что мы еще не умерли от рака при такой-то еде!

Я посмотрела на Алекса.

– А что ваши родители думают о том, что вы сменили род деятельности и стали фотографом для кулинарных книг?

Выражение его лица внезапно изменилось. Он стал более серьезным и сдержанным.

– Это долгая история, – ответил Алекс, отпивая минеральную воду из стакана.

– Понимаю, – сказала я, уважая его право на личные тайны, которых и у самой было предостаточно. К тому же сейчас, видимо, не время было затрагивать такие личные темы.

Официантка принесла блюдо с итальянской закуской-ассорти, и я положила оливку «Каламата» в рот. Ее насыщенный, довольно резкий вкус словно вернул меня в то воскресное утро, когда бабушка Санторини угощала нас поздним завтраком на своей уютной кухне в Нью-Йорке.

Двенадцать лет назад

Бабушка Санторини ставит передо мной целую миску дымящейся горячей пасты. Макароны приготовлены вручную, и соус тоже, причем использовались только помидоры Сан-Марцано, которые она

собственноручно выращивала в терракотовых горшках на балконе.

– Посыпать пармезаном? – спрашивает она, держа в руках большой кусок белого сыра и терку.

– Да, спасибо, – отвечаю я.

Джеймс подмигивает мне и снова наполняет мой бокал вином.

– Надо ее откормить, чтобы она могла родить тебе ребенка, – неожиданно заявляет бабушка, обращаясь к Джеймсу.

Я заливаюсь краской.

– Слышишь, Ада? – говорит Джеймс, легонько толкая меня в бок. – Бабушка хочет правнуков.

Я улыбаюсь и принимаюсь за еду. Это моя первая встреча с бабушкой Джеймса, и я сразу же влюбляюсь в нее. Ее шелковистые седые волосы убраны в пучок, а на талии красуется белоснежный фартук. Все вокруг создает необычайно теплую, доброжелательную атмосферу – кухня, ее улыбка, ласковые руки и необыкновенная доброта. Мне хотелось бы быть такой же в семьдесят пять лет.

– Тебе понравилось угощение? – спрашивает она, подвигая миску с пастой поближе ко мне. – Поешь еще.

– Спасибо, – отвечаю я. – Очень понравилось.

– Джеймс, дорогой, – говорит она. – Сходи, пожалуйста, к черному входу и принеси полено – надо подбавить огоньку.

Он опускает салфетку на стол и послушно поднимается из-за стола.

– А ты хочешь детей? – спрашивает бабушка, когда мы остаемся одни.

– Да, – отвечаю я в недоумении. – Очень хочу.

– Вот и хорошо, – довольно констатирует она. – У вас будут прекрасные малыши.

Мои щеки пылают, и сложно сказать, от вина ли это, или от того, что я обсуждаю проблемы деторождения с бабушкой моего возлюбленного.

– Он ведь тебя любит, – продолжает бабушка, хитро улыбаясь. – Я заметила, как он на тебя смотрит. Влюбленными глазами!

Произнося эти слова, она подносит к губам золотой медальон на шее.

* * *

– Все в порядке? – спросил Алекс.

– Да, – ответила я. – Простите, я просто задумалась... Дело в том, что

этот ресторан напомнил мне о...

– Понятно, воспоминания... – сказал он.

Я молча кивнула.

Маленький оркестр заиграл приятную мелодию. Мне показалось, что это был Стэн Гетц, но названия песни я так и не вспомнила. Я бросила взгляд на Алекса, он был так доброжелателен и заботлив! Мне захотелось рассказать ему все – прямо сейчас. Но не успела я открыть рот, как он сам заговорил.

– Мне надо кое-что вам поведать, – произнес он. – О моей жизни.

И вместо того чтобы излить душу, я стала слушать его рассказ.

Глава 15

Пенни

Я открыла глаза и услышала писк каких-то приборов. Где я? Осмотревшись, я увидела белые стены. Все вокруг было ослепительно-белым. Женщина в белой одежде, очевидно медицинская сестра, склонилась надо мной.

– Доброе утро, дорогая, – сказала она, беря меня за запястье, чтобы пощупать пульс.

– Слава богу! Ваш муж будет счастлив увидеться с вами. Вы заставили нас поволноваться. Пойду позову его.

Значит, Декс здесь? Представляю, как он был напуган, узнав, что я оказалась на больничной койке. Слезы подступили к моим глазам. Что случилось? Я забеспокоилась и ощупала на своей голове повязку.

Дверь открылась, и на пороге снова появилась сиделка, на сей раз в сопровождении Колина.

– Дорогая! – воскликнул он, подбегая к кровати.

– Ничего не понимаю, – сказала я. – Я думала...

– А я уже решил, что потерял тебя, – сказал он, целуя мой лоб с многозначительным видом, словно просил меня подыграть ему.

– Доктор Хэнсон сейчас подойдет и осмотрит вас, – прощепетала сиделка. – А пока можете поговорить со своим мужем.

Я послушно кивнула, и она вышла из палаты.

– Что случилось? Почему она считает, что ты мой муж?

– Они так решили, когда я привез тебя сюда, – объяснил Колин. – А когда я понял, что в это крыло больницы не пускают никого, кроме родственников пациентов, то решил поддержать это заблуждение.

– А где Декстер? – спросила я.

– Понятия не имею. – Он выглядел смущенным, и было совершенно очевидно, что он что-то от меня скрывает.

– Что это значит?

– Ну, я пытался его разыскать, отправился на площадь Пионеров. – Он растерянно потер лоб. – Но его там не оказалось, Пенни.

– Ничего не понимаю, – повторила я. – Может быть, он просто куда-то вышел? Возможно, пообедал с заказчиком? А может, отправился домой? А ты заходил в наш плавающий домик? Он наверняка там.

Колин заметил мою растерянность. Он сжал мою руку.

– Думаю, я просто разминулся с ним, – сказал он. – Не сомневаюсь, как только он узнает, что произошло, он тут же примчится сюда.

Я посмотрела на него.

– Со мной все в порядке?

– Конечно, – с готовностью откликнулся он. – Хотя ты сильно ударилась головой и чуть не утонула. Они хотят поддержать тебя какое-то время в больнице, чтобы понаблюдать.

– Значит, ты спас мне жизнь?

– Ну, это было самое простое, – ответил он с натянутой улыбкой.

Я услышала, что дверь открывается. На этот раз на пороге стоял мужчина в белом халате.

– Миссис Уэнтуорт, я доктор Хэнсон, – сказал он. – Должен сказать, вы сильно ушибли голову.

– Надеюсь, осложнений не будет?

– К счастью, нет, – ответил он. – Но у вас могут возникнуть проблемы с памятью в течение недели или двух. – Он заглянул в свой блокнот и что-то написал прежде, чем вручить Колину листок бумаги.

– Я прописал вашей жене болеутоляющее средство. Надо его принимать в течение нескольких дней.

Колин сунул рецепт в карман.

Доктор улыбнулся.

– Мистер Уэнтуорт, должен сказать, когда я увидел имя вашей супруги в списке пациентов, у меня возникла надежда, что появится возможность с вами познакомиться. Моя жена ваша горячая поклонница. У нас в гостиной даже висит одна из ваших картин.

– О, неужели? – растерялся Колин.

– Доктор, это не Декс, – была вынуждена признаться я.

Доктор Хэнсон недоуменно посмотрел на меня.

– Ничего не понимаю. Сиделка сказала, что он...

– Его зовут Колин, – объяснила я. – Он мой друг.

– А, понятно, – бросил доктор.

Он быстро вышел из палаты.

– Он меня осуждает, – сказала я. – Он, видимо, подумал...

– Какая разница, что он подумал? – улыбнулся Колин.

Раздался стук в дверь, и я с радостью увидела маму, стоящую на пороге.

– Дорогая! – воскликнула она. – Я прибежала, как только узнала о несчастье!

– О, мама! Пожалуйста, не беспокойся. Все в порядке.

Она поднесла платок к глазам, а потом взглянула на Колина.

– А это кто?

– Это мой друг, Колин. Он спас мне жизнь.

Мама поцеловала его в щеку.

– Спасибо вам, дорогой, – сказала она, а потом повернулась ко мне. –

А где же Декс?

– Не знаю. Колин пытался его найти. Но в мастерской его не было.

Колин кашлянул и подошел к моей кровати. Он поправил шнур капельницы, зацепившийся за изголовье.

– У нее сотрясение мозга, – объяснил он матери. – Думаю, лучше дать ей отдохнуть. Вы сможете посидеть с ней сегодня?

Мама вдруг запаниковала.

– Понимаете, уважаемый, получить разрешение моего начальника, чтобы уйти пораньше, так же сложно, как протолкнуть новый закон в Конгрессе. Я смогу прийти вечером после смены. Мне едва удалось улизнуть на часок...

– Не стоит беспокоиться, – сказал Колин с успокаивающей улыбкой. – Я сам с ней побуду.

Мать молча посмотрела на Колина, но я была уверена, что она прикидывает, кем бы он мог быть и какую роль играет в моей жизни.

– Ну вот, – произнес Колин. – Я, пожалуй, выйду на минутку. Выпью чашечку кофе. Вам ведь надо поговорить.

Когда за ним закрылась дверь, мама уселась на стул рядом с кроватью.

– Будь осторожнее с этим парнем, деточка моя, – прошептала она.

Я недоуменно посмотрела на нее.

– Прости, я не понимаю, о чем ты.

Она тяжело вздохнула.

– Этот мальчик влюблен в тебя, Пенни. И, если не ошибаюсь, ты тоже в него влюблена.

– Что за чушь, мама. Мы просто друзья.

Она потянулась к сумке и вытащила клубок шерсти. Мы молчали, в палате был слышен только стук ее спиц. А мне казалось, что и стук моего сердца тоже разносится по палате. Я обдумывала то, что сказала мне мама.

Глава 16

Ада

Официантка принесла следующее блюдо, но я этого не заметила, увлеченная рассказом Алекса. С того момента, как он начал свое повествование, я внимала каждому его слову, боясь упустить любой, даже самый незначительный факт.

– Я женился незадолго до того, как отправился работать в Судан, – начал он свой рассказ. – На прекрасной женщине, которая меня любила. Но ей совсем не нравилась моя работа. И ее можно было понять. Я по восемь месяцев в году пропадал в горячих точках, не имея возможности позвонить ей. Она всегда говорила, что я женат не на ней, а на своей работе. По сути, так оно и было. И иначе и быть не могло, если работать с полной отдачей. Я считал, что ей нужно смириться с этим положением вещей. Но она не смогла. – Он покачал головой.

– Что же случилось? – осторожно спросила я.

– Я отказался от карьеры военного фотокорреспондента ради нее, – объяснил он. – Уволился и вернулся домой. Но в глубине души я не смог ей этого простить. Первый год жизни в Штатах был для меня весьма нерадостным, может быть, потому, что мы вместе работали – такое сотрудничество иногда бывает губительным. К тому же у меня возникли и другие проблемы. В то время я об этом не догадывался, но после поездки в Судан у меня развился сильный посттравматический стресс. А я-то думал, что стоит мне вернуться к обычной жизни, все тут же наладится. Но ничего не получилось. Психике человека нужно время, чтобы справиться с пережитыми кошмарами. А мне пришлось быть свидетелем самых ужасных вещей.

– Это закономерное явление, – я попыталась поддержать его. – Надеюсь, ваша жена сумела понять трудности переходного периода?

– Увы, нет, – ответил он. – Она слишком многого от меня хотела. Я начал пить, а это был скользкий путь. Не поймите меня неправильно, минуты счастья, конечно же, случались. Я очень старался. И она делала все возможное. Я пытался бросить пить, даже какое-то время посещал психоаналитика. Но в конечном итоге так и не сумел избавиться от собственных демонов. В результате девять лет назад, утром, в День благодарения, я проснулся, а ее уже не было рядом. Она оставила записку

на кухонном столе. Потом сменила номер телефона и начала жизнь с чистого листа. Через месяц я получил документы о разводе и без раздумий подписал их. Если жена хотела свободы, я не собирался противиться этому – я и так уже превратил ее жизнь в ад.

Алекс потер переносицу и с тревогой посмотрел на меня.

– Иногда я просто не могу простить себя за то, что испортил ее жизнь. Но потом я решил... – Внезапно в его кармане зазвонил телефон, и он, вытащив его, взглянул на экран. Я заметила, как заблестели его глаза. Он посмотрел на меня.

– Прошу прощения, Ада, мне придется ответить.

– Я подожду, – сказала я, все еще пораженная его рассказом.

Он вышел в коридорчик, а я подумала о Келли совсем иначе. Мне действительно было ее очень жаль. У Алекса был идеальный брак – любящая красивая жена, – а он все разрушил. Наверное, не стоило так строго судить его, но правда была жестокой. Джеймс бы боролся за меня до конца. Джеймс нашел бы возможность все исправить. Но ведь Алекс не Джеймс.

Я изо всех сил старалась не прислушиваться к разговору Алекса. Но он находился неподалеку, и я могла разобрать отдельные слова и фразы. Я пыталась сосредоточиться на еде, но все равно невольно слышала, что он говорит.

– Келли, пожалуйста, не надо, – произнес он. – Ты же знаешь, я вовсе не имел это в виду... Почему ты меня обвиняешь? – Он долго слушал, что ему говорили в ответ, а затем хмурое выражение сменилось улыбкой. – Да, дорогая, я тебя слушаю. Люблю тебя...

От удивления я вытаращила глаза. Было совершенно очевидно, что он все еще любил эту женщину. Какой же глупой я была, когда вообразила, что могла ему понравиться! Его сердце принадлежит Келли. Достав из кошелька две двадцатидолларовые купюры, я положила их на стол рядом с салфеткой и быстро прошла между столиками к задней двери, стараясь исчезнуть прежде, чем Алекс закончит разговор.

Глаза пощипывало от слез, и я почти сбежала по холму к Лодочной улице. Неожиданно начался дождь, я пронеслась по причалу, сунула ключ в замок и быстро захлопнула за собой дверь. Капли дождя хлестали по поверхности озера в унисон с хлынувшими из моих глаз слезами. И когда через десять минут я услышала, что Алекс тихонько стучит в дверь, я не открыла ее. Наша встреча и сегодняшний ужин – все это было ошибкой.

Глава 17

Пенни

– Осторожно, – предостерег меня Колин, когда мы ступили на причал. Он взял меня за руку, и я этому не противилась.

Голова еще немного побаливала, но в остальном все было в порядке.

– Уверена, что Декс сейчас дома, – сказала я, стараясь говорить уверенно.

Колин провел меня по причалу, и я была рада, что Наоми и Джина не было дома, и даже испытала облегчение от того, что Джимми не сновал вокруг. Мне очень не хотелось, чтобы он беспокоился обо мне, и тем более не было никакого желания оправдываться перед его суровой матерью.

Я поняла, что Декса в домике нет, даже раньше, чем мы подошли к входной двери. Он всегда оставлял ботинки на коврике рядом с увядшей геранью в горшке. Сейчас их там не было. Должна признаться, что я испытала облегчение, хотя и омраченное легкой грустью.

– Даже не знаю, где бы он мог быть, – я посмотрела на Колина в полном отчаянии. Мой голос предательски задрожал.

– Ну-ну, не надо, – сказал он, похлопывая меня по плечу. – Давай войдем в дом.

Он подвел меня к диванчику. Я откинулась на подушки и подняла ноги на подлокотник, куда обычно пристраивал голову Декс, когда отдыхал.

Колин принес мне стакан воды и таблетку, и через некоторое время я уснула.

* * *

Солнце уже светило вовсю, когда я открыла глаза. Голова гудела. Я села, совершенно не понимая, где я и что происходит.

– Декс! – окликнула я.

Вместо него появился Колин. Он вышел из кухни с тарелкой, на которой лежали сыр и нарезанные фрукты.

– Доброе утро, – тепло сказал он. – Как спалось?

– Сколько сейчас времени?

– Уже восемь, – ответил он с улыбкой. – Ты проспала весь вечер.

Должно быть, таблетка подействовала.

Я потеряла глаза.

– Спасибо, что остался со мной.

Он протянул мне тарелку с сыром и фруктами и чуть заметно усмехнулся.

– Знаешь, а ты во сне разговариваешь.

Я откусила кусочек яблока.

– Неужели? И что же я говорила?

– Что-то насчет яхты, – сказал он, – что не удивительно, ну, и прочую чепуху. Но ты произносила мое имя.

– Правда? – я смутилась.

– Да, – не без гордости подтвердил он. – Признаюсь, я пытался подслушивать, но мне мало что удалось разобрать.

Он снова удалился на кухню и вернулся с двумя кружками.

– Хочешь кофе?

– Не откажусь, спасибо, – сказала я, приподнимаясь на диване.

– Надеюсь, ты не сердишься на меня за то, что я остался? Мне показалось, что тебе не стоит быть одной.

Я с жадностью отпила кофе.

– Вот я все время думаю: а что было бы, если бы я погибла там, на озере? Меня не было бы на этом свете уже целых два дня! А Декс так бы и не узнал об этом. Когда он соизволил бы оторваться от своего драгоценного искусства и прийти домой, он бы обнаружил, что меня пора хоронить.

Колин опустил взгляд и принялся разглядывать свои ноги, как будто бы любая мысль о Дексе раздражала его, но так ничего и не сказал в ответ.

– Что ж, с тобой все в порядке, а это главное, – наконец произнес он. – Ты уже можешь встать, и я, пожалуй, теперь схожу домой и приму душ. А после обеда приду тебя проведать.

Честно говоря, мне не хотелось, чтобы кто-то меня проведывал. Я всего лишь стукнулась головой и скоро поправлюсь. Но все же согласилась. Мне нравилось, что Колин обо мне беспокоится. Да что греха таить! Мне нравилось, что хоть кто-то проявляет обо мне заботу.

– Спасибо, – тихо произнесла я, благодарно глядя на него.

Он просиял.

* * *

Прошло три дня... четыре... Декс по-прежнему не давал о себе знать.

Если он и был в мастерской, то почему-то не отвечал на звонки. Я набирала его номер и бесконечно долго держала трубку, но никто не подходил. Возможно, он куда-нибудь уехал. Может быть, отправился наконец в ту самую галерею в Париже, где хотели устроить вернисаж? Но как он мог уехать туда без меня? Даже ничего не сказав? И не позвонив!

Пришло воскресенье, я совсем пала духом. В тот вечер мы должны были идти на концерт Фрэнка Синатры. Я четыре раза звонила в мастерскую. Не понимаю даже, зачем я это делала, – он по-прежнему не отвечал. Но на этот раз все же кто-то снял трубку.

– Алло? – Это был женский голос. Женщина, видимо, была очень молода, даже моложе меня.

– Ой, – сказала я. – Должно быть, я ошиблась номером. Я звоню Дексу Уэнтуорту.

– Одну секунду, – ответила она и отошла от телефона.

Может, это натурщица, подумала я. Декс иногда нанимает их, чтобы они позировали для его картин. Я живо представила ее – длинные черные волнистые волосы, прикрывающие обнаженную грудь. Округлые бедра и фарфоровая кожа. Декс, наверное, уложил ее на диван, как обычно он укладывает меня, когда я ему позирую. Я закрыла глаза и положила трубку.

* * *

Была уже половина пятого, а я еще не привела себя в порядок. Надо бы погладить красное платье – то самое, с глубоким треугольным вырезом и вышивкой вокруг талии. Оно подчеркивает все достоинства моей фигуры, и именно его я и собралась надеть на концерт любимого певца. Я думала об этом все последние дни. Декс придет домой, увидит меня в этом наряде, как всегда, обнимет за талию и прошепчет на ухо: «Ты выглядишь просто потрясающе».

Мне показалось, что у меня галлюцинации, когда час спустя Декс вошел в дом и положил шляпу на стойку. Выглядел он ужасно. Он, видимо, несколько дней не брился, похудел, его скулы были обтянуты кожей. Под глазами залегли темные круги.

– Привет, – сказал он, усаживаясь в кресло у окна. Он избегал смотреть на меня и даже не спросил, почему это я лежу на диване на куче подушек. Он просто сидел, уставившись на озеро.

– Сегодня я звонила к тебе в мастерскую, – сказала я. Мой голос звучал напряженно, и в нем явственно чувствовалась обида, но Декс,

казалось, не обращал на это ни малейшего внимания. Было очевидно, что все происходящее было ему глубоко безразлично.

Он покачал головой. Я вдруг почувствовала исходящий от него застоявшийся, сладковатый запах спиртного. Перегар ощущался даже здесь, на другом конце комнаты.

– Ничего не понимаю, – вдруг произнес он.

– Что ты не понимаешь? – с вызовом спросила я, выпрямляясь на диване.

Он по-прежнему старался не смотреть на меня.

– Это было совершенное произведение искусства. Настоящий шедевр, а они... – Он закрыл лицо руками.

– О, Декс, – воскликнула я, бросаясь к нему и надеясь утешить. Странно, что наши роли распределялись таким образом. Ему было так легко принимать мою заботу, а мне дарить ее.

– Расскажи, что случилось. – Я вспомнила серию картин, над которой он работал несколько месяцев. – Как прошла выставка?

– Владельцу галереи картины не понравились, – сказал он, по-прежнему глядя перед собой в пространство.

Я уселась на подлокотник его кресла, погладила колючую щеку и поцеловала его в макушку. Волосы его были грязными, я заметила это сразу. Я не стала задавать ему вопрос по поводу женщины, подходившей к телефону в мастерской. Это больше не имело никакого значения. Декс здесь и со мной. Он вернулся домой, ко мне. И ему плохо.

– Между прочим, сегодня концерт, – нарочито оживленно напомнила я. – Там все твои дурные мысли развеются.

Он отрешенно покачал головой.

– Нет. Прости. Не могу. Мне надо вернуться в мастерскую. Придется все начать сначала. Я просто зашел домой, чтобы взять пару свежих рубашек.

– Понятно, – сразу сникнув, сказала я.

Он прошел в спальню, выбрал четыре или пять рубашек, которые я погладила на прошлой неделе, свернул их и сунул под мышку.

– Пенни, прости, – сказал он. – Я знаю, как ты мечтала пойти на этот концерт. – Он подошел ко мне, как будто только что заметил меня, и ему вдруг пришло в голову, что у меня тоже есть чувства.

Он коснулся моей талии, но я оттолкнула его руку.

– А ты еще можешь туда успеть, – произнес он.

– Одна?

– Почему бы тебе не пригласить свою мать?

Я покачала головой.

– Она терпеть не может Фрэнка Синатру.

Он потер лоб.

– А как насчет мастера-лодочника? Как там его зовут?

– Колин, – сказала я. – Его зовут Колин. – Я не стала сообщать ему, что сосед спас мне жизнь. Что он добрый и заботливый, и вовсе не простой лодочник.

– Точно, – сказал он. – Почему бы ему не составить тебе компанию? – Он пожал плечами. – Я отдал за эти билеты целое состояние. Не хотелось бы, чтобы они пропали.

– Ты прав, – сказала я. – Пожалуй, тебе лучше уйти. – Мой голос звучал монотонно, словно у механической куклы.

– Пенни, – сказал он, привлекая меня к себе. – Надеюсь, ты на меня не сердишься? Я просто не в состоянии со всем этим справиться. После того что произошло сегодня.

Я натянуто улыбнулась, стараясь быть сильной, хотя бы ради него.

– Ну вот, хорошая девочка, – он поцеловал меня в лоб. – Я тебе позвоню.

Он закрыл дверь, а я подошла к креслу, где сидел Декс. Воздух еще хранил его запах – сладкий, мускусный и... несвежий. Я сидела там, пока он не растворился в воздухе. Чуть позже я услышала стук в дверь.

– Войдите, – произнесла я. У меня не было сил подняться.

Это был Колин.

– Привет, – сказал он, глядя на часы. – Советую побыстрее одеваться. Разве ты не идешь сегодня на концерт Синатры?

Я покачала головой.

– Нет, не иду.

– Да ты что? Но почему?

Я повернулась к нему, и на мои глаза навернулись слезы. Через секунду они просто хлынули из глаз, потекли по щекам, а я даже не пыталась остановить этот поток. Я была просто не в состоянии это сделать. Колин бросился ко мне и встал рядом на колени, взяв меня за руки. Его ладони были большими, теплыми и полностью закрывали мои тонкие пальцы.

– Чем я могу тебе помочь? – спросил он, вкладывая в руку платок, который извлек из кармана.

Я затрясла головой.

– Ничем... ничем ты мне не можешь помочь... никто не может!

– Да что случилось?

Я отвела глаза, потом снова взглянула ему в лицо.

– Декс не хочет идти со мной на концерт.

– Почему?

– Ему надо работать.

Колин задумался.

– Тогда я пойду с тобой.

Несмотря на предложение Декса, мне даже в голову не приходило попросить Колина сопроводить меня на концерт. Но теперь, когда он сам это предложил, когда он так трогательно стоял передо мной на коленях, держа меня за руки, я поняла, что именно этого я и хочу.

– А ты хочешь?

– Конечно! А теперь иди и одевайся.

Он прошел к кухне и увидел там красное платье, которое я оставила висеть на крючке.

– Это?

Я кивнула.

– Само совершенство, – сказал он, вытаскивая гладильную доску и включая утюг. Я раньше не подозревала, что мужчины умеют гладить, и как зачарованная наблюдала, как Колин расправляет красную ткань на доске, разглаживая складки пальцами. Его движения были плавными, но уверенными – такими же, как при работе над лодкой. Я подумала о том, что его руки касаются моего платья, и покраснела.

– Ну вот, готово, – сказал он через пару минут, протягивая мне платье.

– Где ты научился так ловко гладить женские платья? – поинтересовалась я.

Он усмехнулся, как будто я спросила о том, как он научился читать.

– Мать приучила меня ко всяким таким вещам.

Я дала себе торжественное обещание, что, если у меня когда-нибудь будет сын, я воспитаю его таким же заботливым, как Колин. Научу его гладить одежду, делать глазурь для булочек и штопать дырки на брюках.

– Что же, – сказала я. – Твоей маме надо сказать спасибо.

Я приняла платье из рук Колина и повесила его на вешалку. Теперь оно выглядело еще более вызывающим, чем прежде. Я даже подумала, а не выбрать ли мне что-нибудь поскромнее?

– Мне нужно переодеться.

– Мне уйти и вернуться попозже? – спросил Колин, нервно приглаживая волосы.

– Да нет, оставайся здесь, – с улыбкой ответила я. – Все нормально. Я поднимусь наверх.

Я взбежала по лестнице в спальню, сняла платье и некоторое время сидела на кровати в одних трусиках. Теплый вечерний воздух ласкал кожу, словно шелк. Внизу, всего в нескольких футах от меня, Колин возился с проигрывателем.

– Я тут вчера на столе заметил пластинку Синатры, – произнес он. – Надеюсь, ты не будешь против, если я ее поставлю. Мне кажется, это могло бы создать нам нужное настроение для концерта.

– Да, настрой сейчас не помешает, – сказала я, скидывая трусики на пол. Я услышала шипение проигрывателя, а потом раздался низкий, бархатный голос Синатры. Я раскачивалась в такт мелодии, расстегивая лифчик. Выбрала в ящике другой – с белыми кружевами – и надела его, затем потянулась за кружевными трусиками. Музыка была чарующей, манящей. Белье скользило по телу, словно масло, и я снова покраснела. *Стоит лишь позвать его по имени...* «Колин, подойди, пожалуйста, сюда. Не мог бы ты помочь мне закрыть окно? Что-то у меня не получается». Мое сердце заколотилось, когда я представила, что может произойти дальше. Представила его сильные руки, обнимающие меня. Я слышала его шаги внизу и уже открыла было рот, чтобы произнести его имя, но тут же спохватилась. Я подумала о Дексе. Я просто не имела права на такие крамольные мысли.

Я натянула чулки, потом надела платье и туфли на шпильках. Подняла волосы наверх и, закрепив их заколкой, подкрасила губы красной помадой. Попыталась застегнуть молнию, но она, как назло, заела. Я пыталась сделать это снова и снова, но боялась порвать платье. Пришлось робко спуститься вниз, где ждал Колин. Он просиял, словно увидел меня впервые.

– Вот это да! – воскликнул он. – Ты выглядишь потрясающе.

– Спасибо за комплимент, – сказала я. – Извини, но не мог бы ты помочь мне застегнуть молнию?

Я повернулась к нему спиной, а он без лишних слов подошел ко мне. Я ощутила прикосновение его теплых рук на моей спине, когда он расправлял молнию. Она тут же поддалась его умелым рукам, и я почувствовала, как шелковая ткань плотно обхватывает мое тело, когда он потянул наверх замочек.

– Ну вот, – сказал он, кладя руки на мои плечи и разворачивая меня к себе. – Просто идеально.

Мы пришли на концерт заранее и заняли места рядом в первых рядах. Тут же появилась официантка, чтобы принять заказ на коктейли, а затем вернулась с двумя бокалами мартини. Сделав глоточек, я съела оливку, плавающую в бокале.

– Держи, – сказал Колин, подавая мне оливку, выловленную из своего бокала.

– Спасибо, – поблагодарила я, кладя ее в рот. Декс никогда в жизни не делился со мной оливками из коктейля!

Официантка вернулась со второй порцией мартини, и к тому времени, как начал гаснуть свет и толпа разразилась аплодисментами, я уже чувствовала удивительную легкость и веселье, как будто бы качалась на ласковых волнах. Фрэнк Синатра вышел на сцену, и публика встала, приветствуя певца. Он был красив зрелой красотой, с точеными, как у Декса, чертами. Оркестр заиграл, и я услышала первые аккорды песни «Как глубок океан?»^[11]. Я начала покачиваться в такт мелодии, пока вступление не переросло в нежную балладу. Пара, сидящая перед нами, поднялась и начала танцевать, другие последовали их примеру. Колин посмотрел на меня, протянул руку, приглашая на танец, и я с радостью приняла его приглашение. Я позволила ему обнять себя и прижалась щекой к лацкану его пиджака.

* * *

Таксист высадил нас на Фэрвью-авеню. Я слишком много выпила, ноги меня не слушались, а лицо словно онемело.

– Возьми меня под руку, – мягко сказал Колин, помогая мне выбраться из такси. Я споткнулась, но он не дал мне упасть.

– Дай-ка я тебя лучше на руках понесу.

И, не дожидаясь моего ответа, он без усилий подхватил меня на руки. Мне казалось, что я легкая, как перышко. Он ступил на причал и понес меня вдоль плавучих домиков соседей. Пожилая леди, живущая в домике у самых ступенек, видимо, спала, в ее окнах не было света. Я поняла, что понятия не имею, сколько сейчас времени. Или какой это день недели. Я видела цветы в горшках у дома Наоми и Джина и различила движение занавесок в окне, но мне это было абсолютно безразлично. Ну и пусть они меня увидят. Пусть думают все, что им заблагорассудится.

Внезапно Колин остановился, и я подняла глаза. Я узнала входную дверь моего домика. Он поставил меня на ноги, и я оперлась спиной на

дверь. В свете фонариков глаза его сияли, а моя голова закружилась, когда я всматривалась в них. Я подумала о том, что все же не стоит нарушать приличий. Мне надо войти в дом одной.

– Не хочу, чтобы все вот так закончилось, – неожиданно прошептала я.

– Я тоже не хочу, – сказал он. Мне так хотелось, чтобы он обнял меня, прижал к двери, начал целовать. Мне так хотелось, чтобы он перенес меня через порог, как это сделал Декс в день нашей свадьбы.

Без дальнейших раздумий я потянулась к нему, и наши губы слились. Закрывая глаза, я чувствовала тепло его кожи. Музыка все еще звучала в моих ушах, будто волнами захлестывая плавучий домик. Я словно слышала свое будущее. Смех. Детские голоса. Музыка. Счастье. Но Колин вдруг отстранился и снял мои руки со своих плеч.

Я смущенно потупилась.

– Ой, – сказала я. – Прости, я просто... – Я пыталась заглянуть ему в глаза. – Почему ты не можешь меня поцеловать? Не хочешь?

– Очень хочу, – сказал он, потирая лоб. – Больше, чем ты можешь себе представить. – Он потрянул головой. – Послушай, уже очень поздно. Спокойной ночи.

Он повернулся в сторону причала и через минуту исчез из виду.

* * *

Войдя в дом, я распласталась на диване. Складки платья раскинулись вокруг меня, словно бесформенная куча бархатных тряпок. Я откинулась на подушки. Сердце билось в бешеном ритме. На стойке стояла полупустая бутылка вина. Я вытащила пробку и плеснула вино в стакан. Я сидела так, уставившись на телефон, и думала о Дексе, а потом все же набрала номер его мастерской и сделала еще глоток вина, слушая долгие звонки.

– Алло? – это был тот же самый голос, явно принадлежавший молодой женщине. Я взглянула на часы – время было уже за полночь – и резко опустила трубку.

Я сбросила туфельки, выбежала на палубу, забралась в каноэ, напроочь позабыв о спасательном жилете. Все это уже не имело ни малейшего значения. Ничто в мире не имело значения. Я преодолела узкую полоску воды и наскоро привязала лодку к столбику. Мне было безразлично, уплывет она или нет. Все было безразлично – я хотела лишь поскорее оказаться в объятиях Колина.

В окнах горел свет, я подбежала к задней двери и тихо, но настойчиво

постучала. В моих глазах стояли слезы, а сердце замерло в ожидании. Через несколько мгновений появился Колин. Он уже успел переодеться в джинсы, рубашка была расстегнута. Я молчала, он тоже, но мы понимали друг друга без слов. Он поднял меня и притянул к себе, а я обхватила его тело руками и ногами. Я смотрела в его глаза, чувствовала его дыхание на своей коже. Наши губы встретились, и на этот раз он не отстранился.

Глава 18

Ада

На следующий день я не видела Алекса. Я чувствовала себя неловко после того, как убежала из ресторана, – но что мне оставалось делать после того, как я невольно подслушала его разговор по телефону? Как я могла доверить ему свое разбитое сердце, когда он телом и душой принадлежал другой женщине? Но когда субботним утром я поливала цветы на палубе, то заметила, что он стоит у своего дома и смотрит на меня.

– Привет, – сказал он.

– Привет, – робко ответила я.

– Можно к тебе приехать?

Я кивнула в знак согласия.

Он тотчас же прыгнул в каяк, пересек полоску воды и привязал лодку к столбику у моей палубы. Было тепло, и он был одет в темно-синюю майку и полотняные шорты.

– Не хочешь присесть? – спросила я.

– Не откажусь.

Сначала мы молчали. Просто наблюдали, как яхточки проплывают мимо, потом Алекс повернулся ко мне.

– Что я такого сказал? Что я сделал? Я слишком много болтал? Прости, если был слишком откровенен. – В голосе его слышалось отчаяние.

– Не стоит извиняться, Алекс. Глупо было с моей стороны думать, что ты готов к новым отношениям – и что я к ним готова.

Он заглянул мне в лицо.

– Ада, но я как раз готов к новым отношениям. Я просто рассказал тебе о своем прошлом, чтобы ты знала всю правду обо мне. Я надеялся, что тебя это не отпугнет, но боюсь, что ошибся.

Я покачала головой.

– Меня это вовсе не отпугивает. Но я знаю, что ты все еще любишь бывшую жену. – Я не смогла заставить себя произнести ее имя. – А пока ты испытываешь к ней нежные чувства, я не хочу вставать между вами.

Он выглядел совершенно ошарашенным.

– Что ты имеешь в виду, говоря, что я все еще люблю свою бывшую?

– Я слышала твой разговор по телефону, – тихо сказала я. – И все поняла.

– В ресторане?

Я кивнула.

– Да, это звонила Келли, и она подозвала к телефону мою дочь. Ты, наверное, слышала мой разговор с Грэйси.

Мои глаза наполнились слезами. Я вспомнила Элли, ее темные волосы, улыбку, дырку вместо выпавшего зуба...

– Так у тебя есть дочь?

– Да, – сказал он тихо. – Именно это я и хотел сообщить тебе прежде, чем зазвонил телефон. Но ты сбежала.

Я взяла его за руку.

– Прости, Алекс.

– Келли была беременна, когда ушла от меня, – почти шепотом произнес Алекс. – Она ничего не говорила мне о Грэйси, пока той не исполнилось три года. Полагаю, в то время я не слишком-то заслуживал звания отца. Я сделал все, чтобы покончить со своими проблемами, и ситуация наконец изменилась. Келли в конце концов познакомила меня с Грэйси, и произошло это через несколько недель после того, как ей исполнилось четыре. Это была любовь с первого взгляда. В глубине души я, вероятно, никогда не прощу Келли за то, что она так много лет держала меня в неведении. Меня просто убивает мысль о том, сколько времени я упустил, не зная, что у меня растет дочь. Но разумом я понимаю, что у Келли на это были разумные причины. Впрочем, сейчас имеет значение лишь то, что теперь ребенок – часть моей жизни. Мои отношения с Келли весьма неровные. Мы не всегда достигаем согласия в отношении методов воспитания дочери, но стараемся найти решение. Мы оба очень любим Грэйси и хотим быть лучшими родителями для нее.

Он глубоко вздохнул.

– Ада, тебе она тоже понравится. Ей сейчас восемь лет, и это самая озорная девчонка на свете. Обожает животных и все розовое, и шагу из дома не ступит без любимого рюкзака в стиле «Дора^[12]-следопыт».

Я смахнула слезинку.

– Мне бы хотелось ее увидеть. То есть, конечно, если ты этого хочешь...

Он сжал мою руку.

– Хочу, – сказал он. – Очень хочу.

Я вздохнула и вновь подумала о моей дорогой малышке и ее любящем отце. Я думала о той идеальной жизни, которой я лишилась, и вдруг поняла, что у нас с Алексом гораздо больше общего, чем я ожидала.

Глава 19

Пенни

Я испытала облегчение от того, что на следующее утро вновь не обнаружила башмаки Декса на коврик у двери. Незаметно проскользнув в домик, я поспешила принять душ. Мыльная пена ласкала мое тело, как руки Колина в прошлую ночь. Я ощущала вину, но в то же время я очень давно не чувствовала себя по-настоящему любимой, даже боготворимой. Внезапно послышался звук открывающейся двери. Я застыла. Кто это? Декс? Колин? Я начала протирать запотевшее стекло двери, как вдруг она распахнулась.

– А, вот ты где, – произнес Декс.

– Ты вернулся домой, – отрешенно пробормотала я. – Не думала, что ты появишься так скоро.

– Хотел тебя удивить.

Я выключила воду и потянулась за полотенцем, висевшим на крючке. Обернув его вокруг себя, я вышла из ванной. Декстер притянул меня к себе и поцеловал.

– Ты ходила на концерт?

Я кивнула.

– Колин согласился сопроводить меня туда.

– Вот и хорошо, – сказал он. – Мне надо его поблагодарить. Но, прежде всего, у меня для тебя сюрприз.

– Правда? – сказала я, изображая интерес. Наверное, это какой-нибудь подарок. Кашемировая кофта. Или, может быть, браслет от Тиффани. Это его обычная манера поведения. Сначала обидит меня, а потом пытается задобрить милым подарком в красивой коробочке с ленточкой, и все начинается сначала. Но в руках его не было подарочной коробки.

– Мы отправляемся в путешествие, – сообщил он.

– В путешествие?

– Да. В Калифорнию.

Я тряхнула мокрыми волосами.

– Ничего не понимаю.

– Думаю, нам надо немного отдохнуть, – сказал он. – Полюбоваться пальмами. Пожить в роскошной пятизвездочной гостинице. Ощутить теплый песок под ногами.

– Думаю, это идея твоего психоаналитика, – бросила я, даже не пытаясь скрыть раздражение.

На секунду в его глазах промелькнуло удивление, но он взял себя в руки и улыбнулся.

– Нет, это моя идея, – он взял меня за руки. – Начинай паковать чемоданы. Мы вылетаем после обеда.

Сначала я испытывала лишь раздражение. Как он смеет притащиться сюда и требовать, чтобы я куда-то собиралась? А потом меня захлестнуло чувство вины. Я вспомнила, где была прошлой ночью, как мы с Колином любили друг друга. Я потупилась, Декс взял меня за подбородок и взглянул мне в глаза.

– Позволь мне загладить вину. Пожалуйста.

Не найдя что возразить, я покорилась.

* * *

Декс перенес багаж на причал, а я смотрела прямо перед собой, надеясь, что не увижу Колина на палубе. Я молила Бога, чтобы его там сейчас не было. Я не перенесу нашу встречу сейчас, после всего что произошло между нами прошлой ночью. Что он подумает? Что я ему скажу? Но он все-таки появился. Он шел навстречу нам по причалу и держал в руках вазу с розами палевого цвета. Ваза была украшена красной ленточкой, а цветы выглядели абсолютно свежими, как будто их только-только сняли с витрины маленького цветочного магазина, находившегося неподалеку от причала. Дексу никогда не нравились готовые букеты. У него был персональный флорист, который знал, какой стиль он предпочитает, – «нарочитая небрежность», так, кажется, он говорил, когда я подслушала, как он заказывал букет.

Колин держал вазу весьма неловко. Я знала, что розы предназначены для меня. Знала, что это символ любви, которая расцвела между нами прошлой ночью. Я, не отрываясь, смотрела на них, и сердце мое разрывалось. Мне так хотелось побежать ему навстречу, чтобы он снова обнимал и целовал меня. Но Декс обхватил меня за талию, и я застыла, не в силах произнести ни слова. Я просто стояла и молилась, чтобы Колин все прочитал в моих глазах. Они умоляли его понять и простить.

– Привет, – обратился к нему Декс. – Кажется, идете на свидание?

Колин взглянул на меня, потом перевел взгляд на Декса. Я видела, что он в замешательстве. Я тоже не знала, что сказать.

– А мы едем в Калифорнию, – заявил Декс, прерывая неловкую паузу.
– В Калифорнию? – повторил Колин. Он растерянно посмотрел на меня. Как я могу уехать после того, что произошло между нами прошлой ночью? После...

– Декс сделал мне сюрприз, – объяснила я, надеясь, что он поймет, что у меня просто не было иного выхода.

Декс с видом собственника поцеловал меня в щеку, и мне оставалось только надеяться, что Колин видит мое недовольство.

– Благодарю, что вывели мою любимую супругу в свет прошлым вечером, – сказал мой муж. – Я постараюсь найти способ отблагодарить вас.

– Не стоит благодарности, – ответил Колин. Он был оскорблен, а мне так хотелось дотронуться до него. Мне хотелось спрятать лицо у него на груди. Но я не могла этого сделать. Я могла только безропотно стоять рядом с мужем. Моим мужем.

– У меня назначена встреча с заказчиком в Лос-Анджелесе, и я решил купить еще один билет, чтобы взять с собой Пенни. – Он с игривым видом наклонился к Колину. – На самом деле это просто отчаянная попытка заставить жену примерить то самое бикини, которое теперь носят все женщины в Калифорнии.

Колин натянуто улыбнулся.

– Да, я слышал, там очень красиво.

– А для кого предназначены эти цветы? – спросил Декс.

– Цветы? Для Леноры, – растерянно произнес Колин. – Узнал, что она заболела.

– Печально это слышать. Передайте ей от нас привет.

Колин посмотрел мне прямо в глаза.

– Желая прекрасно провести время в Калифорнии.

– Не сомневайтесь, так и будет, – ответил Декстер.

Мои ноги словно свинцом налились, когда мы шли к такси, ожидавшему нас на набережной. Я не могла оглянуться на причал. Я не могла видеть Колина. Сердце разрывалось на части.

* * *

– Неужели тебе здесь не нравится? – спросил Декс, откидываясь на кровать в «Шато-Мармон».

– Здесь просто прекрасно, – ответила я, выходя на балкон. Он тут же

присоединился ко мне.

– Знаешь, ты прелестнее, чем любая кинозвезда в Голливуде.

– Не надо, – я натянуто улыбнулась. – Это просто слова.

Он развернул меня к себе.

– Это истинная правда. – Он начал целовать мою шею, но мне было неприятно. Только не сейчас... Я почувствовала облегчение, когда вдруг услышала стук в дверь. Декстер открыл ее, и на пороге появился портье с подносом, на котором стояли бутылка шампанского, два бокала и лежал конверт.

– Это ты заказал? – спросила я.

Декстер не удостоил меня ответом. Явно заинтригованный, как маленький мальчик, разворачивающий рождественский подарок, он надорвал конверт и вытащил оттуда карточку. Я заглянула ему через плечо, чтобы прочитать, что там написано витиеватым почерком.

«В честь нашего долгого сотрудничества в области искусства!» – и подпись: Лана.

Я тряхнула головой.

– Кто такая эта Лана?

– Я собирался тебе все рассказать сегодня вечером за ужином, – сказал он. – Думал, вот привезу тебя сюда, и ты собственными глазами убедишься, какая прекрасная возможность открывается здесь для меня.

– Декс, о чем ты говоришь?

Он уселся на кровать.

– Послушай, Пенни. Не знаю, как это получилось, но Лана Тёрнер^[13] увидела некоторые из моих работ в галерее в Лос-Анджелесе, и после этого ее представители связались со мной. Она хочет, чтобы я расписал стены в ее доме.

– В ее доме? Лана Тёрнер? *Та самая* Лана Тёрнер?

– Именно, – сказал он. – И она предложила мне пожить здесь, пока я работаю над росписью.

– Ты будешь жить у нее? – Я затрясла головой. Я же видела фильмы с ее участием и знала, как она красива. Читала о ее многочисленных романах и разводах. – Тебе не кажется, что это несколько неприлично, Декс?

– Дорогая, – сказал он. – Я прекрасно осознаю, как это может выглядеть со стороны. Но я хотел, чтобы ты приехала вместе со мной, чтобы познакомиться с Ланой, тогда у тебя улетучатся все сомнения. – Он глубоко вздохнул. – Я собираюсь прожить здесь, по крайней мере, месяц.

– Правда, Декс? – Мне следовало бы расслабиться. Теперь я могла улететь домой и проводить все время с Колином в нашем чудесном мире. Я

должна была бы быть счастлива, но почему-то в горле у меня стоял комок.

– Я постараюсь закончить работу как можно быстрее, – сказал муж, целуя мое запястье.

– Она, наверное, платит тебе кучу денег?

Он кивнул.

– Конечно. Но, дорогая, речь даже не о деньгах. Не знаю, как это описать, но с тех пор как Лана обратилась ко мне с этим предложением, как будто кто-то снял с моих глаз черную завесу. Я чувствую себя гораздо счастливее и снова могу работать.

– Вот и хорошо, – сказала я. – Я хочу, чтобы ты был счастлив.

– Это означает, что в дальнейшем заказов будет больше, – произнес он. – Лана говорит, что, когда я закончу расписывать стены, все голливудские знаменитости будут охотиться за мной. Возможно, мы даже сможем сюда переехать. Купим небольшой домик на Беверли-Хиллз. Тебе ведь нравится эта идея, правда?

Я покачала головой.

– Но я люблю наш дом. Я люблю Сиэтл.

– Мы его не оставим. Будем жить на два дома.

– Даже не знаю, что и сказать, Декс.

– Пожалуйста, пойдем со мной. Познакомишься с Ланой сегодня вечером. Ты просто влюбишься в нее, я уверен.

Каким-то шестым чувством я вдруг поняла, что с Дексом именно это уже и произошло.

* * *

Метрдотель помог мне сесть. Я оглядела огромный зал с роскошным декором. Вошел пожилой мужчина в сопровождении блондинки как минимум лет на двадцать моложе его. На ней было сверкающее серебристое платье с глубоким декольте. Волосы цвета шампанского были зачесаны назад и высоко подняты на макушке. Я почувствовала себя простушкой и смущенно одернула свое платье изумрудного цвета. Оно всегда вызывало восторги окружающих в Сиэтле, но здесь казалось почти безвкусным, я в нем сильно смахивала на сельскую учительницу.

– Ты знаешь, кто это был? – прошептал Декс мне в ухо.

Я покачала головой.

– Альфред Хичкок, – пояснил он. Декс был явно увлечен Калифорнией, но я вовсе не разделяла его восторги. Напротив, я все время

думала о своем доме на озере Юнион. Интересно, что сейчас делает Колин. Вспоминает ли меня?

Шум в зале внезапно стих, и я увидела, что появилась Лана Тёрнер. Декс вскочил с сияющим видом, когда она направилась к нашему столику. Она была истинным воплощением голливудского гламура: завитки белокурых волос, обрамляющие лицо, идеально нанесенная губная помада, ресницы длиной в милю и вечернее платье с глубоким вырезом.

– Дорогой, – произнесла она, обращаясь к Дексу. – Спасибо, что приехал.

Она поцеловала его в щеку, а потом повернулась ко мне.

– А вы, должно быть, Пенни?

– Да, – ответила я. Мой голос казался жалким писком по сравнению с ее глубоким, уверенным контральто. По возрасту она была ближе к Дексу, чем ко мне. И я почувствовала себя глупой девчонкой в обществе королевы.

– Я просто поражена талантом вашего супруга, – сообщила она мне. – Надеюсь, вы не возражаете, если я его ненадолго украду? Обещаю, верну его вам в целостности и сохранности.

Я напряженно улыбнулась. Передо мной, несомненно, была женщина, которая добивается всего, чего хочет. Интересно, каково быть такой, подумала я. Уметь всего добиваться и получать желаемое на блюдечке с голубой каемочкой.

– Дамы, – обратился к нам Декстер, – позвольте мне принести вам из бара напитки.

– Дорогой, пожалуйста, «Манхэттен», – проворковала Лана.

– А мне мартини, – добавила я.

Лана закурила сигарету и повернулась ко мне.

– Я только что пережила самый ужасный из моих разводов, – сообщила она. – Третий муж был не сахар, и я надеялась, может, с четвертым повезет. – Он вдохнула дым, а затем выдохнула его мне в лицо. – Но мои надежды не оправдались.

Надо признаться, она располагала к себе, хоть меня и смущал ее агрессивно-соблазнительный облик. Она бросила взгляд в направлении бара, где стоял Декс.

– Как вы с ним познакомились?

Я не могла верить, что ей интересна история нашего знакомства, но она продолжала пристально смотреть мне в глаза, и я выложила ей все: про Академию мисс Хиггинс и такси, в котором Декс спас меня от дождя. Лана расплылась в улыбке, и ее лицо оживилось.

– Хотите сигаретку? – спросила она, заметив мое смущение.

- Нет, спасибо, я не курю.
- Вы ведь совсем молоды, не так ли, дорогая?
- Мне уже двадцать два.

Она улыбнулась. Ей, должно быть, по меньшей мере тридцать пять. Или даже сорок.

- Могу я вас кое о чем спросить?

Я кивнула.

– Ваше сердечко ведь не здесь, – произнесла она, выдыхая дым. – Интересно, где же?

Я посмотрела на нее.

- Не понимаю, о чем вы.

Она понимающе улыбнулась.

– Обещаю, я никому не скажу. Такие тайны всегда должны оставаться между нами, девочками. Милая, я ведь кое-что понимаю в любви. Черт побери, ведь я была несчастлива в любви всю свою жизнь. И научилась вести себя так, чтобы мое счастье не зависело ни от одного мужчины.

- Но я не...

– Я вовсе не хотела тебя расстраивать, милая, – сказала она. – Я просто заметила кое-что в твоих глазах, вот и все. Твой муж – прекрасный человек. Но никогда не забывай о том, кто *ты*. – Она мне подмигнула. – Вот и все, что я хотела сказать. Я-то знаю, потому что уже совершала эту ошибку, и, поверь, не следует полностью растворяться в мужчине, это не окупается.

- Но вы кажетесь такой счастливой, – сказала я.

– Дорогая, я много лет изображаю счастье, – объяснила она, улыбаясь своим мыслям. – Но счастье не помогает тебе расти. Для этого нужно быть несчастной.

Через минуту к столу вернулся Декс с напитками в руках, а я сидела, пытаюсь осмыслить все, что мне только что сказала Лана Тёрнер.

* * *

Я отправилась самолетом в Сиэтл уже на следующий день после обеда. В полном одиночестве. Мне так и не довелось увидеть дом Ланы Тёрнер, впрочем, на самом деле мне этого и не хотелось. Я решила, что так будет лучше. Во время полета я старалась не думать о том, что она пригласила Декса на коктейль к себе домой, о том, как он любит ее безупречным изгибом ее бедер...

- Не желаете ли что-нибудь выпить? – спросила стюардесса, прерывая

мои размышления.

– Нет, благодарю вас, – сказала я, поглощенная мыслями о Колине. Я думала о том, как он совсем недавно обнимал меня, как запускал пальцы в мои волосы. Вспоминала, какие чувства он заставлял меня испытывать. Страсть в его глазах. Я тряхнула головой. Как это могло произойти? Я думала, у меня счастливый брак, мечтала о куче малышей в детской, небольшом садике и безграничной любви. Ничего этого у меня не было. Я наблюдала, как парочка, сидевшая через проход слева от меня, обменялась поцелуями, и мне стало так жаль себя...

* * *

Когда я приехала на причал, то Колина на палубе его дома не увидела. Я занялась хозяйством, но в то же время иногда посматривала на его плавучий домик. Но Колин не появлялся, окна были темными. Я поставила пластинку и налила себе бокал вина. Наверное, он очень оскорбился, когда увидел, что мы с Дексом уезжаем вместе в Калифорнию. И почему он не догадался, что я понятия не имела о поездке! Уверена, он все поймет. Поздно вечером я переделалась в ночную рубашку и закуталась в длинный розовый шелковый халат, отороченный по подолу и манжетам пушистым розовым мехом.

Внезапно я услышала за дверью шаги. Это, должно быть, Колин. Он ведь наверняка увидел, что в окнах моего дома горит свет. Я бросилась к двери и распахнула ее.

– Джимми! – удивленно воскликнула я, надеясь, что мальчик не заметил разочарования на моем лице. Я плотнее завернулась в халат. – Разве тебе уже не пора спать, дорогой мой?

На нем была пижамка в сине-белую полоску. Под рукой был зажат плюшевый медведь.

– Я не могу заснуть.

– Вот как? – сказала я, вытягивая шею, чтобы проверить, не бежит ли вслед за ним Наоми. – Ну что ж, заходи, конечно. Я согрею тебе молока.

Он прошел вслед за мной и вскарабкался на высокий стул у кухонной стойки. Я нашла маленькую кастрюлю, наполнила ее молоком и включила плиту.

– А что происходит, когда мы умираем? – неожиданно спросил Джимми.

Я удивленно подняла брови.

– Это слишком сложный вопрос для меня, особенно в будний день вечером.

Он пожал плечами.

– Мама говорит, что после смерти вообще ничего не происходит. Она говорит, ты просто закрываешь глаза, и все заканчивается. Но я в этом не уверен.

Он оперся локтем о стойку и положил щеку на ладонь.

– Мне кажется, что все-таки там должно быть что-то.

Я подмигнула ему.

– Надеюсь, ты не ошибаешься.

– Значит, ты веришь, что рай существует? – спросил он.

Я кивнула.

– Конечно.

– А ты молишься Богу?

– Да, – честно призналась я. На самом деле я молилась в тот день в самолете, хотя, признаться, я не слишком часто это делаю. Просто полет на высоте десять тысяч футов над землей и острое осознание своего одиночества заставили меня почувствовать себя ближе к Богу.

– А мама с папой атеисты, – продолжил свои рассуждения Джимми. – Скажи, что это значит?

– Ну, понимаешь, – начала я, тщательно подбирая слова. Я не слишком сильна в философских беседах, поэтому и не блистала в воскресной школе. – Это означает, что они считают, что Создателя, Всевышнего не существует.

– Вот как? – произнес Джимми.

Молоко закипело. Я сняла пенку и налила немного молока в кружку Джимми.

– Осторожнее, – сказала я. – Оно еще горячее. Корицы добавить?

Он кивнул. Я улыбнулась ему и потянулась за банкой с корицей.

– Моя мама всегда посыпала корицей молоко, которое я пила перед сном.

Джимми сделал большой глоток и тоже мне улыбнулся.

– А вот я не атеист, – неожиданно произнес он.

– Правда?

Он кивнул.

– Потому что в тот день, когда мне исполнилось пять лет, я ночью молился о том, чтобы меня охранял мой собственный ангел. – Он с наслаждением отпил молоко и взглянул на меня. На верхней губе образовались белые «усы». – И Бог послал тебя на наш причал.

Я чуть не расплакалась, но продолжала молча наблюдать, как он пьет теплое молоко из кружки.

* * *

Я не видела Колина весь следующий день, вечером его тоже не было. Меня охватило беспокойство. Неужели он куда-нибудь уехал? Может быть, в то же самое утро после того, как увидел, что я отправляюсь в Калифорнию с Дексом? Я напекла целую гору кукурузных маффинов и, пока их готовила, взволнованно ходила из стороны в сторону по кухне.

Когда наступила ночь, я поставила пластинку, надела свитер и расположилась на палубе. Высоко в небе вознесся серп луны, и я подумала, сколько же людей, наверное, смотрят на нее сейчас. Именно в этот момент я услышала шаги за спиной и поспешно обернулась.

– Привет, – сказал Колин. Голос его казался робким, но в нем слышалось ожидание.

– Привет, – ответила я, вставая. – А я подумала, что ты уехал.

– Это я думал, что ты уехала, – парировал он.

– Послушай, – сказала я. Мое сердце бешено колотилось. – Я ничего не знала о поездке в Калифорнию. Это была идея Декса. Он и теперь там. Расписывает стены для голливудской актрисы.

– Вот как? – сказал Колин. Он шагнул ко мне. – Значит, ты здесь одна?

– Да, – сказала я. Из комнаты на палубу доносилась музыка.

– Потанцуешь со мной?

Он подошел ко мне, обвил мою талию руками... Это было самое подходящее место для них, так мне показалось. И мир наполнила гармония.

Глава 20

Ада

Раздался телефонный звонок. Я открыла глаза.

– Алло?

– Ада, это Джоани. У меня есть кое-какие новости.

Я в полусне потеряла глаза, чтобы мир обрел более четкие очертания.

– Извини, – сказала я. – Я, должно быть, задремала.

Какое-то время я ничего не могла понять. О чем это она говорит? А потом вспомнила, что перед тем, как заснуть, читала статью об исчезновении Пенни Уэнтуорт.

– Итак, Пенни Уэнтуорт, – начала она. – Она исчезла из своего плавучего домика на озере Юнион 29 июля 1959 года.

Я села на кровати и потянулась.

– Знаю, – сказала я. – Я нашла эту дату в Интернете.

– Кажется, сначала подозрение пало на ее мужа Декстера, – добавила Джоани. – Полиция допросила его. Я нашла протоколы допроса. Насколько я могу судить, это несчастье совершенно раздавило его. Он перестал писать картины. Уехал с озера. В конце концов, дело было закрыто, поскольку решили, что Пенни просто утонула в озере. Но тело так никогда и не было обнаружено.

– Продюсер сериала «Неразгаданные тайны»^[14] интересовался этим делом и собирал о нем информацию, – продолжала она. – Я нашла запрос в файле с материалами по этому делу. Поэтому я решила связаться с сотрудниками программы, так как там работает один мой знакомый. Интересен тот факт, что родственник Пенни Уэнтуорт наотрез отказался давать интервью или тем или иным образом сотрудничать с журналистами.

– Ты имеешь в виду мужа?

– Да, Декстера Уэнтуорта.

– Значит, он либо слишком нелюдимый, либо...

– Виновен в этом преступлении, – закончила она за меня. – Но муж был не единственным подозреваемым. Там еще фигурировал один парень по имени Колин Макклири. В досье говорится, что его хотели вызвать на допрос, но так и не сумели найти.

От удивления я широко раскрыла глаза. Джим ведь упоминал кого-то по имени Колин. Кто же он такой?

– Джоани, а что, если она вовсе и не погибла? Что, если ее похитили или она просто сбежала?

– Полагаю, такие возможности исключать нельзя, – сказала она. – У нее ведь не было детей, не так ли?

– Думаю, что нет.

– Значит, у нее не было никого, кто мог бы сдерживать ее, если бы она захотела уехать. Непонятно, что произошло на самом деле, но я достаточно давно работаю в Полицейском управлении, чтобы понять, что во всей этой истории что-то не так.

Я вынуждена была с ней согласиться.

– Ты наверняка права. Будем надеяться, что она жива и здорова. – Я немного помолчала. – А тебе не удалось найти адрес этого Колина?

Я слышала, как Джоани стучит пальцами по клавиатуре, потом она ответила.

– Вот, похоже, это его адрес. Он раньше обитал в доме номер девять на Фэрвью-авеню в Сиэтле. Ты, случайно, не знаешь, где это?

Мое сердце бешено заколотилось.

– Конечно, знаю, – сказала я, обращая свой взгляд на плавучий домик, где жил Алекс. – Я сейчас смотрю прямо на него.

* * *

Перед обедом я выбралась на палубу и увидела впереди Джима. Он держал в руках шланг и поливал причал, смывая грязь. Я помахала ему рукой.

– Городские жители страдают от голубей, – произнес он. – А у обитателей плавучих домиков есть свои злоумышленники. – Он опустился на корточки, чтобы перекрыть кран.

Я улыбнулась.

– Что ж, – сказал он, глядя на ослепительно-синее небо. – Отличный день. Я собираюсь покататься на лодке. Не хотите присоединиться?

Я всегда восхищалась «Каталиной».

– Это было бы замечательно, – с готовностью произнесла я.

Он бросил мне спасательный жилет и направился к концу причала. Старая яхточка была изрядно потрепана, но вполне ухожена и выглядела просто по-королевски, словно семидесятипятилетняя женщина, чья красота по-прежнему сияет сквозь приобретенные с годами морщинки. Джим забрался туда, и я последовала его примеру, усевшись на сиденье с мягкой

обивкой на носу. Я с интересом наблюдала, как он отвязывает канаты и заводит двигатель.

– Сначала мы на двигателе выплывем на середину озера, а потом поднимем паруса, – пояснил он.

Яхта начала набирать скорость. Какая же здесь, на водных просторах, свобода! И тревоги забываются. Интересно, чувствовала ли это Пенни, когда жила здесь?

– Джим, – осторожно сказала я, – можно вам задать один вопрос?

– Давайте.

– Кто это, Колин? Помните, вы как-то о нем упоминали?

Он вскинул голову, словно вопрос застал его врасплох, затем выключил мотор, и теперь мы слышали лишь плеск озерных волн о бортах яхты.

– Конечно, я был с ним знаком, – после долгого раздумья произнес он.

По всей видимости, я затронула весьма щекотливую тему. Он был более чем сдержан, когда не так давно я спросила его о Пенни. Но почему он так скрытен?

– Понимаете, дело в том, что я провела небольшое расследование и выяснила, что после исчезновения Пенни Уэнтуорт было двое подозреваемых – ее муж Декстер и мужчина по имени Колин.

Казалось, Джим был полностью погружен в себя. Его глаза были обращены в сторону горизонта.

– Пенни любила его, – произнес он. – Даже будучи ребенком, я это понимал. Это всегда заметно, особенно когда люди смотрят друг на друга. – Он тряхнул головой. – Но все это случилось не вовремя.

– Вы имеете в виду Колина?

Он посмотрел в сторону.

– Она была замужем, когда встретила его, не так ли?

– Да, – сказал он, поднимаясь, чтобы поправить паруса. Я опустила голову, чтобы не мешать ему.

– Они собирались уплыть вместе в ту ночь – в ту самую ночь...

– В ночь ее исчезновения?

– Да, – сказал он, с тоской глядя вдаль, словно всей душой рвался провести суденышко через шлюзы и дальше, в открытое море.

– Но Пенни так и не удалось уехать с ним тогда...

– А вы его потом видели?

– Он долго здесь не появлялся, – ответил Джим. – Прошло много лет, прежде чем я снова увидел его на Лодочной улице, и едва узнал. Это была лишь тень того человека, которым он был когда-то. Впалые щеки.

Выцветшие глаза. Потухший взгляд. Он не рассказывал, что ему пришлось пережить, но я был уверен, что он прошел через серьезные испытания. В тот день он пришвартовал «Каталину» на краю причала и опустился на колени у того места, где я сидел. «Могу я попросить тебя об одолжении, сынок?» – спросил он. Конечно же, я был рад помочь ему. Я ведь наблюдал, как Колин строил яхту, сидел часами и смотрел. Он часто позволял мне шлифовать доски, и я брал в руки тряпку и натирал дерево тиковым маслом до блеска. «Мне бы хотелось, чтобы ты присмотрел за «Каталиной», – однажды попросил он меня. – Проследи, чтобы с ней все было в порядке». Как я тогда был счастлив! Первый раз взрослый человек доверил мне такое ответственное дело! Я даже не сразу поверил, что такое возможно. Родители даже хомяка бы не отдали на мое попечение, а тут речь шла о настоящем судне.

«А когда ты за ней вернешься?» – спросил я. Он вздрогнул, как будто этот вопрос затронул какие-то глубинные струны его души. Я понял, что в тот момент он подумал о Пенни, как, впрочем, и я сам. После ее исчезновения прошло уже много лет. Я смутно помню ту роковую ночь. В какой-то момент мы оба смотрели в озерную даль в надежде, что однажды она приплывет на этой яхте под полными парусами, и глаза ее будут сиять, и она скажет, что сожалеет о том, что так долго отсутствовала.

«Нет», – твердо сказал тогда Колин. Его тон не оставлял никаких сомнений, и это вызвало у меня смятение. Конечно же, он должен был бы вернуться за «Каталиной», которая была его гордостью и радостью. Я не понимал, почему он отказывается от яхты. У Колина была морская душа. Он был просто создан для жизни на воде. Я как-то услышал случайную реплику матери о том, что он выглядит довольно беспомощным на суше и кажется почти морским божеством, когда управляет яхтой. Я был уверен, что отказаться от «Каталины» означало для него почти то же самое, что отрубить правую руку или лишиться органов чувств. Без яхты, без морской стихии его жизнь станет неполной. И в то же время, вглядываясь в тот день в его лицо, я осознавал, что все уговоры были бы бесполезны. Он уже принял решение – окончательно и бесповоротно. Он оставлял «Каталину» на мое попечение и покидал Лодочную улицу, возможно, навсегда.

«Просто пообещай мне кое-что, Джимми, – произнес он. В его голосе звучали грусть и сожаление. – Ты можешь плавать на ней куда угодно. Можешь совершить кругосветное путешествие, если хочешь, но, пожалуйста, всегда возвращай ее на Лодочную улицу. Ее место здесь».

Потом он бросил последний взгляд на яхту, на бывший дом Пенни и Декстера, похлопал меня по плечу и повернулся к причалу. Я смотрел, как

он поднимается к улице за набережной, пока он не исчез из виду. Больше я Колина не видел.

– Надо же, – сказала я. – И вы с тех самых пор следите за «Каталиной»?

Джим кивнул.

– Да. Я плавал на ней в Мексику и обратно, провел много времени на островах Сан-Хуан, но, как и просил Колин, всегда возвращался на ней сюда, домой.

– Как вы думаете, почему он так настаивал, чтобы вы всегда приводили ее на Лодочную улицу?

Джим взял в руку веревку, привязанную к мачте, и натянул ее посильнее.

– Думаю, это из-за Пенни. Мне кажется, что он все-таки надеялся, что в один прекрасный день она вернется сюда. Бедняга.

Я прижала руку к груди, всем сердцем сочувствуя Колину.

– Как это романтично... Он, должно быть, очень сильно ее любил.

– Это верно, – сказал Джим. – Мы все ее любили.

– Вы сказали, что больше никогда о нем не слышали, – продолжала я. – Может быть, вам все же известно, как он провел остаток жизни? Полагаю, он...

Джим покачал головой.

– Ничего об этом не знаю. Да и не хочу знать. Я видел, как он уходил с причала в тот день. Он был совершенно раздавлен. Наверное, он больше постарел за те годы, что провел вдали от Лодочной улицы, чем за всю прежнюю жизнь. Не знаю, хватило ли у него сил жить после всего, что случилось. Но мне хотелось бы думать, что он нашел свой путь в жизни.

Он провел рукой по краю паруса «Каталины», и я живо представила Колина, который показывает маленькому Джиму, как управлять яхтой. Так отец, наверное, мог бы учить сына. Я вспомнила Джина с его слабоумием и подумала, что вряд ли его отношения с Джимом были такими же...

Нужно поискать дополнительную информацию о Колине. Мне необходимо узнать, что с ним случилось и жив ли он. А потом мои мысли снова вернулись к Пенни. Обитатели Лодочной улицы наверняка знают, что случилось с Пенни в ночь ее исчезновения, но мне так и не удалось их разговорить. Но сейчас Джим вдруг разоткровенничался и, может быть, расскажет мне больше о той роковой ночи.

– А как вы думаете, Джим, что же все-таки случилось с Пенни?

– Послушайте, – быстро сказал он. – Я в то время был еще ребенком.

Я взглянула на него.

– Конечно, простите меня, я всего лишь...

– Что бы с ней ни случилось, Колин не имеет к этому ни малейшего отношения.

Я подумала о любви Колина к Пенни, о глубокой печали, которую увидел в нем Джим. Они оба испытывали тягу к морю и, вероятно, имели много общего. Но ведь Пенни была замужем за другим человеком. Может, Колин в один прекрасный момент сорвался? Может, он убил ее в приступе ревности?

– Вы уверены в этом?

На какое-то мгновение на его лице появилось выражение крайней усталости, как будто он, как, видимо, и другие обитатели причала, в течение многих лет нес невыносимую ношу. Он вздохнул.

– Для Колина смысл жизни заключался в Пенни. Ради нее он мог рискнуть всем. Так бывает, когда вы сильно кого-то любите.

Его слова разрывали мое сердце, потому что мне было слишком хорошо знакомо это чувство.

Девять лет назад

Джеймс прижимает ухо к моему голому животу, как будто слушает, что Элла говорит ему. Я всего на двадцать второй неделе беременности, но ультразвуковое исследование показало, что я жду девочку, и мы уже выбрали для нее имя.

Я лежу на кушетке в кабинете УЗИ. Мой живот намазан изрядным слоем геля, подо мной хрустит бумажная подстилка. Осмотр уже закончен, но специалист посоветовал нам немного подождать. Заметно, что она нервничает. Она сказала, что хочет посоветоваться с врачом по поводу результатов. Мы не понимаем, чем она встревожена, но Джеймс сохраняет спокойствие, и я, глядя на него, тоже беру себя в руки.

– Может быть, их поразил размер ее мозга, – говорит он. – Будет такая же умная, как папа.

Я легонько толкаю его в бок, и тут дверь открывается и входит мужчина средних лет.

– Здравствуйте, мистер и миссис Санторини, – говорит он. – Я доктор Хэнсли. Мне бы хотелось повнимательнее осмотреть пациентку, если не возражаете.

Лаборантка стоит за его спиной. Она выглядит сосредоточенной и обеспокоенной. Мое сердце начинает бешено колотиться. Я

поворачиваюсь к Джеймсу, он сжимает мою руку.

Доктор наносит еще одну порцию геля на мой живот и плотно прижимает датчик к коже. Через секунду я снова вижу Эллу. Она дергает крошечными ножками.

– Вот она, наша девочка, – с гордостью произносит Джеймс. – Такая же энергичная, как мама.

Кажется, доктор не слышит его восторгов. Он сосредоточенно рассматривает изображение на мониторе и снова двигает прибор на моем животе, пытаюсь внимательнее рассмотреть что-то на экране.

– Что там? – не выдержав, спрашиваю я, понимая, что что-то не так.

Он увеличивает изображение на экране, а потом останавливает его. Я смотрю на пятно, на которое он указывает, и мне хочется, чтобы он снова привел изображение в движение, чтобы Элла снова начала сучить хорошенькими маленькими ножками. Хочется вернуться в тот момент, когда казалось, что все хорошо.

– Что-то не так? – снова спрашиваю я. – С моим ребенком все в порядке?

Он откладывает прибор и стягивает перчатки.

– Миссис Санторини, – наконец произносит он. – С ребенком все просто замечательно.

Я выдыхаю от облегчения.

– Видите ли, я беспокоюсь о вас.

– Что? Но почему?

– Дело в том, что в левом яичнике образовалась крупная опухоль.

– Опухоль? – переспрашивает Джеймс, мотая головой, словно стараясь отогнать неприятные мысли.

Доктор снимает очки, протирает лоб, затем снова надевает их.

– Не буду вводить вас в заблуждение. Похоже, у вас рак.

Я вскакиваю, задыхаясь.

– Ничего не понимаю. Какой рак? Я превосходно себя чувствую...

– Когда рак яичников обнаруживается во время беременности, приходится действовать очень быстро, – продолжает доктор. – Гормоны, выделяющиеся при беременности, могут привести к ускоренному росту опухоли.

Он смотрит на Джеймса, затем переводит взгляд на меня.

– Нужно провести биопсию и сделать дополнительные анализы. – Он кашляет, чтобы прочистить горло. – У нас еще есть время, чтобы обсудить вашу проблему с онкологом, но все же мне не хотелось бы вас

обманывать. Еще не поздно прервать беременность.

– Прервать беременность? Вы имеете в виду... – Я внезапно теряю дар речи. Минуту назад я наблюдала, как моя малышка дергает ножками на экране, а теперь мы обсуждаем возможность прерывания беременности. Говорим о том, чтобы лишить ее жизни.

– Нет, – решительно говорю я. – Нет, я не согласна.

Я хватаю салфетки и начинаю стирать липкую массу с живота, потом натягиваю свитер на живот.

– Ада, – говорит Джеймс. Он протягивает ко мне руки, но я их отталкиваю.

– Миссис Санторини, – продолжает доктор, – вы подвергнете вашу жизнь опасности, если откажетесь прерывать беременность...

– Я отказываюсь это обсуждать, – говорю я, поднимаясь. – Джеймс, пойдём.

* * *

– С вами все в порядке? – спросил Джим.

Я отбросила воспоминания и повернулась, чтобы посмотреть на него.

– Нет, – сказала я. – Но я стараюсь, чтобы это было так.

Он не стал ни о чем меня расспрашивать, а просто управлял яхтой, скользящей по глади озера.

– Вы знаете, я тоже стараюсь...

Глава 21

Пенни

Спустя две недели после моего возвращения в Сиэтл пришла открытка с изображением пальмы. «Прекрасно провожу время. Жаль, что тебя здесь нет. Лана передает тебе наилучшие пожелания. Люблю тебя, Декс». Я без раздумий выбросила ее в мусорную корзину. Ведь на самом деле ему вовсе не хотелось, чтобы я оставалась с ним. Если бы это было так, он попросил бы меня не уезжать. Но нет, он всегда воспринимал меня как досадную помеху, отвлекающую его от драгоценной работы, от творчества. Зачем ему вообще этот брак?

Я размешивала в миске тесто и наблюдала, как комки муки, яиц и масла постепенно превращаются в идеально-однородную кремовую массу. Увы, если бы со всеми проблемами можно было справиться так же просто.

Потом я выжала в эту смесь лимон, жадно вдыхая терпкий запах цедры, и снова размешала. В этот момент я старалась не думать о Дексе. Не стоило раздумывать над тем, что ждет меня впереди, будущее меня пугало. Все, о чем я могла думать, – это настоящее. Сегодня Колин пригласил меня на прогулку в город.

Час спустя раздался сигнал таймера духовки. Я схватила прихватки и вытащила противень с лимонными палочками. Колин как-то упомянул, что его мать обычно пекла их для него, и я решила удивить его. После того как они слегка остыли, я нарезала их на квадратики и уложила на белое блюдо, которое сестра Декса подарила нам в качестве свадебного подарка. Я отошла в сторону и посмотрела, как красиво они лежали на белом блюде, но потом покачала головой и переместила свое творение на бумажную тарелку, которую нашла в кабинете.

Колин заглянул в заднюю дверь через полчаса. В руках он держал корзинку для пикника.

– Я подумал, что мы могли бы пообедать в парке, а потом прогуляться в центре, чтобы посмотреть, как готовятся к Всемирной выставке.

Если Международный комитет утвердит заявку, то в 1962 году в городе откроется Всемирная выставка. Колин как-то сказал, что хотел бы пригласить меня покататься на колесе обозрения. Я еще никогда не посещала парк аттракционов и восприняла эту идею с воодушевлением. Кроме того, сама дата – этого события оставалось ждать еще три года –

вдохновляла, заставляла думать о нашем совместном будущем, что было еще важнее. Колин уедет в конце лета, когда яхта будет готова. Но он обязательно вернется. Колин никогда не оставит меня, я это знала, и эта уверенность помогала мне унять свои страхи. Почему-то я чувствовала себя в безопасности.

Мы поймали такси на Фэрвью-авеню и уселись на заднем сиденье.

– Надеюсь, он навсегда останется в Калифорнии, – прошептал он мне на ухо.

Моя шея покрылась мурашками. Иногда мне отчаянно хотелось, чтобы Декс там задержался. Но это была слишком щекотливая тема, я не знала, как реагировать, поэтому предпочла промолчать. Я просто улыбнулась, и, когда он поцеловал меня в шею еще раз, я закрыла глаза и позволила себе забыть, наслаждаясь блаженством. Сердце было переполнено счастьем, я чувствовала себя любимой.

Я выпрямилась на сиденье, когда заметила, что в окно машины, когда мы остановились на светофоре, на меня в упор смотрит пожилая женщина. На ней было темное платье и шляпка-таблетка серого цвета с короткой сетчатой вуалью. Взгляд ее выражал крайнее неодобрение, и я на мгновение запаниковала, опасаясь, что встречала ее раньше. Неужели это одна из знакомых Декса? Может быть, даже покровительница? Присмотревшись, я так и не узнала ее, но беспокойство меня не оставляло.

– Что случилось? – прошептал Колин. Он обладал потрясающей способностью чувствовать любое изменение моего настроения.

Я сжала руки на коленях.

– Ничего, – ответила я с натянутой улыбкой. Взгляд той женщины не давал мне покоя, словно колючка, попавшая в чулок.

Мы вышли на Мерсер-стрит, и я с облегчением вздохнула. Погода стояла восхитительная – не более 20 градусов, но мой лоб покрылся капельками пота. Колин схватил мою руку и поднес к губам.

– Меня просто укачало, – солгала я. Я решила не позволять своей паранойе омрачать столь прекрасный день. – В машинах меня всегда начинает подташнивать.

Он поднял корзинку.

– Давай найдем какую-нибудь зеленую лужайку и перекусим.

Я кивнула в знак согласия, и мы пошли по асфальтированной дорожке вдоль участка, где строились сооружения Всемирной выставки. Мы шли мимо ярких вывесок и щитов с лозунгами, обещавшими, что это будет «величайшая выставка в мире». На одном из них были изображены улыбающиеся дети со сладкой ватой и огромными леденцами в руках,

которых держали за руку счастливые родители. Вокруг возвышались сооружения в стиле космического века, чуть дальше красовалось колесо обозрения с красными кабинками. В центре стояла невероятных размеров башня, напомнившая мне Эйфелеву башню во Франции, которую я видела на фотографиях, которые Декс сделал во время своей поездки в Париж еще до нашей свадьбы.

– Что это такое? – спросила я, указывая на странное сооружение.

– Это Игла, – с готовностью пояснил Колин. – То есть Космическая игла.

Он потянул меня в сторону, чтобы мы могли получше ее рассмотреть.

– Видишь, вон там? – сказал он, указывая на основание башни. – Оттуда на лифте можно будет подняться на ее вершину и даже пообедать в ресторанчике.

У меня перехватило дыхание.

– Это все равно, что пообедать на Луне.

Колин усмехнулся.

– Полагаю, что-то вроде этого, – согласился он, отшвыривая ногой камешек, а потом снова перевел оживленный взгляд на меня. – Я тебя туда обязательно приглашу.

Я обняла его за талию.

– Пойду с удовольствием.

– Обещаешь?

Я кивнула, а потом разложила подстилку для пикника на зеленой лужайке, раскинувшейся позади нас. Открыв корзинку, я достала приготовленные Колином сэндвичи с ветчиной, завернутые в вощеную бумагу. Перед отъездом я успела положить туда нарезанные яблоки и лимонные палочки.

– О! Потрясающе вкусно! – заявил Колин, откусывая лимонное печенье после того, как справился с сэндвичем.

– Спасибо, – поблагодарила я, любуясь стайкой чаек, клюющих хлебные крошки, которые я им бросила.

На лужайке, кроме нас, никого не было, но потом вдруг, откуда ни возьмись, перед нами вырос молодой человек в форме, кажется, синего цвета.

– Лири? – радостно спросил он. Он явно пребывал в крайней степени удивления. – Это и в самом деле ты?

Колин замер.

– Вы, должно быть, меня с кем-то спутали, – ответил он, стараясь сохранять спокойствие.

– Лири... Я имею в виду... – сказал парень, трясая головой. – Извините, просто вы очень похожи на парня, с которым я познакомился в Корее.

– Боюсь, я не тот человек, которого вы имеете в виду, – сказал Колин.

Мужчина продолжал смотреть на него, словно не веря своим глазам, но в конце концов кивнул, отдал ему честь и отошел от нас.

– Как странно, – сказала я через пару минут.

Колин улыбнулся мне, но он явно был встревожен.

– Такое часто случается, – сказал он, когда снова обрел уверенность. – Наверное, мое лицо напомнило ему кого-нибудь.

– У тебя красивое лицо, – сказала я с улыбкой.

– Посмотри-ка, – обратил мое внимание Колин, указывая на людей, столпившихся у двух длинных столов неподалеку от дорожки.

– Интересно, что там происходит?

– Пойдем посмотрим, – предложил он.

Мы сунули остатки обеда в корзину, стряхнули крошки с подстилки и направились узнать, что там за сборище.

– Хочу покрасить мою плитку розовой краской, мама! – пищала маленькая девочка.

– Понятно, – сказал Колин. – Я читал об этом мероприятии. Жителей Сиэтла пригласили раскрашивать плитку, которой будет вымощен вход на Всемирную выставку.

Я рассматривала белые плитки, сложенные в стопки высотой в фут. У стола стояла женщина в темных очках в роговой оправе, которая раздавала плитки всем желающим.

– Возьмите плитку здесь, – сказала она, – и идите к правому столу, где вы сможете ее раскрасить.

– Хочешь поучаствовать? – спросил Колин.

Я вспомнила, как однажды позаимствовала один из холстов Декса, краски и решила удивить его, написав картину. Я попыталась изобразить вид на озеро в утренние часы, когда оно гладкое, как зеркало, и туман поднимается с его поверхности, словно дым. Пейзаж ему страшно не понравился. Он заявил, что композиция выстроена неправильно и я только зря испортила прекрасный холст.

Я вздохнула от смущения при виде такого количества людей, поглощенных творчеством.

– Может быть, ты покрасишь за нас обоих? – сказала я.

– Ну, хорошо, – ответил Колин, принимая плитку из рук руководительницы. Я наблюдала, как он расположил ее на ближнем столе и потянулся за кисточкой. Он выбрал красную краску и выдавил немного на

палитру рядом с собой.

– Что ты хочешь нарисовать? – спросила я.

Он улыбнулся.

– Увидишь.

Я наблюдала, как он окунает кисточку в красную краску. Когда Декс писал свои картины, я и то не проявляла такого нетерпения. Кроме того, он обычно и не позволял мне присутствовать во время творческого процесса.

На маленьком квадрате плитки Колин изобразил простенькое сердечко, и я невольно улыбнулась. Потом выбрал кисточку поменьше и начал что-то писать. Слова словно сами рождались под его кисточкой: «Люблю тебя навеки».

Я прижала руку к сердцу.

– Как это прекрасно...

– Думаю, через много лет мы сюда вернемся, – сказал он, смущенно глядя на меня, – увидим нашу плитку и вспомним, какие чувства мы испытывали сегодня.

Я по-прежнему улыбалась, пока он покрывал края плитки красной краской, а потом передал ее мужчине в фартуке.

– Благодарю вас, – сказал тот. – Мы ее покроем лаком и используем при строительстве дорожки у входа на Всемирную выставку.

Мы вернулись в парк в полном молчании. Меня охватило смятение, сердце переполняли противоречивые чувства. Навеки. Он написал именно это слово. Я раньше и не осмеливалась заглядывать так далеко в будущее, а теперь, когда я это сделала, оно казалось мне прекрасным и в то же время пугающим. Но в глубине души настойчиво звучал голос: *«Ты принадлежишь другому. Это неправильно. Ты разрушаешь свой мир. Так не может больше продолжаться»*.

Внезапно Колин остановился и повернулся ко мне. Лицо его было напряженным, даже отчаянным, как будто бы он испытывал какие-то сильнейшие чувства.

– Давай убежим вместе, – произнес он.

– Но я...

– Не думай о нем, – сказал он. – Он тебе совершенно не подходит. Он недостоин тебя.

– Но, Колин...

– Я сделаю тебя счастливой. Я буду любить тебя каждый день, каждую ночь. Я покажу тебе мир. Представь – мы вдвоем, странствуем из одного порта в другой. Я подарю тебе жизнь, о которой ты всегда мечтала.

Мир словно закружился вокруг нас, меня качнуло, но твердая рука

Колина была словно якорь, не позволяющий мне уплыть, гарантирующий чувство безопасности.

– Но я же замужем, – наконец выдавила я.

– Какое это имеет значение? – возразил Колин. – Ты с ним разведешься.

Развод. Я даже не рассматривала такую возможность. Мать воспитала меня женщиной, которая и не помышляет о разводе. Она никогда не сможет простить меня. И смогу ли я сама простить себя?

Я закрыла глаза.

– Не знаю... А как же?..

Ну почему в тот день у Академии мисс Хиггинс я встретила не с Колином, а с Дексом? Почему не Колин остановился в такси у обочины во время дождя?

– Пенни, он же сейчас с другой женщиной, – сказал Колин. Это была сущая правда, но слова его прозвучали резко и даже грубо. – Разве ты не понимаешь?

Глаза его горели решимостью. Он решительно смотрел на меня.

– Разве ты не видишь, что достойна гораздо большего?

На глаза у меня навернулись слезы, и Колин бросился вытирать их своим платком. Я так ждала, чтобы он произнес все эти слова, сказал, как он меня любит, да ведь и я любила его, но теперь, когда это свершилось, я просто не знала, что делать и как себя вести. Ситуация требовала, чтобы я ответила на его предложение, но я будто застыла.

– Я подожду, пока ты примешь решение, – сказал Колин. – Знаю, что тебе надо многое обдумать, – вздохнул он. – Но обещай, что его примешь.

– Конечно, приму, – тихо произнесла я. По щеке вдруг покатила капля, и я сначала подумала, что это слеза, но потом заметила заволакивающие небо серые облака.

Вдалеке послышался звон трамвая.

– Если мы поторопимся, то успеем сесть на трамвай до дома, – сказал Колин.

Я не захватила зонтик или шарф, чтобы покрыть голову.

– Пойдем скорее, – сказала я, беря его за руку.

На обратном пути мы не произнесли ни слова. Я просто смотрела в окно, прислушиваясь к звонкам трамвая. Сердце Колина было у меня в руках, но за него предстояло заплатить очень высокую цену.

Когда мы шли по причалу к дому, Джин сидел на палубе и курил сигарету. Он посмотрел на нас, когда мы проследовали мимо, потом потушил окурок ногой и отбросил его в озеро.

– Колин, – позвал он, – минуту назад тебя тут искали два человека в костюмах.

Глаза Колина расширились от волнения, а Джин удивленно уставился на него.

– Ты кого-нибудь ждал в гости? – спросил он.

– Да нет, – смущенно ответил Колин. – Пойду посмотрю.

Он бросил взгляд на улицу, уходящую вдаль с набережной, словно прикидывая, не побежать ли снова к трамваю. Мое сердце сжалось. Я хотела положить руку на плечо Колина и спросить, что его беспокоит, но Джин внимательно наблюдал за нами.

– Понимаете, – произнесла я. – Колин просто провожает меня домой.

Джин понимающе кивнул, и мы направились к моему домику. Когда мы зашли на палубу, я бросила взгляд в сторону дома Колина. Там никого не было.

– О чем это Джин говорил? – спросила я. – Кто бы мог тебя искать?

Колин тряхнул головой.

– Не стоит беспокоиться, – сказал он, легонько прикасаясь губами к моему лбу. – Ничего особенного не происходит.

Но по выражению его глаз я поняла, что это неправда. Я чувствовала, что зловещая черная тень опускается на Лодочную улицу, и мои руки дрожали, когда я пыталась вставить ключ в дверь.

Глава 22

Ада

На следующий день я решила снова изучить содержимое сундука. Вполне вероятно, что я упустила какой-нибудь ключ к разгадке истории Пенни. Я подняла крышку, еще раз внимательно все просмотрела и обнаружила маленький карманчик на обитой бархатом стенке, который не заметила прежде. Я сунула руку внутрь и вытащила черно-белую фотографию, на которой была изображена красивая светловолосая женщина. Она выглядела как голливудская актриса, а затем я поняла, что это так и есть. В правом углу была подпись и автограф – Лана Тёрнер.

Все это очень странно. Могла ли у Уэнтуортов быть какая-то связь с Ланой Тёрнер? Я открыла ноутбук, набрала в поисковой строке Гугла «Уэнтуорт» и «Лана Тёрнер» и была потрясена найденными результатами. На экране всплыла отсканированная статья из «Голливуд репортер» от 1959 года под названием «Художник из Сиэтла сделал потрясающую роспись на стенах дома Ланы Тёрнер». Прищурившись, я принялась рассматривать расплывчатое изображение на фотографии и обнаружила там актрису в светлом платье, больше похожем на ночную сорочку. Она обнимала за талию Декстера Уэнтуорта.

Бедняжка Пенни. Наверное, ей было здесь так одиноко и грустно, ведь она наверняка понимала, что у мужа роман с другой женщиной. Я вспомнила черно-белый фильм с участием Ланы Тёрнер, который смотрела в ожидании появления на свет Эллы, лежа дома в кровати. Как-то Джеймс после работы притащил домой целую кучу старых фильмов и еду из китайского ресторана. Я уже четыре месяца соблюдала постельный режим, и оставалось лишь несколько дней до запланированного кесарева сечения. Подумать только, ведь врачи настаивали на прерывании беременности! Моя опухоль стабилизировалась, и ее предполагалось удалить сразу после рождения Эллы. Я снова посмотрела на фотографию гламурной актрисы с автографом и подумала, что, наверное, легче бороться с раком, чем с голливудской звездой. Может быть, в этом кроется тайна исчезновения Пенни?

Послышался стук в заднюю дверь, я подняла голову. На пороге стоял Алекс, и я улыбнулась, тут же пожалев, что поленилась принять душ после

прогулки по озеру.

– Привет, – сказала я, выходя ему навстречу.

– Привет, – ответил Алекс. – Надеюсь, я не помешал?

– Нет-нет, – ответила я. – Я просто просматривала старые вещи из сундука Пенни. – Я подняла руку с фотографией. – Думаю, у ее мужа был роман с Ланой Тёрнер.

– С Ланой Тёрнер? – переспросил он, опускаясь на колени рядом со мной. – Почему тогда не с Мэрилин?

Я пожала плечами.

– Кто знает? Этот тип, похоже, был настоящий плейбой.

Он сел на пол рядом со мной и принялся изучать содержимое сундука. Поднял кусок бумаги, на который я до сих пор не обратила внимания.

– Смотри, – сказал он. – Похоже, это объявление о Всемирной выставке 1962 года, которое рассылалось жителям Сиэтла.

Я изучила рекламный листок, на котором было изображено самое знаменитое сооружение города – Космическая игла. «Творите историю с нами – мэр Сиэтла приглашает всех на церемонию разрезания красной ленточки, знаменующую начало подготовки ко Всемирной выставке в нашем городе».

– Хотела бы я знать, удалось ли ей посетить это мероприятие? – произнесла я. – Иначе почему вдруг она положила рекламу в сундук?

– Вполне вероятно, – ответил Алекс, опираясь спиной на диванчик. – А тебе когда-нибудь приходилось подниматься на Космическую иглу?

Я покачала головой.

– Тогда я приглашаю тебя туда.

Я улыбнулась.

– Правда?

– Сегодня же вечером, – сказал он. – После обеда я поеду на съемки, но смогу вернуться к шести, чтобы забрать тебя.

– Это свидание? – спросила я с улыбкой. Он уже выходил из двери, а слово «свидание» все еще звенело в моих ушах. Надо же, настоящее свидание.

* * *

Я вышла на причал в туфельках на высоких каблуках и черной юбке. Вечер был теплым, поэтому я выбрала блузку без рукавов, которую заставила меня купить Джоани в универмаге «Мэйсиз» прошлой весной. Я

вспомнила, как она облокотилась на дверь примерочной кабинки и с гордостью разглядывала меня, словно старшая сестра.

– Ты обязательно должна ее купить, – сказала она. – Она смотрится на тебе потрясающе.

– Правда? – пробурчала я. – Никогда не буду носить ничего подобного. – Кофточка была из блестящего шелка и облегла меня, как вторая кожа. Сложно представить, что я буду носить ее на работу. Конечно, я могла бы пойти в ней вечером с Джеймсом, допустим, в ресторан. В отличие от мужей моих знакомых, мой супруг всегда обращал внимание, когда я красиво одевалась, и мне нравилось, что он неравнодушен к моей внешности.

Джоани словно прочитала мои мысли.

– Купи ее просто для собственного удовольствия, – сказала она. Я безропотно отнесла кофточку на кассу и оплатила покупку кредитной картой, хотя и не видела смысла в этом приобретении. Она висела в моей кладовке с неснятым ярлыком до тех пор, пока я не начала собирать вещи для поездки в Сиэтл. Я бросила ее в чемодан в последнюю минуту и быстро застегнула его, чтобы не передумать.

Я нервно одернула блузку, когда увидела Алекса. Он широко раскрыл глаза от изумления.

– Ты изумительно выглядишь, – произнес он, и ко мне тотчас же вернулась уверенность.

Он взял меня за руку, и мы пошли вдоль причала. Я боялась, что высокие каблуки попадут в щели между досками, и была благодарна, что он помог мне удержать равновесие, когда одна из острых, как кинжал, шпилек все же застряла там. Мы весело смеялись, когда проходили мимо плавучего домика Джима, и вдруг заметили, как Наоми поливает цветы, растущие в горшках на палубе.

– Вы только посмотрите на них, – воскликнула она. – Вы что, отправляетесь поужинать?

Алекс с улыбкой взглянул на меня.

– Да вот, пригласил соседку посмотреть Космическую иглу.

Она смотрела на нас, и в глазах ее была заметна ностальгия, словно ей снова хотелось стать тридцатипятилетней женщиной, идущей под руку с красивым мужчиной, таким как Алекс, который в тот вечер выглядел просто отлично в пиджаке спортивного покроя и стильной белой рубашке.

Мы помахали ей рукой и прошли до конца причала, когда вдруг я заметила огни в окнах плавучего домика, где еще вчера почтовый ящик был переполнен корреспонденцией. Я подумала, уж не вернулась ли

таинственная Эстер Джонсон?

Когда мы поднялись на улицу над набережной, Алекс указал на серый автомобиль, дважды мигнувший фарами, когда он нажал кнопку на своем брелке.

– Должен признаться, от этой женщины у меня всегда мурашки по коже бегут, – сказал он, распахивая передо мной дверцу автомобиля.

– Ты имеешь в виду Наоми, мать Джима?

– Разумеется, – сказал он, обходя автомобиль. Алекс открыл дверь, уселся на водительское место и завел мотор. Из динамиков полилась композиция «Уплыви со мной»^[15] Дэвида Грэя. Я слушала ее и думала, а не хотела ли Пенни вот так же уплыть в неведомые дали? Возможно, ей хотелось покончить с прошлым, оставить своего неверного мужа и неприятных соседей по причалу и навсегда покинуть Лодочную улицу...

На мгновение я вспомнила доктора Эвинсона, который предупреждал, что невозможно убежать от себя. А я не могла понять, что плохого, если ты убегаешь, чтобы найти лучшую жизнь, в какое-то место в мире, где тебе не так больно.

– Прости, – сказал Алекс. – Музыка, наверное, слишком громкая.

– Не убавляй звук, – сказала я. – Мне нравится эта песня.

– Мне тоже, – сказал он. – Несколько лет назад, когда мои дела шли из рук вон плохо, я часто подумывал о том, чтобы купить яхту и отправится отсюда куда глаза глядят.

– И почему же ты этого не сделал? – поинтересовалась я.

Он пожал плечами.

– Подумал, что сам себе осточертею. Представь, все время в полном одиночестве посреди пустоты. – Он взглянул на меня. – Я бы решился на это, если бы кто-то согласился пуститься в плавание вместе со мной.

Я улыбнулась и отвела взгляд. Не стала спрашивать его о Келли или дочери и о том, находилось ли им место в этих планах.

Алекс въехал на парковку, и мы вышли из машины. Космическая игла нависала над нами. Вблизи она казалась огромной, намного больше, чем на фотографиях, словно инопланетный корабль на гигантских стальных опорах.

– У нас еще есть время, – сказал он, бросая взгляд на часы. – Хочешь прогуляться в центр города?

– Конечно, – ответила я.

Он предложил мне взять его под руку, и я не стала противиться. Даже в Нью-Йорке я старалась не совершать долгих прогулок на высоких каблуках. Я относилась к числу не отягощенных комплексами

обитательниц Манхэттена, которые могли позволить себе носить кроссовки с юбкой и переодевались в туфли на шпильках только в вестибюле офисного здания. Как-то на улице меня даже остановил ортопед и похвалил за разумный выбор обуви. Джоани не переставала веселиться по этому поводу.

Алекс указал на дорожку, ведущую через парк, раскинувшийся у основания Космической иглы.

– Скоро пятьдесят лет, как построили Космическую иглу. Город готовится праздновать годовщину, – произнес он. – Сейчас волонтеры собирают тысячи плиток, расписанных жителями Сиэтла в конце пятидесятых годов, чтобы вымостить ими дорожку к монументу.

– Как мило, – сказала я. – А где эти плитки были раньше?

– Насколько я помню, в какой-то статье в «Сиэтл таймс» говорилось о том, что их обнаружили на складе в одном из административных зданий города.

– Посмотри, – сказала я, указывая за ленточное ограждение.

Я подошла вплотную к ленте и опустила на корточки, чтобы получше рассмотреть плитку, явно расписанную детской рукой. На другой значилось женское имя Бетани, выведенное красивым почерком с завитками и звездочками вокруг букв. Чуть поодаль я заметила плитку, на которой было нарисовано сердечко, а внутри него – всего три слова: «Люблю тебя навеки». Простенькая надпись, и в то же время это безыскусное выражение любви трогало душу не меньше, чем любой сонет Шекспира.

– Это прекрасно, – прошептала я.

– Согласен, – кивнул Алекс.

Мне вдруг стало холодно, и Алекс набросил свой пиджак мне на плечи.

– Пойдем в ресторан прямо сейчас. Наш столик уже, должно быть, освободился.

Мы вошли в лифт у основания Космической иглы и взмыли на самый верх гигантского сооружения. Алекс взял меня за руку, и мое сердце забилось чаще. Сорок три секунды, которые длится путь наверх, показались мне сорока тремя минутами блаженства. Так, рука в руке, мы вышли в вестибюль и прошли в ресторан. Потом уселись рядом за столиком у окна, из которого открывался прекрасный вид на город. Под столом он снова взял мою руку, и я ее не отняла.

Мы сделали заказ, официантка принесла бокал вина для меня и стакан чая со льдом для Алекса. Я сделала глоток. Приятное тепло разлилось по

телу.

– Ну, как тебе здесь нравится? – спросил он.

– Просто замечательно, – с восторгом ответила я, любуясь открывающимся видом. – Даже Лодочная улица видна!

– Она такая крохотная отсюда, правда?

Я кивнула.

– С такой высоты мы со всей своей суетой и надуманными ссорами кажемся ничтожными муравьишками.

– Наверное, именно так нас видит Всевышний, – добавил Алекс.

Я отвела глаза и замолчала. *Всевышний*. Удостоил ли он своим взором Элли и Джеймса в день их гибели? Если он заметил их, то почему не предотвратил несчастье? Почему не послал ангела, который отвратил бы их от опасного пути? Почему он забрал их души у меня на глазах?

– О чем это ты думаешь? – спросил Алекс.

Я закусила губу.

– Извини, я просто...

– Ты несешь на своих плечах такую невыносимую ношу, – сказал Алекс, глядя мне прямо в глаза. – Она может раздавить тебя.

Я хотела покачать головой и сказать, что воспоминания об Элле и Джеймсе вовсе не тяжелое бремя для меня. Я люблю их всей душой, и они всегда будут жить в моем сердце. Но он в какой-то степени прав. Меня не покидает всепоглощающая боль. В любой момент я могу под ее тяжестью сломаться. Боюсь, мне долго не продержаться – мои силы явно на исходе. Словно кто-то вручил мне огромную драгоценную хрустальную вазу, чтобы я несла ее всю свою жизнь, но каждый день, каждую секунду она может выскользнуть у меня из рук.

– Знаешь, что мне сказали в церкви? – тихо произнес Алекс.

Я с сомнением посмотрела на него.

– Что Всевышний понесет наше бремя за нас, если мы его об этом попросим.

Я сделала вид, что обдумываю эти слова, стараясь не показывать своего раздражения Алексу. Он ведь всего лишь старался помочь.

– Не умею рассуждать на религиозные темы, – продолжал он. – И не знаю, как ответить на многие вопросы. Мне еще многому предстоит научиться, но должен сказать, что от тех несчастий, которые посылает нам Господь, есть определенное благо. Он словно говорит: «Послушай, я приму на себя все твои беды, все страхи, и они никогда больше не омрачат твою жизнь».

Я горько усмехнулась.

– Если бы все было так просто.

– Но так и есть, – с уверенностью сказал Алекс. Прищурив глаза, он с нежностью посмотрел на меня. – Я знаю, что твоя душа болит. Возможно, эта боль никогда не покинет тебя, и это нормально. Просто хочу сказать, что ты всегда можешь найти утешение, если хочешь обрести его. И среди всех этих бед можно научиться быть счастливой. Ты же заслуживаешь этого, Ада.

– Ну что ж, – робко произнесла я, беря его за руку. – В таком случае должна тебе кое в чем признаться.

– В чем же?

Я слегка улыбнулась.

– Сейчас я чувствую себя счастливее, чем за все последнее время.

– Я рад это слышать, – тихо сказал Алекс.

– А ты? – спросила я, поворачиваясь к нему. – Ты сейчас счастлив?

Он сделал большой глоток чая.

– Да, – признался он. – Я гораздо счастливее, чем тот человек, который поселился на причале несколько лет назад.

Я не могла сдержать улыбку.

– Я много размышлял на тему счастья в последние годы, – продолжал он. – Если бы ты задала мне этот вопрос несколько месяцев назад, я бы ответил, что навсегда распрощался с мыслью о возможности быть счастливым. Клянусь, я думал, что черные тучи повисли над моей головой навсегда.

Я не стала спрашивать о демонах, терзавших его. Если я и извлекла какие-то полезные уроки из сеансов психотерапии, так это была уверенность в том, что человек должен излить душу, когда он к этому готов, а не когда его к этому принуждают.

Он нахмурился.

– Знаешь, бывает, тебе кажется, что твоя жизнь рушится. Тебя переполняет печаль. Ты сидишь и ждешь, когда жизнь снова обретет совершенство. Но этого не происходит. И не может произойти. В этом мире нет совершенства. Все устроено совсем по-другому. Но жизнь тем не менее может быть прекрасной. – Он улыбнулся каким-то своим мыслям. – Если бы я понял это раньше, я бы избавил себя от многих терзаний.

– Что же тебе помогло осознать это?

Он откинулся на спинку стула.

– Однажды я плыл на каяке в полном одиночестве на середине озера. Стоял прохладный ноябрьский день. Небо было совершенно ясное, когда я пустился в плавание, но внезапно его заволочло тучами, и начался дождь.

Проливной дождь, понимаешь? Холод пробирал до костей. Я решил плыть обратно. Проклинал небо за то, что такое прекрасное утро было испорчено. – Он улыбнулся, вспомнив что-то. – А потом я заметил странную вещь. Я посмотрел на небо, с которого лили нескончаемые потоки дождя, но птицы – они, хлопая крыльями, носились в воздухе взад-вперед. Я никогда раньше не замечал, что дождь не влияет на поведение птиц. Они просто не обращают на него внимания. Может, лишь слегка распушают перышки, когда случайная капля падает на них. Иногда они дружно возвращаются в свои гнезда и отсиживаются там, пока не развеются облака. Но разве они это делают в знак отчаяния или протеста? Нет. Они летят, позволяя порывам ветра нести себя. Щебечут и поют, как обычно. Они просто не позволяют непогоде портить свое существование, омрачать свою жизнь.

Он вздохнул и повернулся ко мне.

– Может быть, ты думаешь, что я сошел с ума, но в тот день на озере я понял, что хочу жить, как птица. Я не хочу позволять обстоятельствам разрушать мою жизнь.

– Вот как? – произнесла я. – Это прекрасно.

– Я не говорю о том, что надо перестать горевать. Я всего лишь имею в виду, что все можно преодолеть, Ада.

Я внимательно посмотрела на него.

– Был период страданий, – продолжал Алекс. – Я его преодолел. Но я не хочу, чтобы моя жизнь ограничивалась только этим.

– Я тоже этого не хочу.

Мои глаза наполнились слезами, и Алекс вытер их своим платком. В этот момент люди, сидевшие в ресторане, начали аплодировать. Мы оглянулись и заметили молодую парочку, samozабвенно целующуюся за соседним столиком. Девушка подняла правую руку, и на ее пальце сверкнуло бриллиантовое кольцо.

Я вспомнила, как Джеймс сделал мне предложение в нашем любимом ресторане в Нью-Йорке. Он спрятал кольцо в кармане и картинно встал передо мной на колени. Такой простой и в то же время изящный жест. Я почувствовала, как возвращается знакомая боль, но тут же вспомнила, что сказал Алекс. Я знала, что мое сердце всегда будет болеть о прошлом, я всегда буду горевать о своих самых любимых людях, но теперь я хотела бы стать свободной, как птица, и лететь, расправив крылья, сквозь все шторма. Я хотела бы начинать день со всей искренностью и страстью хрупкого растения под названием «утреннее сияние», смело открывающего лепестки навстречу рассветным лучам и исполненного решимости явить миру свое

великолепие.

Наши глаза встретились, и через мгновение он поцеловал меня. Я жадно ответила на его поцелуй, его объятия, и он разделял мой безумный порыв.

– Алекс, – прошептала я. – Я хочу рассказать тебе о своем прошлом.

Впервые за долгое время я почувствовала, что наконец могу открыть душу. Я хотела поведать ему обо всем, не упуская ни одной мучительной детали. Я хотела разложить все моменты своей жизни перед ним, подобно камешкам и кусочкам ракушек, которые мы находим на пляже, поднимаем и вертим в руках, чтобы получше рассмотреть. Я снова хотела стать прозрачной, как стекло. Хотела, чтобы он видел меня такой, какая я есть.

В ожидании моего рассказа он наклонился ко мне, и взгляд его был открытым и искренним. Он слушал меня с напряженным вниманием, словно я была единственным человеком на свете, который что-то для него значил.

Глава 23

Пенни

Декс вернулся из Калифорнии загорелым и привез мне в подарок флакон духов от Ланы Тёрнер. Он сообщил, что у нее целые ящики этого добра, которое ей перепало после рекламной фотосессии в универмаге «Мэйсиз», что делало этот подарок еще менее значимым.

– Ты по мне скучала? – спросил Декс, заключая меня в объятия.

– Конечно, – солгала я, открывая флакон с духами. Аромат был резкий и приторно-сладкий, как у женщин из шоу-бизнеса в платьях с глубокими вырезами и испачканными губной помадой бокалами с шампанским, которые так любили виться вокруг Декса.

– Ну вот, – разочарованно произнес он. – Вижу, тебе не понравилось?

– Что ты, духи замечательные, – сказала я. – Просто я не привыкла к таким резким ароматам.

– Именно такие сейчас очень популярны на Беверли-Хиллз, – уверенно произнес он, как будто бы лично обнюхал всех красавиц на Сансет-бульваре.

Я слегка подушила шею, и он пришел в восторг.

– Уверена, я к ним привыкну, – сказала я. Но теперь, когда запах вьелся в мою кожу, меня стало слегка подташнивать.

Декс приблизился ко мне и расстегнул одну из заколок в волосах, потом другую. Мое тело сразу же отреагировало на его прикосновения, и по коже от шеи до кончиков пальцев пробежала дрожь.

– Давай изменим прическу, – произнес он, опуская пряди на лоб в попытке имитировать прическу Ланы Тёрнер, которая была у нее в тот вечер в «Шато-Мармон». – Вот так.

– Ну, не знаю, – я отбросила пряди с глаз. – Мне нравится носить высокую прическу.

На мгновение в глазах мужа мелькнуло разочарование, но он быстро взял себя в руки. Было очевидно, что на самом деле ему все безразлично – мои волосы, я сама.

– Я собираюсь провести послеобеденное время в мастерской, – заявил он. – Лана хочет, чтобы я написал несколько картин для ее домика для гостей.

– Правда? – безучастно произнесла я.

– Но вечером вернусь домой. Ведь сегодня на причале Бал холостяков. Я чуть не забыла. Ведь сегодня тот самый вечер, которого ждали все обитатели Лодочной улицы.

– Хорошо, – сказала я, а он схватил сумку и направился к двери.

* * *

– Мама, – произнесла я дрожащим голосом, позвонив ей попозже вечером.

– Что случилось, дорогая? – спросила она.

У меня словно кусок стоял в горле – ощущение, которое не покидало меня уже несколько недель. Я давно уже не посещала доктора Робертса. Да мне и не нужно было консультироваться с ним, чтобы знать то, о чем я уже подозревала.

– У меня будет ребенок.

– О, дорогая! – воскликнула она. – Правда? Это самая прекрасная новость на свете. Ты уже сообщила Дексу?

– Нет еще, – осторожно произнесла я.

Конечно же, я не сказала об этом и Колину.

– Поговорю-ка я с твоей теткой Сью, – сказала мать. – Мы устроим вечеринку с подарками для будущей мамы и пригласим всех твоих старых друзей.

– О нет, мама, – быстро произнесла я. – Мне бы этого не хотелось. Пожалуйста, не беспокойся. Если не возражаешь, мне хотелось бы сохранить все это в тайне.

Она, казалось, меня не слышала.

– А у Декса есть сестры, которым надо послать приглашение? Что-то я не припомню, чтобы они присутствовали на вашем бракосочетании. Может, ты хочешь пригласить соседей или подруг из Академии мисс Хиггинс? Кстати, надо обязательно и мисс Хиггинс пригласить. Представляю, как ее обрадует эта новость! Ее лучшая ученица ждет ребенка!

– Мам, – сказала я более твердым голосом. – Я не хочу устраивать вечеринку с подарками.

– Не беспокойся, милая, – продолжала твердить мать. – Давай пригласим всех в последние три месяца, на более позднем сроке. И не стоит волноваться о выкидыше. Женщины в нашей семье этим не страдали. Твоя бабушка родила семь здоровых младенцев, да и я бы могла родить еще шестерых, если бы повстречала нормального мужчину.

Я не сообщила ей, что меня в то время, на какое она запланировала вечеринку с подарками для будущей мамы, здесь уже не будет. Если все пойдет так, как мы хотели, я к тому времени уже уеду с Колином. Он уже закончил работать над яхтой, но не будет продавать ее заказчику, и она станет нашим домом. Вместе мы совершим плавание по морям и океанам, посмотрим разные страны. Будем завтракать на Багамах, а ужинать на острове Мэн. Как говорит Колин, нас ждут великие приключения. Но самое главное, мы будем вместе. Навсегда.

Возвращение Декса слегка нарушило наши планы, но мы не собирались позволить ему нам помешать. Я выскользнула из комнаты, когда Декс заснет, тихонечко соберу вещи в сумку и напишу прощальную записку, а потом проберусь на яхту, куда уже целую неделю мы приносили запасы всего необходимого. Консервы, одеяла для холодных ночей. Керосин для ламп. Книги для чтения.

Мне нелегко было принять это решение. Я считала, что конец брака, даже самого неудачного, навеки оставит на мне клеймо. Какая-то моя часть хотела оставить все как есть и продолжать игру – у Декса свои тайны, значит, я имею право на свои. Каким бы непрочным и ненадежным ни был наш брак, он, несмотря на превратности судьбы, давал мне определенное благополучие и безопасность, и порой случалось, что поцелуй в щеку после недельной разлуки мог растопить лед недоверия и обмана, возникший между нами. А разве не к такой жизни, основанной на определенных договоренностях между супругами, стремятся многие женщины? К независимой жизни, когда я могла уходить и приходить когда угодно и мой муж делал то же самое? Но это трудно было назвать браком, к которому я стремилась. Я вышла замуж, мечтая о любви и гармонии, а не о долгих периодах молчания и холодности, а потом подарке в голубой коробочке от Тиффани в знак примирения.

Нет, я больше не хотела так жить, и Колин тоже заслуживал лучшего. И, несмотря на то что мне будет не хватать комфорта, который обеспечивал Декс, Колин был мне нужнее, чем все блага мира. Наше будущее было уже предопределено. В ту ночь, когда я приняла окончательное решение, я обнаружила рубашку Декса, которая случайно завалилась за стиральную машину. Когда я хотела засунуть ее в машину, вдруг заметила пятно на воротнике. Сначала я подумала, что это акриловая краска. Пятно было темно-красного цвета и по оттенку напоминало жженную умбру. Но когда я рассмотрела его поближе, то поняла, что это было на самом деле – след губной помады. Я даже ощутила терпкий запах духов, въевшийся в ткань. Вот тогда я окончательно решила, что больше не хочу сохранять брак,

основанный на обмане.

Конечно же, я напишу маме письмо, где все ей объясню. Она, вероятно, расстроится, поскольку не сможет понять, как я могу бросить такого человека, как Декстер Уэнтуорт. Ей мой поступок покажется крайне неразумным шагом, но я думала иначе, и лишь это имело значение.

Положив трубку, я бросила взгляд через боковое окно на плавучий домик Колина. Я надеялась повидаться с ним до Бала холостяков, чтобы предупредить, что Декс вернулся домой. Мне не хотелось, чтобы он волновался. Никакая сила в мире не может заставить нас изменить планы. Но Колина нигде не было видно, а потом я вдруг поняла, что яхты нет на месте. Сначала меня охватила дикая паника. Куда он уехал? Потом я вдохнула побольше воздуха и решила, что он, вероятно, отправился проверить нашу яхту на большой воде, чтобы быть готовым к отъезду. *Нашему отъезду.* Я закусила губу, впервые осознав необратимость своего решения. При мысли о том, что мы вдвоем вырвемся за пределы озера Юнион, мое сердце начинало биться чаще.

Глава 24

Ада

Я взглянула на Алекса, сидящего рядом со мной за столиком в ресторане. Космическая игла успела повернуться на триста шестьдесят градусов, и теперь мы могли видеть бухту Эллиот и выплывающий из гавани паром, направляющийся, возможно, на восток, к острову Бейнбридж. Алекс внимательно смотрел на меня, ожидая моего рассказа. Я не знала, хватит ли у меня смелости излить ему душу, но тем не менее я должна была попытаться. Я словно слышала голоса Джоани и доктора Эвинсона. И голоса Джеймса и Эллы тоже. Мне казалось, что они рядом с нами. Алекс по-прежнему терпеливо ждал.

Два года назад

Я сижу на кровати в нашем номере в гостинице «Уотербрук» и набираю текст на ноутбуке. Мне предстоит написать еще две сотни слов, и будет готов черновой вариант статьи, после чего я смогу немного расслабиться и отдохнуть, сняв накал этой деловой поездки. Джеймс и Элла вели себя просто как ангелы, уходя в пешие походы по туристическим тропам и развлекаясь разными другими способами, чтобы не мешать мне, пока я работала. *«Санрайз» направил меня сюда, чтобы оценить возможности этой местности, которая становилась одним из самых популярных курортов для семейного отдыха на Восточном побережье.* Изучив огромную территорию и красивейшие водопады, я решила, что курорт несомненно оправдает свою репутацию, и склонялась к тому, чтобы дать весьма лестный отзыв о нем в своей колонке.

Элла врывается в комнату и прыгает на кровать. Хвостики на голове сбились в сторону, и я их поправляю. Какие у нее темные шелковистые волосы! Настоящая итальянская красавица, как ее бабушка.

– Мамочка, – говорит она с улыбкой, демонстрируя дырку на месте выпавшего зуба. – Папа сказал, что мы можем пойти поесть мороженого.

– Правда? – Прошел лишь час после завтрака, и я слегка раздражена на Джеймса. Он слишком балует дочь и, похоже, что не собирается менять свои привычки. Мне это на самом деле нравится, хотя иногда я и чувствую,

что мешаю им весело проводить время, будучи неисправимым скептиком, неизменно предпочитающим работу веселью. Я невольно вздыхаю. Ну и что с того, что он разрешает ребенку чаще есть мороженое, чем хотелось бы мне? В конечном счете я знаю, что Элла самая счастливая маленькая девочка на свете, потому что Джеймс – самый добрый папа, который выполняет любые ее капризы. И мне вовсе не хочется, чтобы было по-другому.

Элла принимается прыгать на кровати, сминая пышные оборки розовой юбочки.

– Хочу шоколадное, – заявляет она тоненьким голоском. – С сиропом.

Я сохраняю черновик статьи, который успела написать, а потом поворачиваюсь к ней.

– С сиропом?

Она дергает меня за руку.

– Мама, ну пожалуйста. Пойдем с нами.

Я качаю головой.

– Не могу. Мне надо закончить статью.

– Ну, мамочка, – хнычет она. – Ты всегда говоришь, что надо закончить статью.

Она права. И я вдруг чувствую привычный приступ чувства вины, который испытываю с самого дня ее рождения. Он возникает у меня всякий раз, когда я занимаюсь чем угодно, помимо материнских обязанностей.

– Ну, тогда дайте мне еще двадцать минут. Я закончу этот текст, и мы сможем пойти поесть мороженого вместе.

Тут на пороге появляется Джеймс. На нем белая майка с длинными рукавами. После недавней поездки в Мексику кожа его загорела и приобрела оливковый оттенок, как после нашего медового месяца в Италии. Он улыбается.

– Ну как, составишь нам компанию?

– Даете мне двадцать минут?

Элла бросается к Джеймсу, и он подхватывает ее на руки. Она такая маленькая для своего возраста, но энергии ей не занимать.

– Мама сказала, что я могу съесть мороженое с сиропом, – заявляет она.

Я с грозным видом складываю руки на груди.

– Разве я это говорила?

Элла заливается смехом, и Джеймс опускает ее на пол.

– Подождите, я поищу Эгги.

Когда Элле было три года, она увидела старинную деревянную

фигурку парусника в антикварном магазине в Монтерее, где я была на конференции. Непонятно по какой причине, но она просто влюбилась в этот маленький кораблик. Лак, покрывавший когда-то игрушку, уже почти стерся, но красные буквы на боку сохранились – «Агнес Энн», и теперь она называла парусник Эгги.

Элла буквально вцепилась в деревянную фигурку, и Джеймсу пришлось купить ее. Дочка спала с ней в ту ночь и потом тоже.

– Разве девочкам не положено играть с куклами или плюшевыми медведями? – спрашивал Джеймс. – Я бы еще мог понять, если бы она вспылала любовью к твоим щипцам для завивки волос.

Но наша дочь была не похожа на других маленьких девочек. Она отличалась крайней любознательностью в своем стремлении познавать мир, и ее сердечко без труда улавливало тонкости эмоций других людей с точностью доплеровского радиолокатора. Она бросает монеты из своей свиньи-копилки в ладони бездомных на Таймс-сквер, плачет из-за страданий сбитых машинами животных, а два года назад во время рождественских каникул организовала распродажу подержанной одежды в школе, когда заметила маленького мальчика, мерзнувшего на игровой площадке.

– Только представь, – говорит Джеймс, – что нас ждет, если она когда-нибудь потеряет свою драгоценную Эгги?

Я тяжело вздохнула.

– Ну, найдем ей замену.

– Не существует на свете другой Эгги, – отвечает он. – Ты ведь заметила, как искусно она вырезана из дерева? Это авторская работа, полностью изготовленная вручную. И ее совершенно невозможно воспроизвести.

– Ну что ж, – ответила я с улыбкой. – В таком случае постараемся ее не терять.

Джеймс смотрит на меня, когда Элла возвращается в комнату с маленькой яхтой под мышкой.

– Я готова, – заявляет она, глядя на папу.

– Давай дадим маме еще несколько минут, – говорит он. – А потом пойдем есть мороженое все вместе.

Я заканчиваю статью, как и планировала, и в этот момент звонит мой телефон, лежащий на тумбочке у кровати. От досады я издаю стон. Это, разумеется, мой редактор.

– Привет, Сьюзанн, – говорю я, жестом показывая Джеймсу, чтобы он закрыл дверь.

– О, как хорошо, что я тебя наконец поймала, – быстро подхватывает она. – Дело в том, что фотограф, которого мы наняли для съемок, уволился. Ты захватила с собой камеру?

Я бросаю взгляд на камеру Джеймса, она лежит на письменном столе в другом углу комнаты.

– Да, но...

– Тогда ты сможешь украсить нашу историю фотографиями, – говорит она. – Нужно сделать несколько снимков, иллюстрирующих семейный отдых у водопадов. Дети с родителями во время пешей прогулки на фоне дикой природы – что-нибудь в этом роде.

– Сьюзанн, я же журналист, а не фотограф.

Я улавливаю нотки раздражения в собственном голосе, но не собираюсь маскировать свои эмоции. Сьюзанн отправила меня в эту поездку в последнюю минуту, причем за неделю до дня рождения Эллы. Мне пришлось отменить вечеринку в «Чайной принцессы Беатрис». Невозможно представить, сколько было слез. А теперь Сьюзанн просит меня привезти еще и фотографии?

– Не веди себя, как капризная звезда, – говорит она. – Просто сделай несколько снимков, уж как получится. Это ведь не постановочные кадры. Помни, это именно то, что предпочитает Хуан. Что-нибудь вроде снимков из постов на страницах в «Майспэйс». Ты сфотографируй, а Хуан с ними поработает.

Я тяжело вздыхаю.

– Эй, а ты ведь там с мужем и дочкой?

– Да, – неохотно признаюсь я, уже догадываясь, к чему она клонит.

– Вот и сфотографируй их, – говорит она. – На фоне водопада.

– Посмотрю, что можно сделать.

– Вот и замечательно, – радостным голосом заявляет она. – Я знала, что ты меня не подведешь.

Я вешаю трубку, набрасываю на плечи куртку, сую камеру Джеймса в сумку и выхожу в гостиную, где Джеймс с Эллой играют в карты «Уно».

– Ну как, готова? – говорит Джеймс, поднимая голову.

– Да, – отвечаю я. – Но по дороге в кафе нам придется сделать небольшой крюк.

Элла недовольно сопит.

– Сьюзанн просит меня сделать несколько семейных снимков на фоне водопада.

Джеймс улыбается.

– Вот и хорошо. Мы можем пройти туда по той самой тропинке,

которую обнаружили вчера.

Элла скрещивает на груди руки.

– Мам, это обязательно?

– К сожалению, да, милая, – говорю я. – Обещаю, мы там долго не пробудем. А вы с папой будете мне позировать.

Она смеется и бежит к двери.

* * *

Водопад оказался несколько дальше, чем мы предполагали. К тому времени, когда удастся добраться до девятого уровня серпантина, мы с Джеймсом уже сильно запыхались.

– Идите сюда быстрее, – кричит убежавшая вперед Элла. – Я уже слышу шум водопада!

Мы еле-еле переводим дыхание и, с трудом передвигая ноги, тащимся вперед.

– Как же здесь красиво, – говорит Джеймс. Он останавливается и протягивает мне руку.

– Ты знаешь, мы бы ничего этого не увидели, если бы не ты. – Он целует тыльную сторону моей ладони. – Я женился на величайшей женщине на Земле, и пусть мне кто-то скажет, что это не так.

Я улыбаюсь. Он никогда не проявляет недовольство моей работой и всегда видит только ее положительные стороны. Я это очень ценю.

– Смотрите! – кричит Элла из-за поворота. – Я вижу водопад!

– Элла! – зову я. – Будь осторожней!

Мы с Джеймсом бросаемся вперед и видим, что Элла стоит совсем близко от шаткой ограды, которая выглядела так, словно ее соорудили еще в 1802 году.

– Милая, иди сюда скорее, – говорю я.

– Ну, мама, – говорит она таким выразительным тоном, что легко можно представить, как в подростковом возрасте она станет примой в школьном театре. – *Все нормально.*

– Да-да, я твоя мама, поэтому всегда буду беспокоиться о тебе, – говорю я, обнимая ее за плечи.

– А теперь мы можем пойти есть мороженое? – спрашивает она.

– Скоро пойдем, – отвечаю я, роюсь в сумке в поисках камеры. – Для начала сделаем несколько снимков.

Я указываю на ограду, за которой бушует водопад.

– Джеймс, только держи ее крепче. И не подходите близко к этой ограде.

Он улыбнулся, схватил Эллу на руки и перевернул вверх тормашками.

– Ты хочешь, чтобы я подержал ее над водопадом?

Дочурка хохочет и брыкается, и он ставит ее на землю.

– Успокойтесь, вы как сумасшедшие, – говорю я, глядя в объектив. – Станьте поближе друг к другу. Улыбайтесь, покажите, что вы прекрасно проводите время.

Джеймс и Элла одновременно высунули языки.

Я хмурю брови, сразу вспомнив Сьюзанн.

– Пожалуйста, посерьезнее.

Они послушно улыбаются, и я щелкаю фотоаппаратом.

– Отлично, – говорю я. – Сейчас сделаю еще несколько на всякий случай. Джеймс, ты не мог бы повернуться к водопаду и изобразить, что показываешь Элле что-то интересное?

Джеймс подходит поближе к ограде. Он почти теряет равновесие, поскользнувшись на неровной земле.

– Все в порядке, – говорит он, вставая на колени и указывая в сторону водопада.

Наконец и я сквозь объектив вижу водопад, и это по-настоящему величественное зрелище. Какая мощь, какая первозданная сила! Я делаю снимок, потом второй и просматриваю их на экране камеры.

– Отлично получилось, – говорю я, порадовавшись тому, как Элла улыбается Джеймсу на последнем снимке, но вдруг замираю, услышав крик малышки. Я вскидываю голову и вижу, как все это происходит – как мир из прекрасной мечты превращается в невыносимый кошмар. Шаткая ограда с треском ломается, и Элла падает назад. Джеймс резко поворачивается, чтобы подхватить ее, и поскользывается.

Я бросаюсь к ограде, к тому месту, где только что стояли два моих самых дорогих человека. Мой резкий, пронзительный крик звенит в ушах.

– Джеймс! Элла!

Я задыхаюсь, всматриваясь вниз за ограду. Это место притягивает, словно магнит. Все, что я хочу, – это присоединиться к ним, броситься вниз во влажное, скрытое туманом пространство и соединиться с ними навеки. Я закрываю глаза, согнувшись пополам от ужаса и шока, и вдруг чувствую, как кто-то хватает меня за руку.

– Мисс, – произносит мужской голос. Это смотритель парка в коричневой форме.

– Я видел, что произошло. Мне безумно жаль. Позвольте мне помочь

вам спуститься, и мы вызовем «Скорую помощь».

В моих глазах вспыхивает надежда.

– Да, – говорю я. – Конечно. Джеймс прекрасный пловец. И Элла училась плавать с трех лет.

– Нет, мэм, – мрачным голосом произносит он. – Мне очень жаль. Никто не может выжить после такого падения. Я вызову «Скорую помощь» для вас.

Глава 25

Пенни

Вечернее празднество было последним препятствием на пути осуществления наших планов. Мы пойдем туда, будем улыбаться, втайне планируя наш побег, а потом, когда обитатели Лодочной улицы крепко заснут или просто расслабятся от неумеренного потребления мартини, мы совершим задуманное.

Днем я так и не смогла найти Колина. Яхта не вернулась, но я не беспокоилась. Он, конечно же, не позволит неожиданно вернувшемуся Дексу нарушить наши планы.

Я нарядилась в клетчатое хлопковое платье и, затягивая поясик на талии, думала о новой жизни, зарождающейся во мне. Подожду, когда мы будем в полной безопасности в объятиях друг друга, и тогда сообщу Колину. Я уверяла себя, что так будет лучше.

Я бросила взгляд на свое отражение в зеркале на туалетном столике и принялась пудрить нос, когда услышала шаги Декса на лестнице. Через несколько мгновений он уже стоял за моей спиной и целовал меня в шею. Сначала я напряглась от его прикосновений. Но затем сказала себе, что надо продолжать играть свою роль, чтобы не вызывать подозрений. Мне вовсе не нужна ссора с мужем. А еще меньше мне хотелось, чтобы он устраивал мне сцены, особенно в присутствии соседей с Лодочной улицы. Я бы не вынесла такого позора.

– Ну как я мог находиться вдали от тебя так долго? – спросил Декс, разворачивая меня к себе. – Как я мог оставить такую красоту?

Я улыбнулась и снова повернулась к зеркалу, продолжая накладывать тушь на ресницы, но Декс продолжал свои ласки. Он расстегнул брюки, и в зеркальном отражении я видела, как они упали на пол, обнажая его загорелые ноги. Он прижался всем телом к моей спине, и я почувствовала, что он пытается расстегнуть платье. Я закрыла глаза, наслаждаясь его прикосновениями, потому что, вполне вероятно, его сильные руки в последний раз ласкали мою кожу. Как искусный скрипач, виртуозно играющий на струнах своего инструмента, Декс всегда умел настроить мое тело так, чтобы оно доставляло мне максимальное наслаждение. Я слабо сопротивлялась, но я была всего лишь глиной в умелых руках скульптора. Я подумала о том, как часто я жаждала его внимания, как мне хотелось,

чтобы он вернулся домой из мастерской и обнял меня... Но теперь это невозможно. Я оторвала его руки от моей груди и покачала головой.

– У меня лазанья стоит в духовке.

– Ну и пусть сгорит, – ответил Декс, увлекая меня к постели. Мне хотелось уступить ему. В конце концов, я все еще его жена и, должна признаться, какая-то моя часть все еще его любила и, возможно, будет любить всегда. Но тем не менее я решительно вырвалась из объятий Декса и спустилась вниз по лестнице на кухню. Теперь я душой и телом принадлежу только Колину.

* * *

Мы с Дексом вышли на причал в пять часов. Яхта Колина была уже пришвартована у его дома, и я вздохнула с облегчением. Может быть, он увидел, что Декс вернулся домой, и поэтому не захотел приходить? Я надеялась поговорить с ним до начала Бала холостяков, чтобы уточнить наши планы и твердо пообещать, что я приду вечером, как мы и планировали. Если я встречу его на вечеринке, я постараюсь убедить его, что ничего не изменилось.

Я поставила блюдо с лазаньей на карточный столик у домика Наоми и Джина. Она одарила нас натянутой улыбкой.

– О, Декс, – произнесла она, полностью игнорируя меня. – Так ты вернулся из Калифорнии?

Он послал ей воздушный поцелуй.

– Да, прилетел сегодня утром.

Джин подошел, чтобы поздороваться с Дексом за руку.

– Отличный вечер для вечеринки, – сказал Декс. Но Джин не ответил. Напротив, он повернулся ко мне.

– Как поживаешь, Пенни?

Он приветливо улыбался, но было заметно, что на душе у него беспокойно. Его левая бровь слегка подергивалась.

– О, прекрасно, благодарю вас, – солгала я. Я наблюдала, как общительный Декс порхает от одного гостя к другому, словно бабочка. Наоми скрылась в доме и снова появилась с блюдом, наполненным пирожными. Она бросила на меня торжествующий взгляд и поставила блюдо на стол.

– Декс, – произнесла она, – а вот и твои любимые, попробуй!

Она вручила ему шоколадный эклер, и он откусил небольшой кусочек.

– Неужели ты это сама испекла? Они просто божественны.

Она кивнула с притворным смущением.

– Ничего особенного. Я попросила этот рецепт у подружки-француженки.

Я осмотрелась, надеясь увидеть Колина, но его нигде не было. Появились Ленора и Том в сопровождении нескольких других гостей. Они спросили, как я поживаю. Но, как и всегда, внимание всех окружающих было приковано к Дексу, который весело рассказывал о том, как проводил время в Калифорнии, подробно описывая вечеринку у бассейна на вилле Ланы, где присутствовали Кэри Грант и Лорен Бэколл.

Я с трудом слушала браваду Декса, словно у меня была на нее аллергия. Потом посмотрела в сторону и вдруг заметила Джимми. Он выглядывал из-за угла. На нем были джинсы и кроссовки с развязанными шнурками. Он мне улыбнулся, но тут Наоми, зашипев, прогнала его обратно в дом. Он повернулся и ушел, вжав голову в плечи.

Я подумала о ребенке, растущем в моем чреве, и дала себе обещание всегда относиться к нему не как к обузе, а как к прекраснейшему подарку Небес. Я положила руку на живот и посмотрела на Декстера. Он был очень оживлен и продолжал рассказывать о Калифорнии, а его слушатели внимали ему и время от времени весело хохотали. Я никогда не смогу быть миссис Декстер Уэнтворт, не теряясь в тени своего мужа. Теперь я была твердо в этом уверена.

– Что-то случилось, дорогая? – спросила Ленора несколько минут спустя. Остальные гости столпились у импровизированного бара, который устроили Наоми и Джин.

– Да нет, – ответила я, вскинув на нее глаза. – Ничего.

– Ты бледна, – продолжала она.

Я натянуто улыбнулась.

– Думаю, я просто немного устала.

– Пойдем, – сказала она. – Тебе не помешает немного выпить.

Она взяла меня за руку, и мы прошли к бару. Наоми вручила мне бокал с мартини, но мне показалось, что оно отдавало горечью, поэтому, улучив момент, я вылила его в озеро. Зеленая оливка прыгала на волнах, пока не подплыл селезень и не ухватил ее клювом.

Я даже не заметила, когда заиграла музыка. Декс подошел ко мне.

– Пойдем, – сказал он, протягивая мне руку. – Видишь, все уже танцуют.

Я безропотно подала ему руку, и он подвел меня к трио музыкантов, где Джин солировал на скрипке. Мелодия была мне незнакома. Она

казалась строгой, классической. Декс заключил меня в объятия, а я вглядывалась в китайские фонарики, висевшие над головой. Голова была словно чугунная, и я невольно опустила ее на грудь Декса. Вначале я даже не заметила Колина, стоявшего в нескольких футах от меня, а затем услышала, как Наоми позвала его по имени. Я подняла голову, и наши глаза встретились. Наоми вручила ему мартини, и он одним глотком осушил бокал. Он взглянул мне прямо в глаза как раз в тот момент, когда рука Декса опустилась ниже моей талии. Колин смотрел на меня как на предательницу. Мои глаза молили его о понимании. Разве он не может понять, что мне надо притворяться? Разве он не может понять, что возвращение Декса ровным счетом ничего не меняет? Все остается по-прежнему. Мы уплывем вместе, как и планировали. Но Колин предпочел уйти. Он исчез прежде, чем закончилась песня.

* * *

К десяти часам Декс уже успел изрядно напиться. Он был более оживленным, чем всегда, и Том даже не возражал, когда он танцевал с Ленорой, ухватив ее за талию, на что никогда не осмелился бы, если бы не выпил пять бокалов мартини.

Мне было противно на него смотреть, и я прошла на конец причала перед нашим плавучим домиком. Конечно же, Декстер в его нынешнем состоянии не заметит, если я сейчас соберу вещи, и мы с Колином уедем пораньше. Но Колина я нигде не видела. И его яхта тоже исчезла. Меня внезапно охватила неясная тревога. Наши тщательно разработанные безукоризненные планы начали рушиться. Неужели он уехал без меня?

Только в этот момент я заметила, что на моей палубе сидит Джимми, и быстро вытерла слезы, чтобы не испугать ребенка.

– Привет, милый, – сказала я, садясь рядом с ним. – Что ты здесь делаешь так поздно?

– Слишком шумно, я не мог заснуть, – сказал он, пожав плечами. Когда он поднял голову, чтобы взглянуть на меня, я увидела на его щеках следы слез.

– Милый, – сказала я, – в чем дело? Я вижу, ты плакал.

Джимми шмыгнул носом и вытер его рукавом. Он изо всех сил старался быть сильным и вести себя по-мужски, но мой вопрос возымел противоположный эффект, и теперь слезы потоком полились по его веснушчатым щекам. Он сунул руку в карман, вытащил скомканный листок

бумаги и протянул его мне.

– Что это, дорогой? – спросила я, разворачивая бумажку.

– Комикс, который я нарисовал, – пояснил он. – Я нашел его в мусорной корзине.

Я подумала о том, как он гордился своими рисунками. Вспомнила, как он смущался, когда показывал их мне, и как я уговаривала его продемонстрировать свои творения родителям. Я была уверена, что они его похвалят. Я всего лишь хотела, чтобы Джимми был счастлив, почувствовал свою значимость в этом мире. Этот мальчик так жаждал признания от родителей, особенно от матери, и мое неловкое вмешательство, видимо, только испортило его отношения с ними.

– Милый, – произнесла я, старательно подыскивая слова. – Наверное, это сделали по ошибке. Уверена, твои родители не стали бы выбрасывать твой рисунок специально. – Я разгладила листок и улыбнулась, разглядывая его. – Посмотри, как здорово ты написал буквы в облачках с мыслями героев. А здесь ты просто великолепно изобразил животных на ферме. Просто потрясающе. – Я вернула ему комикс, но он покачал головой.

– Он мне больше не нужен, – с горечью произнес он.

– Ну, – сказала я, – в таком случае я оставлю его себе. Не позволю тебе или кому-нибудь другому выбрасывать такое прекрасное произведение. К тому же в один прекрасный день ты сам захочешь его вернуть.

– Ты так думаешь? – с удивлением спросил Джимми, но было видно, что эта идея его заинтриговала.

– Не сомневаюсь, что так и будет. Когда ты станешь знаменитым художником – создателем комиксов.

Он слабо улыбнулся, но вскоре нахмурился и сложил на груди руки. Я забеспокоилась, что он меня не понял. Джимми был слишком обижен, и я боялась, что эта рана оставит на его душе глубокий шрам.

– Хочешь полежать на моем диване? – спросила я. – Там гораздо спокойнее.

– Хорошо. Я просто посмотрю из окна на озеро.

– Я, пожалуй, составлю тебе компанию, – сказала я в надежде, что скоро увижу, как Колин причаливает на яхте, как мы и договаривались. Тогда я быстро схвачу чемодан и прыгну на борт. Мы помашем Джимми и отправимся в путешествие. Джимми будет хранить нашу тайну.

Но яхты нигде не было видно, и через минуту я заметила движение на палубе плавучего домика Колина. Было уже темно, но в неясном свете фонаря на задней палубе я заметила в ночных сумерках две фигуры. Это были двое мужчин в темных костюмах.

Глава 26

Ада

Алекс отвез меня из ресторана домой и проводил до двери. Я пригласила его зайти, и он прошел вслед за мной в гостиную. Он выслушал мою историю молча. Мне хотелось знать, как он ее воспринял, и я немного волновалась.

– Знаешь, ты по-настоящему мужественная женщина, – сказал он, пристально глядя мне в глаза.

– Вовсе нет, – честно призналась я. – На самом деле это совсем не так.

– Нет-нет, это правда, – настаивал он. – Ты решилась приехать сюда, начать новую жизнь. Для этого нужна смелость.

Я вздохнула.

– Нет. Меня гнал страх. Мне просто хотелось удрать из Нью-Йорка. Я думала, что там я никогда не скроюсь от воспоминаний. От безысходности и постоянного чувства вины.

Он повернулся и посмотрел мне прямо в глаза.

– Чувство вины? Почему ты должна испытывать чувство вины?

На мои глаза навернулись слезы.

– Потому что именно я привела их к этому проклятому водопаду. А все эта глупая работа, которая была для меня превыше всего! Если бы я не взялась за это задание, они были бы живы.

Я сжала руку в кулак и потрясала им, и Алекс накрыл его ладонью и спокойно опустил мне на колени.

– Ты лишь делала то, что должна была делать, – сказал он. – Причина их гибели – вовсе не твоя работа. Ты должна это понять.

Я опустила глаза, разглядывая свои руки, лежащие на коленях, и не находила слов, чтобы ему ответить.

– Когда мне было четырнадцать, – начал говорить Алекс, – умер мой отец. Он был алкоголиком. Когда я был маленьким, он редко бывал дома, практически никогда. Но за год до смерти он вдруг бросил пить. И это был лучший год в моей жизни. Наконец я понял, что у меня есть отец, который всегда был дома и играл со мной в мяч, помогал строить модели ракет, а я просто обожал это занятие. Но было уже слишком поздно. Четырнадцатилетнему подростку не хотелось все время проводить с отцом. После школы мне хотелось посидеть в гостях у друзей или погулять с

ними, словом, мне вовсе ни к чему было все время сидеть дома. Я всегда переживал, что отец страдает от моей отстраненности. А потом он сорвался и снова запил. Однажды вечером он возвращался из бара и врезался в дерево.

– О, Алекс, как жаль...

– После этого я долго ненавидел его. Я был вне себя от ярости. Но еще больше я ненавидел себя. Мне казалось, что я мог бы предотвратить это несчастье. Если бы я играл с ним в монополию в тот вечер, как он хотел, если бы я остался тогда дома и не отправился бы на ночную вечеринку к другу Джону. Если бы я был хорошим сыном. Его кончина была трагической, но я все же не хотел, чтобы мысли об этом определяли мою жизнь. И, что самое главное, я понял, что все-таки не я виноват в его смерти.

Я посмотрела на Алекса.

– Мне бы хотелось когда-нибудь вернуться на место их гибели.

– Ты сможешь это сделать, – сказал он. – Просто наберись терпения и подожди. Обещаешь?

– Я постараюсь, – прошептала я.

* * *

Джоани позвонила мне на следующий день в семь утра. В Нью-Йорке было уже десять часов, но я вовсе не возражала против столь раннего звонка. Я проснулась в четыре и целый час провела на палубе, любуясь белоснежными бутонами «утреннего сияния», раскрывающимися навстречу первым лучам рассвета.

– Я вчера тебе весь вечер звонила, но телефон переключал меня на голосовую почту, – сказала она. – С тобой все в порядке?

– Да, – сказала я. – Просто я была не одна.

– Ты встречалась с этим... как его зовут?

– Алекс. Мы поужинали в ресторане на самом верху Космической иглы, а потом вернулись сюда и проговорили до полуночи.

– Ничего себе! – в ее голосе послышались озорные нотки, и я живо представила себе ее лукавое лицо.

– Ну, перестань, – сказала я. – Мы только один раз поцеловались.

– Ну и как? Он хорошо целуется?

– Отлично, – ответила я, чувствуя, как жар приливает к щекам при мысли об этом.

– Значит, сегодня ты снова с ним увидишься?

– Нет. Он отправляется на съемки в Портленд. – Тут до меня дошло, что он может быть там с Келли. Я не успела спросить, работали ли они по-прежнему вместе. Но я не позволю себе заикливаться на этой мысли, особенно после наших откровенных разговоров.

– Послушай, я чуть не забыла, – сказала Джоани. – Я тут кое-что выяснила, это может помочь в поисках Пенни.

– И что же?

Я услышала звук пролистываемых страниц.

– Показания мальчика по имени Джимми. Мне удалось раздобыть лишь несколько первых страниц, потому что психолог объявил его психически неуравновешенным и запретил давать показания в суде.

– Ты сказала, что его звали Джимми?

– Ну да. Я пришлю тебе эти материалы в формате PDF по электронной почте.

* * *

После обеда я решила прогуляться до магазинчика Пита. Было прохладно, и я натянула свитер. Потом взяла кошелек и вышла на улицу. Через час я уже вернулась домой с полной сумкой продуктов. Войдя на причал, я заметила, что в пустующем домике слева появились обитатели. Окна были распахнуты настежь, как будто хозяин вернулся домой и теперь проветривает помещение. Когда я проходила мимо, на пороге появилась пожилая женщина. У нее были седые, коротко подстриженные волосы, уложенные завитками, точь-в-точь как у моей бабушки. Но улыбка у нее была молодой, а в глазах светился задор, не совсем уместный для почтенной дамы лет восьмидесяти с лишним.

– Дорогая соседка, – произнесла она, – будьте любезны, помогите мне, пожалуйста. Я только что вернулась домой после длительного путешествия, и мне кажется, что за шкафом у меня завелась как я-то живность.

– Вот беда! – сказала я, опуская пакет с продуктами на причал. – Конечно, я вам помогу.

Я вошла в ее домик. Он был очень маленький и сверкал чистотой, хотя больше напоминал временное жилище, а не место постоянного обитания. На стенах не было картин, личные вещи как будто отсутствовали. Только чемодан на полу, кофейный столик и диван без подушек.

– Меня зовут Эстер, – сказала она, протягивая мне руку. – Вы, должно быть, недавно сюда приехали?

– Вы правы, – сказала я. – Позвольте представиться: я Ада Санторини. Я действительно совсем недавно здесь поселилась. Снимаю домик в конце причала.

– О, старый дом Уэнтурта, – сказала она, оглядывая меня с головы до ног. – И как вам там нравится?

– Очень недурно. Озеро очень живописное.

– Не совсем с вами соглашусь, – сказала она, поворачиваясь к шкафу с недовольным лицом. – Слишком много непрошенных гостей.

Я не могла сдержать улыбку.

– А вы давно здесь живете?

– О, мне кажется, целую вечность, – ответила она. – Я поселилась здесь в сороковые годы. После неудачного брака.

– Сочувствую.

– Тяжелые были времена, – продолжала она. – Мне пришлось оставить любимую дочурку на острове Бейнбридж и начать все сначала. В то время у женщин не было ни единого шанса выиграть битву при разводе, поэтому я сразу признала поражение и сдалась без боя.

Я просто не могла представить, чтобы я могла так относиться к браку или к собственной дочери. Если бы возникла такая ситуация, я бы сражалась за ребенка до конца. И все же я не знала всю подоплеку истории Эстер, поэтому не стала проявлять излишнее любопытство. К тому же грусть в ее глазах говорила о том, что у нее, видимо, просто не было иного выхода.

– Тогда я только плавучий домик и могла себе позволить, – продолжала свой рассказ соседка. – Я купила его за пятьсот долларов, а теперь он стоит пятьсот тысяч. Неплохое капиталовложение, правда?

Я улыбнулась.

– Впечатляет.

– Я уже много лет испытываю искушение продать его. Особенно после того, как вышел этот фильм.

– Фильм?

– Ну да, «Неспящие в Сиэтле». Последние годы здесь целое паломничество. Все хотят жить, как герои фильма.

– Мне нравится этот фильм, – сказала я.

Эстер пожала плечами.

– Я его так и не видела.

– Советую посмотреть. Он и в самом деле хорош.

– И все же я не продам мой дом ни за какие деньги, – констатировала она. – Я часто путешествую, и мне нужно место, где я могла бы перевести дух. Я ведь оставила здесь свое сердце.

– Вы имеете в виду вашу дочь?

– Да. И ее отца.

– Правда?

– Он теперь живет в доме престарелых в Сиэтле. Мы с ним не разговаривали с 1943 года. Но иногда я издали наблюдаю, как он гуляет в саду.

У меня перехватило дыхание.

– Значит, вы все еще его любите?

– И всегда любила, – сказала она, как будто этот факт не подвергался сомнению. – Я подарила ему свое сердце, еще когда была девчонкой, и оно до сих пор принадлежит ему.

Очевидно, она заметила, что я смутилась.

– Послушайте, моя дорогая, – сказала она. – Моя жизнь была запутанной и сложной, и, в общем, не совсем нормальной. Но я все равно счастлива и вполне ею довольна.

– Но разве вам не хотелось бы поддерживать отношения с ним сейчас – с человеком, которого вы так любите? Разве вам не хотелось бы жить с ним вместе?

– Конечно, хотелось бы, – сказала она, опускаясь на диван. Я села рядом с ней.

– Но все сложилось иначе. Знаете, любовные истории заканчиваются по-разному. Некоторые длятся лишь мгновение, другие целую жизнь. Мне повезло, что у меня второй вариант. Просто я не имею возможности быть с ним каждый день. Но это вовсе не означает, что наша любовь ослабела. Наша совместная жизнь закончилась, но любовь все еще живет в наших сердцах.

Я на секунду подумала о Джеймсе, нашей короткой, но такой счастливой жизни. И я знала, что, кого бы я ни встретила на жизненном пути, ничто не в силах изменить мое отношение к нему.

– Ну что ж, – сказала Эстер. – Я, наверное, надоела вам со своей воркотней.

– Почему вы не навестите его? – спросила я. – Разве вам не хотелось бы увидеться с ним после стольких лет разлуки?

Она посмотрела на меня.

– Очень хотелось бы. Но я никак не могу выбрать подходящий момент. Честно говоря, мы так давно расстались, что мне немного страшно. А если

он не испытывает таких же чувств? Что, если он меня уже не любит?

Я улынулась.

– И все же вам надо это сделать. Пока не стало слишком поздно.

Она кивнула в знак согласия.

– Как зовут вашего бывшего мужа?

– Эллиот, – ответила она. – Эллиот Хартли.

Эстер погрузилась в свои мысли, как будто заново переживала минуты, проведенные вместе с любимым.

И тут я услышала скрипучий звук со стороны комода у стены.

Эстер взглянула на меня.

– Вы слышали?

– Да, – сказала я. – Как вы думаете, что это такое?

– Крыса, – ответила она, поднимаясь на ноги. – Помогите мне оттащить эту штуковину от стены. Мы ее оттуда шуганем.

Я взялась за правую сторону комода из красного дерева.

– На счет три, – объявила Эстер. – Раз, два, три...

Общими усилиями мы отодвинули комод от стены и тут же увидели нарушительницу спокойствия – взъерошенную... уточку.

– Надо же, – сказала Эстер. – Оказывается, это утка. – Она опустилась на колени перед незваной гостьей. – Милочка, что же ты делаешь в моем доме?

Утка вызывающе крякнула и гордо проследовала на причал.

– Это, должно быть, Генриетта, – сказала я.

– Генриетта?

– Она живет на причале со своим супругом, – попыталась объяснить я. – Ну, с селезнем. Его зовут Хейнс.

– Вот как? – сказала Эстер. – Да-да, припоминаю. Джимми говорил что-то насчет утиной парочки, которая вечно ссорится.

Было забавно, что она называет Джима уменьшительным именем.

– Прежде чем я уйду, – сказала я, поднимаясь на ноги, – мне хотелось бы, чтобы вы помогли мне кое в чем разобраться.

– Конечно, – уверила она. – О чем речь, дорогая?

– Вы, случайно, не помните человека по имени Колин, который когда-то жил здесь, на Лодочной улице?

Она закрыла глаза и, спустя несколько секунд, открыла их.

– Конечно, помню, – сказала она. – Как же я могу забыть Колина? Он был особенный. Таких сейчас уже не встретишь.

– Значит, вы были с ним знакомы?

– Да. Но мы не слишком тесно общались. Он строил яхты. И делал это

просто изумительно.

Я вспомнила о яхте под названием «Каталина», но не стала прерывать Эстер, боясь, что она остановится.

– Он жил здесь совсем недолго. Мне казалось, он от чего-то пытался убежать. Я-то знаю, что это значит. Я же тоже была беглянкой.

– И что же с ним случилось?

Она вздохнула.

– О, если бы я только знала, дорогая. Я вернулась домой из поездки по Европе, а его уже тут не было. Это было после исчезновения Пенни. Мне хотелось бы думать, что они где-то вместе. Что они просто уплыли в лучах заходящего солнца. Такой вот конец истории. – Она тряхнула головой. – Но вовсе не уверена, что все это закончилось именно так.

– Почему?

Она выглянула на причал, словно пытаясь убедиться, что нас никто не подслушивал, и продолжила: – Из-за того, что все жители Лодочной улицы *сговорились*.

– Сговорились? – я сразу вспомнила, что и Алекс намекал на что-то подобное.

Она кивнула.

– Все, кто был здесь в ночь исчезновения Пенни, поклялись никогда не раскрывать тайну.

– Но почему?

Она пожала плечами.

– Могу только сказать, что мне так и не удалось установить истину, и, думаю, никогда не удастся. Тайна умрет вместе со всеми участниками той истории. Они проявляют невиданное упорство в своем желании сохранить эту тайну.

Я не стала сообщать ей, что поклялась непременно выяснить, что случилось с Пенни, разгадать эту загадку, чего бы мне это ни стоило.

– Ну что ж, – обратилась я к Эстер. – Мне пора идти. Было приятно с вами познакомиться.

Она лукаво мне подмигнула.

– Мне тоже, дорогая.

* * *

Я не заметила Генриетту, когда вышла на причал, и понадеялась, что она наконец воссоединилась с Хейнсом, что, несомненно, обрадовало бы

Джима. Я вернулась в домик и вытащила продукты из сумки. Вспомнив, что сказала Джоани о свидетельствах маленького Джимми, я поспешила проверить электронную почту.

Там я сразу увидела письмо и начала его читать.

– Вот материалы, – писала она. – Обрати внимание на последнюю строчку. Звучит жутковато.

Я открыла документ и загрузила его в ноутбук. Через минуту на экране появился отсканированный текст напечатанного на машинке полицейского отчета:

ПОКАЗАНИЯ ДЖИММИ КЛАЙДА, СЫНА МИСТЕРА ДЖИНА И МИССИС НАОМИ КЛАЙД, ПРОЖИВАЮЩИХ ПО АДРЕСУ: 2209 ФЭРВЬЮ-АВЕНЮ, СИЭТЛ.

ОФИЦЕР КЛЕЙТОН: Сынок, пожалуйста, назови свое имя, чтобы мы могли внести его в протокол.

ДЖИММИ КЛАЙД: Джимми Клайд, сэр.

ОФИЦЕР КЛЕЙТОН: Пожалуйста, назови свой возраст.

ДЖИММИ КЛАЙД: Девять лет, сэр.

ОФИЦЕР КЛЕЙТОН: А сейчас, Джимми, расскажи нам, пожалуйста, как ты познакомился с миссис Уэнтуорт.

ДЖИММИ КЛАЙД: Вы имеете в виду Пенни?

ОФИЦЕР КЛЕЙТОН: Совершенно верно, сынок. Пенни Уэнтуорт. Не плачь, малыш, тебе совершенно нечего бояться.

ДЖИММИ КЛАЙД: Но я...

ОФИЦЕР КЛЕЙТОН: Что такое, сынок?

ДЖИММИ КЛАЙД: Ведь она вернется, сэр? Она когда-нибудь вернется?

ОФИЦЕР КЛЕЙТОН: Вот для того, чтобы это узнать, мы и беседуем с тобой, молодой человек. Мы хотим удостовериться, что она вернется. А теперь расскажи нам, как ты познакомился с миссис Уэнтуорт, Джимми.

ДЖИММИ КЛАЙД: Она жила рядом с моим домом. Она всегда была такой доброй. Самой доброй из всех, кого я знал.

ОФИЦЕР КЛЕЙТОН: Она когда-нибудь рассказывала тебе о ком-то, кто с ней плохо обращался, Джимми? О ком-то, кто хотел причинить ей вред?

ДЖИММИ КЛАЙД: Нет, сэр. Но она все время грустила.

ОФИЦЕР КЛЕЙТОН: Правда? Откуда ты это знаешь, Джимми?

ДЖИММИ КЛАЙД: Потому что я видел, как она плакала. Плакала из-за него.

ОФИЦЕР КЛЕЙТОН: Из-за кого, Джимми? Продолжай, ты все можешь мне рассказать.

ДЖИММИ КЛАЙД: Из-за мистера Уэнтуорта.

ОФИЦЕР КЛЕЙТОН: А почему мистер Уэнтуорт заставлял ее плакать?

ДЖИММИ КЛАЙД: Не знаю.

ОФИЦЕР КЛЕЙТОН: Помоги мне в этом разобраться, Джимми.

ДЖИММИ КЛАЙД: Мама говорит, он лучше ее. Но это неправда. Пенни была самой милой леди в мире. Может быть, он ей сказал, что она хуже его. И это обидело ее.

ОФИЦЕР КЛЕЙТОН: А почему твоя мама так говорила о миссис Уэнтуорт?

ДЖИММИ КЛАЙД: Не знаю, сэр.

ОФИЦЕР КЛЕЙТОН: Пожалуйста, Джимми, помоги нам. Ты последним видел миссис Уэнтуорт. Любая подсказка может оказаться полезной.

ДЖИММИ КЛАЙД: И тогда Пенни вернется домой?

ОФИЦЕР КЛЕЙТОН: Мы надеемся на это, сынок.

ДЖИММИ КЛАЙД: Тогда я вам скажу.

ОФИЦЕР КЛЕЙТОН: Что ты скажешь?

ДЖИММИ КЛАЙД: В ночь, когда она пропала, мистер Уэнтуорт разозлился на нее. Я слышал, как он кричал на нее, и это меня напугало.

ОФИЦЕР КЛЕЙТОН: Джимми, а что он говорил?

ДЖИММИ КЛАЙД: Не помню, сэр.

ОФИЦЕР КЛЕЙТОН: Пожалуйста, постарайся вспомнить, сынок.

ДЖИММИ КЛАЙД: Но почему он обижал ее, сэр? Она была как ангел, посланный с небес. Я это знаю. А он пришел и обидел ее.

ОФИЦЕР КЛЕЙТОН: Пожалуйста, не плачь, сынок. Все будет хорошо.

ДЖИММИ КЛАЙД: Нет, не будет. И вы это тоже знаете. Потому что она никогда больше не вернется домой.

ОФИЦЕР КЛЕЙТОН: Внесите в протокол, что родители Джимми представили судебное постановление, которое я сейчас держу в руках, запрещающее дальнейший опрос ребенка на основании того, что он признан психически неполноценным и не может адекватно отвечать на вопросы.

* * *

Я открыла ноутбук и принялась за свои воспоминания, но из головы у меня не выходила Пенни. Мне так хотелось бы знать, почему обитатели Лодочной улицы предпочитали молчание истине.

Глава 27

Пенни

– Опять они пришли, – сказал Джимми, указывая на мужчин на палубе Колина.

– Ты их раньше видел?

– Мама говорит, что это полицейские. Говорит, что Колин преступник.

– Какая ерунда! – быстро произнесла я, внезапно осознав, как мало Колин рассказывал мне о своем прошлом.

Джимми покачал головой.

– Но он совсем не похож на преступника.

– Уверяю тебя, милый, что это вовсе не так.

– А почему тогда эти люди его разыскивают?

– Может быть, они просто хотят с ним поговорить? – предположила я.

В этот момент они нас заметили и замахали руками, подзывая меня к причалу.

Через пару минут они уже стояли рядом со мной.

– Простите, мисс, – сказал один из них. – Можно с вами поговорить?

Я собралась с духом.

– Конечно, – произнесла я, надеясь, что они не заметят, как предательски дрожит мой голос.

– Я полковник Эверетт, а это мой напарник, – пояснил он. Я увидела знаки отличия на форме. – Мы бы поговорили и с другими людьми на причале, но, кажется, они уже изрядно выпили.

Я вспомнила, что Декс уж точно был пьян, и кивнула.

– Чем могу помочь?

– Понимаете, – сказал он, – мы разыскиваем мистера Колина Макклири. Вы его, случайно, не знаете?

– Конечно, знаю, – честно призналась я. – Он наш сосед. Живет на соседнем причале.

– Понимаете, мисс, – продолжал полицейский. – Мистер Макклири разыскивается за серьезное правонарушение против правительства Соединенных Штатов.

Я почти потеряла дар речи.

– Что вы имеете в виду?

– Он обвиняется в государственной измене.

Я видела, как округлились глаза Джимми, стоявшего рядом со мной, и поняла, что нельзя позволять ему слушать наш разговор.

– Дорогой, – обратилась я к мальчику, – иди в дом, пока я не закончу разговор, хорошо?

Он послушно пошел в дом. Услышав, как за ним закрылась дверь, я повернулась к полицейскому.

– Ничего не понимаю, – сказала я. – Он обвиняется в предательстве?

– Речь идет о серьезном преступлении, и мы ищем его для допроса.

– Но что он сделал?

Полковник Эверетт бросил взгляд на напарника, а потом перевел его на меня.

– Он дезертировал из своей части в Корею. И жил под вымышленным именем.

Этого не может быть.

– Вы имеете в виду, что Колин – это не настоящее его имя?

– Да, мэм, это именно так.

Я не хотела знать его настоящее имя. Я ничего не хотела знать об этой истории. За полторы минуты эти люди в темных костюмах со знаками различия на лацканах пытались изменить мое представление о Колине, и я больше не желала слышать об этом ни слова.

– Ну что же, – произнес полковник Эверетт, – если увидите его, позвоните, пожалуйста, по этому номеру. – Он протянул мне жесткую белую визитную карточку.

Они ушли, а я чувствовала себя совершенно подавленной. Через минуту на палубу на цыпочках вышел Джимми. Он, должно быть, почувствовал мое волнение и взял меня за руку.

– Ты что, боишься? – спросил он.

– Не буду скрывать, мой милый Джимми, – сказала я, опускаясь на колени, чтобы посмотреть ему в глаза. – Немного страшновато.

Я думала о любви Колина и знала, что, несмотря на все неприятности: разговор на причале, незнакомцев, столь настойчиво его разыскивающих, полицейских, – все будет хорошо. Я улыбнулась.

– Видишь ли, взрослые тоже иногда испытывают страх. – Я погладила его по голове. – Как бы я хотела, чтобы мне сказали об этом много лет назад. Когда я была маленькая, то считала, что когда вырасту, мир будет безоблачным. Но мои ожидания не оправдались.

Он понимающе кивнул, но я-то знала, что он сможет по-настоящему осознать мои слова лишь через много-много лет. Я вздыхала, устав от ожидания, и всматривалась в озеро, страстно желая, чтобы время бежало

быстрее. У меня не было сомнений, что свет, появившийся на ночном горизонте, – это мой Колин, рыцарь на белоснежной яхте, который торопится забрать меня отсюда.

* * *

С большими усилиями мне удалось убедить Джимми отправиться домой, и я осталась на палубе одна. С причала все еще доносились звуки музыки и смех – вечеринка была в полном разгаре. Мне оставалось только ждать. И вот наконец уже после одиннадцати я увидела лодку, выплывающую из темноты, и различила лицо Колина, освещенное неясным светом луны. Он сидел у руля, выключив мотор, и яхта беззвучно скользила к причалу.

Я вскочила на ноги и замахала ему обеими руками. Никто из нас не произнес ни слова, но я заметила, что выражение его лица смягчилось. Через минуту он пришвартовал лодку к причалу и выскочил из нее, оказавшись рядом со мной. Напряжение между нами было просто невыносимым. Казалось, от малейшего прикосновения полетят искры, или нас ударит электрическим разрядом.

– Ты все-таки приехал, – прошептала я, падая в его объятия. Вспышка чувств длилась лишь мгновение, омраченная мыслью о том, что Колина разыскивают.

– Колин, мне надо сообщить тебе кое-что важное.

Он удивленно посмотрел на меня и нахмурил брови.

– Ты его все еще любишь, не так ли? – Прежде чем я успела ответить, он продолжал: – Я ведь видел, как ты танцевала с ним сегодня вечером.

– Нет, я всего лишь...

– Я мечтал, чтобы ты отдала мне свое сердце, но, полагаю, я слишком многого от тебя хочу. Вот почему я и убежал. – Он опустил взгляд, а потом снова взглянул на меня с надеждой. – Пенни, я был бы счастлив, если бы ты испытывала ко мне хотя бы половину той любви, которую испытываю к тебе я.

– О, Колин, – только и могла сказать я. Я посмотрела на него и ободряюще сжала его руку.

Его глаза снова засветились.

– Нет, я о другом, – сказала я, отпуская его. – Дело в том, что тебя тут разыскивали двое мужчин. Они утверждают, что тебя обвиняют в государственной измене.

Он смотрел на озеро, не произнося ни слова.

– Значит, это правда?

Он поднял руку к шее и снял серебряную цепочку с армейскими жетонами. Я рассматривала металлические пластинки в те ночи, когда мы были вместе, держала их в руках, слушала, как они позванивали на обнаженной груди Колина. Как-то я даже спросила его о службе в армии, но он избегал разговоров об этом. До этого вечера.

Он раскрыл мою ладонь и положил туда серебряную цепочку, согретую теплом его тела.

– Это не мои жетоны, – сказал он. – Я никогда не хотел служить в армии, но когда мне исполнилось восемнадцать, отец отвел меня на призывной пункт, заявив, что служить своей стране – большая честь. Я хотел, чтобы он мной гордился, но не понимал тогда, что на самом деле отказываюсь от собственной жизни.

Я внимательно слушала его.

– Сначала я думал, что в Корее нас ждут сплошные приключения, но, попав туда, я понял, что совершил ужасную ошибку. Я знал, как строить лодки, но никогда не собирался использовать их для того, чтобы убивать людей. Пенни, вокруг я видел только смерть и разрушение. Женщин и детей убивали, свистели пули, разрывались снаряды. Однажды, после того как мы атаковали деревню, я увидел маленького корейского мальчика. Он был ранен. Я взял его на руки и держал, пока он не умер.

Я отвела глаза, мне было тяжело слушать.

– Когда на мое подразделение напали корейцы, мы находились за несколько миль от базы. Тем вечером нас отпустили отдохнуть, – продолжал Колин. Я не была готова выслушивать его рассказ, но чувствовала, что ему надо выговориться. – Один из погибших солдат сильно обгорел. Узнать его было невозможно. Его звали Колин, и это была его последняя командировка в Корею. На следующий день он должен был уезжать в Нью-Йорк. В ту ночь я подумал, что мне предстоит принять непростое решение: либо я вернусь на базу и продолжу сражаться на этой проклятой войне, либо начну новую жизнь под чужим именем.

– Поэтому ты и взял его жетоны, – сказала я. – Ты присвоил его имя.

– Да, это так, – сказал он. – Пенни, мне гордиться нечем. Но мне предстояло с этой ложью жить. Из-за этого я и вынужден всегда скрываться.

– А как же его семья? Они, наверное, думают, что он пропал без вести во время войны?

– Когда я вернулся домой, то отправился проведать его родственников.

И рассказал им всю правду. Они не были в восторге от того, что я сделал, потому что хотели похоронить тело сына как полагается, а не поставить над могилой памятник с моим именем. Но я отдал им все деньги, что у меня были, все, до последнего цента, что в то время было немало. Я построил четыре лодки и участвовал в строительстве еще полудюжины, поэтому заработал на войне неплохие деньги. И мне показалось справедливым отдать эти деньги его семье.

– И они согласились молчать?

– Я надеялся, что так и будет, – сказал он. – Но, думаю, в конце концов они все же обратились в полицию. Я догадывался, что они так и сделают, когда деньги закончатся.

– И ты теперь в бегах?

Он взял меня за руку.

– Да. Надеюсь, вместе с тобой.

– Но... то, что ты сделал, – это же мошенничество. Я даже не знаю, как тебя зовут по-настоящему...

– Сэм, – сказал он. – Сэм Лири.

Имя показалось мне странным и совершенно чужим.

– Я не смогу называть тебя так, – сказала я.

– И не называй.

– Но как теперь я могу быть уверена, что знаю тебя?

Он взял мою руку и прижал ее к щеке.

– Ты знаешь, что чувствует мое сердце, и этого достаточно.

Я смахнула со щеки слезу.

– Что же будет дальше? Что нам делать?

Он с нежностью посмотрел на меня.

– Мы уедем вместе.

Я взглянула на причал, откуда раздавался громкий смех Декстера, а потом робко повернулась к Колину.

– Но я...

Колин отступил назад. Он был задет моей нерешительностью, я это знала. Но он все же улыбнулся, чтобы разрядить обстановку.

– У тебя же есть билет, не так ли?

– Да, – сказала я, улыбаясь. Не так давно Колин выдал мне «билет» для поездки на яхте. Я хранила его среди своих самых дорогих сокровищ в старом сундуке в гостиной.

Колин потер лоб и с сомнением посмотрел на меня, словно решая, стоит ли сообщать мне что-то или придержать это при себе.

– Есть еще кое-что, о чем ты должна знать.

Я подумала о человеке, который заказал Колину яхту.

– Колин, разве заказчик не ждет, чтобы ты привез ему лодку?

– Я ему ничего не должен, – ответил он. – Я получаю деньги за свою работу, только когда доставляю яхту заказчику. Такова наша договоренность.

– Понятно, – с облегчением произнесла я. Но он по-прежнему был озабочен.

– Пенни, человек, который заказал эту яхту, может быть тебе знаком.

Я удивленно посмотрела на него.

– Кто же это?

– Роберт Уэнтуорт.

– Но это же...

– Твой свекор.

– А Декстер об этом знает?

Колин наморщил лоб.

– Не думаю.

– Потому что Декс не общается со своим отцом уже несколько лет.

От этой новости у меня закружилась голова. Декс отказался принимать финансовую помощь от своей богатой семьи, когда мы собирались пожениться. И все же я всегда подозревала, что в их отношениях не все так просто. Я вспомнила о чеках, которые мы получали от неизвестного покровителя – того самого, который оказывал Дексу наибольшую поддержку. Отправляла эти чеки какая-то корпорация, название которой мне ни о чем не говорило, но подпись... ее я точно раньше где-то видела. Человек, ставивший свою подпись под денежными переводами, имел весьма характерный почерк – округлая буква «л» и длинный хвостик у «у». Но я отбросила мысли о Дексе и его отношениях с меценатами, поскольку гораздо больше меня тревожила ложь Колина.

– Почему ты все это скрыл от меня? – спросила я.

– Я... послушай, – пытался оправдаться он. – Я поклялся, что никому об этом не скажу. Насколько я знаю, он всего лишь хотел купить лодку.

Я с сомнением посмотрела на него.

– У мастера-лодочника, который живет по соседству с его сыном?

Колин кивнул.

– Послушай, для отца, у которого уже давно разладились отношения с сыном, вполне естественно желание знать, как живет его ребенок.

Я усмехнулась, неожиданно ощутив желание защитить Декса.

– Полагаю, он платил тебе неплохие деньги за сведения о жизни Декса?

– Пенни, – взмолился Колин. – Не сердись на меня. Пусть это обстоятельство не влияет на наши отношения. – Он забрался на яхту и ждал, когда я последую его примеру. Он был напряжен и явно хотел, чтобы я поскорее решилась на побег.

– Давай уедем. Это яхта наша – твоя и моя. Мы начнем новую жизнь, как и собирались.

Я сделала несколько шагов к лодке, потом оглянулась на причал и снова повернулась к Колину.

– Мне нужно все обдумать, – сказала я. – Я...

Колин поднял руку, словно говоря: «Не надо, я этого не вынесу».

По правде говоря, я не знала, что сказать. Я любила Колина, и ничто не могло повлиять на мое отношение к нему. Но, должна признаться, слова полицейских заставили меня засомневаться в принятом решении. Декс. Я закрыла глаза и потерла лоб. В тот момент я не была готова нарушить клятву, принесенную ему. Возможно, мне не стоит менять жизнь. Я посмотрела на Колина – сильного и уверенного. Да, мое сердце принадлежит ему, я жду от него ребенка, но если я сегодня уеду с ним, то никогда уже не смогу вернуться. Это будет означать полный разрыв с Декстером. И я вдруг поняла, что еще не готова к этому. Это несправедливо по отношению к моему мужу. Я еще помнила принесенные обеты.

Я провела рукой по гладкому, покрытому лаком боку яхты. На корме лодки красовалось ее название, выведенное синей краской, – «Каталина». Я улыбнулась сквозь слезы. Колин взглянул мне прямо в глаза.

– Я назвал ее так для тебя, – произнес он. – Ты же всегда хотела удрать на остров Санта-Каталина.

– Да, – сказала я, смахивая слезу со щеки. – Не думала, что ты это запомнил.

– Я решил, что сначала мы отправимся именно туда.

Я покачала головой.

– И все же мне нужно время, чтобы все обдумать.

Мой голос был полон отчаяния.

Он отвязал канат от столбика, и мое сердце заколотилось в бешеном ритме.

– Колин, – воскликнула я, – пожалуйста, Колин. Еще не время. Не покидай меня...

Сердце чуть не выскочило у меня из груди, когда яхта отчалила. Я стояла на причале, разрываясь между двумя жизнями – жизнью с Декстером на Лодочной улице и жизнью с Колином, полную странствий по неведомым морям. Но яхта Колина уже скользила по волнам, уплывая от

меня.

Я протянула руку в немой мольбе. Мне вовсе не хотелось причинять ему страдания.

– Вернись ко мне, – уже громко воскликнула я.

Мне было безразлично, даже если меня кто-нибудь услышит. Мне хотелось, чтобы он услышал мои слова.

– Я люблю тебя, Колин. Я всегда буду тебя любить.

Я смотрела, как яхта скользит по озерным волнам, пока она не скрылась в ночной мгле, а потом упала на причал, закрыв лицо руками.

* * *

Колин вернется. Он обязательно должен вернуться. В полном отчаянии я ходила взад-вперед по дому. Потом достала чемодан и швырнула его на пол. Соберу вещи и сяду в каноэ. Постараюсь его догнать. Но тут я опомнилась. Я же никогда не смогу плыть с такой же скоростью.

Я села на диван. Руки мои тряслись. Все, что мне остается, – это ждать. Колин обязательно вернется за мной. Просто нужно подождать. Он обязательно вернется – может быть, даже этой ночью. И на этот раз я буду готова.

Я вышла на палубу и стала смотреть на озеро. Вздрагивала при виде каждого проплывающего каяка, каждого плеска воды от стайки уток вдалеке. Я не отрываясь смотрела на озеро, потому что не хотела упустить момент появления яхты.

Глава 28

Ада

На следующий вечер, после девяти, Алекс постучал в дверь. Он обнял меня за талию и нежно поцеловал.

– А я думала, что ты сегодня останешься в Портленде, – сказала я.

– Решил поскорее уехать, чтобы увидеться с тобой.

Я улыбнулась.

– Правда?

– Истинная правда. – Он прошел в гостиную и плюхнулся на диван. –

Над чем работаешь?

Я быстро закрыла ноутбук. Хотя я и рассказала ему о своем прошлом, но все же не была готова к тому, чтобы он читал мои личные воспоминания, по крайней мере, пока.

– Пишу небольшую статью для журнала.

Он понимающе кивнул.

– Пойдешь завтра на Бал холостяков?

– Как, уже завтра?

– Да, – ответил он. – Наоми всегда приглашает меня на подобные мероприятия, хотя официально я не являюсь жителем Лодочной улицы.

– Я рада, если ты будешь там, – сказала я. – Честно говоря, после всего что удалось раскопать по поводу исчезновения Пенни и расследования на этот счет, меня что-то жуть пробирает от этого причала и его обитателей.

– О, не стоит все это принимать так близко к сердцу. Эти люди достаточно безобидны. Странные, может быть, но не опасные. Видела бы ты, как Джин играет на скрипке. Раньше у них был целый квартет, а теперь остался один Джин.

– Надо что-нибудь с собой принести?

– Захвати пару яблок и бутылку вина, и они будут счастливы.

Ветер с утра усилился и теперь протяжно свистел в водосточных желобах плавучего домика, который плавно покачивался на волнах.

– Похоже, надвигается гроза, – заметил Алекс.

Наверху в спальне послышался какой-то грохот, и я на мгновение застыла.

– Ты слышал?

Он кивнул.

– Наверное, это просто ветер.

– Нет, – возразила я. – Мне кажется, кто-то пытается открыть в спальне люк.

Алекс вскочил на ноги.

– Пойду-ка посмотрю.

Я не на шутку испугалась, но мгновение спустя последовала за Алексом. При входе в комнату я перевела дух.

– Вот видишь? – произнес Алекс. – Никаких злоумышленников.

Я улыбнулась, но вдруг заметила, что люк открыт.

– Алекс, что-то не так. – Я подошла и распахнула маленькое окошко. – Я всегда закрываю это окно.

Я видела его беспокойство, но он старался не подавать виду.

– Он мог открыться от порыва ветра. Посмотри, лодка на волнах просто ходуном ходит.

Я выглянула и увидела «Каталину», раскачивающуюся на беспокойной поверхности озера, но мы оба знали, что даже порывистый ветер не в силах распахнуть тяжелый металлический люк.

– Хочешь, чтобы я еще посидел у тебя? – спросил Алекс, когда мы спустились вниз по лестнице.

Я кивнула.

– Давай спою тебе колыбельную, – лукаво произнес он. – Но тебе это не понравится, потому что у меня ни голоса, ни слуха.

Я усмехнулась.

– Джеймс всегда пел песенки Элле перед сном. Когда она была еще совсем маленькой, у нее часто болел животик, и ее успокаивало только пение Джеймса. Ну, если не считать звука пылесоса.

Алекс засмеялся.

– Но одну песенку – это даже не колыбельная – она любила больше всего. Он пел ее постоянно, и в конце концов она стала их любимой. Элла помнила о ней, даже когда подросла. А Джеймс пел ее в вечер перед их гибелью.

– И что это за песня? – нежно спросил Алекс.

Я видела, что он хочет разделить со мной воспоминания, но, понимая, что вторгается в чужой сад, старается не помять растущие там цветы.

– Это «Пафф, волшебный дракон»^[16].

Я уткнулась лицом в его плечо, и, когда начала успокаиваться, мне показалось, что вдалеке я слышу голос Джеймса, напевающего песню про дракончика.

* * *

– Доброе утро, – тихонько прошептал Алекс. На улице сияло солнце. Я бросила взгляд на часы. Был уже десятый час.

– Неужели я уснула на диване?

– Конечно, – ответил он, наполняя кружку кофе и ставя ее на сундук перед диваном. – И ты разговаривала во сне.

Солнце слепило глаза.

– Неужели? И что же я говорила?

– Что-то о боязни опоздать и мотоцикле.

– Не имею ни малейшего представления, что бы это могло значить.

– Наверное, тебе просто что-то приснилось. – Алекс опустился на диван рядом со мной. – Надеюсь, что я тебе тоже снился.

– Спасибо, что остался со мной ночью.

– Ты уверена, что не оставляла окно открытым?

– Уж и не знаю. Может, и правда оставила, – сказала я.

– Здесь на причалах почти не случается краж, поэтому не думаю, что нам следует беспокоиться насчет грабителей.

– Ты, скорее всего, прав, – я сладко потянулась.

Мне, как и Алексу, хотелось как можно быстрее забыть об этой неприятности.

Он сжал мою руку, а потом встал.

– Мне надо закончить кое-какие дела, но я вернуться к пяти, и мы сможем пойти на Бал холостяков вместе.

Он опустился на колени и поцеловал меня, а я крепко обняла его.

– Тебе обязательно надо идти?

– К сожалению, да, – ответил он. – Но я буду думать о тебе каждую секунду, особенно теперь, когда я знаю, какая ты очаровательная, когда спишь.

Я улыбнулась и посмотрела ему вслед.

* * *

Ближе к вечеру Алекс вернулся с целым блюдом итальянских закусок из ресторана Серафины. Я прихватила французский багет и бутылку вина, и мы отправились на первый в моей жизни Бал холостяков на причале. Это, конечно, была просто вечеринка, но больше походила на обряд крещения,

знаменующий факт моего вхождения в сообщество на Лодочной улице.

Мы вышли на причал вместе. На светящихся гирляндах качались бумажные китайские фонарики. Кто-то принес стереоаппаратуру, и из динамиков раздавались звуки джаза. Я чувствовала себя не в своей тарелке, как девица на выданье. Тем не менее соседи приветливо улыбались, кто-то передал мне бокал красного вина, я вежливо поблагодарила.

– О боже, – заворковала Наоми, увидев нас с Алексом. – Как замечательно, что вы пришли вместе!

– Джин, – обратилась она к своему мужу, – ты помнишь Алекса и нашу новую соседку, Аду?

Он кивнул с отсутствующим видом, а мы выложили наши дары на стол. Старичок выглядел усталым, и было заметно, что его мысли витают где-то далеко.

– Прямо как в старые добрые времена, – продолжала Наоми, беря меня за руку. – Мы когда-то тут славно веселились. Джазовый квартет, бар с напитками и все такое. Прекрасное было время...

Интересно, сложилась ли ее жизнь так, как она хотела? Она прожила долгую жизнь с мужем, и сын живет совсем рядом. Все это свидетельствовало о вполне счастливой жизни, но в то же время в ее глазах была заметна скрытая грусть, и мне хотелось знать ее причину.

– Значит, Лодочная улица в годы своего расцвета была веселым местом?

– И не говорите, – сказала она. – Жизнь просто кипела.

Она остановилась среди горшков с цветами на передней палубе своего домика, приветствуя прибывающих гостей.

– Мне кажется, что с тех пор ничего не изменилось, – сказала я. – У Лодочной улицы остался прежний дух.

Наоми пожала плечами, опустила на корточки у терракотового горшка и выдернула стебель вьюнка, известного под названием «утреннее сияние».

– Нет, сейчас совсем не то.

Она швырнула маленькое растение в озеро, и я наблюдала, как волны уносят беспомощные белые цветы.

– Это место словно лишилось души.

Несмотря на то что мы были такие разные, ее слова были созвучны моим мыслям. Я знала, каково это, когда уходит душа. После несчастного случая из моей квартиры в Нью-Йорке все тепло и уют словно улетучились.

Она поднялась на ноги и отряхнула руки.

– Но некоторые вещи остаются неизменными, например, этот несносный сорняк.

Я подумала о душе Лодочной улицы. Может быть, она покинула этот причал в ту ночь, когда исчезла Пенни? Если это так, то почему?

– Наоми, – произнесла я, пользуясь моментом. – Я хотела спросить вас о молодой женщине, которая когда-то здесь жила...

– О, смотрите, – внезапно оживилась она, проходя вперед, – Ленора пожаловала. Пойду-ка я поздороваюсь с ней.

Ко мне подошел Алекс.

– Мне это кажется, или люди действительно как-то напряжены сегодня?

Я согласилась с ним.

– Понимаю, о чем ты говоришь. Ты, случайно, не видел Джима?

– Нет. Джин сказал, что он приболел.

– Все это очень странно.

– Да уж, – ответил Алекс. – Он никогда не пропускает подобные мероприятия.

Зазвучала скрипка, и мы вскинули головы. Джин стоял в одиночестве на конце причала и играл печальную медленную версию «Как ты выглядишь этой ночью»^[17]. Я слышала, как ее поет Фрэнк Синатра и другие певцы, но впервые сталкивалась с таким исполнением на скрипке. Меланхоличные звуки были полны грусти, и мне вдруг стало не по себе. Вдруг подул резкий ветер, я поежилась и пожалела, что не захватила свитер.

* * *

Позже мы с Алексом сидели на палубе его домика, а над нами сияли звезды. Он включил радио, и до моих ушей доносились приглушенные звуки музыки.

– Ты не возражаешь? – спросил он.

– Вовсе нет, – сказала я. – Очень даже мило. В век айтюнс и он-деманд такие сюрпризы иногда приятны.

Он взял мои руки.

– Что скажешь о сегодняшней вечеринке?

– Даже не знаю, что и сказать, – сказала я, думая о своем не слишком приятном разговоре с Наоми и ее явном нежелании говорить о прошлом. Но, с другой стороны, я появилась здесь совсем недавно. Кто я такая для

них, чтобы ворошить старые истории? Я понимала сдержанность Наоми. Обитателей Лодочной улицы объединяет лишь одно – их любовь к родному причалу.

Алекс кивнул.

– Странно, что Джим не пришел, правда?

Он почему-то понизил голос. На воде следует быть осторожнее – звук разносится очень далеко.

Я кивнула. После вечеринки мы с Алексом прошли к дому Джима, чтобы проверить, все ли в порядке, но тот разговаривал с нами, лишь слегка приоткрыв дверь.

– Интересно, что его беспокоит?

– Может быть, здоровье отца? – предположил он. – Джин в последнее время неважно себя чувствует.

Я услышала мелодию по радио и сразу же узнала ее. Это была песня Ширли Хорн «За жизнь»^[18].

– Мне нравится эта песня.

– Мне тоже, – сказал он, вставая. – Хочешь потанцевать?

Я тоже поднялась, и он меня обнял. Мы танцевали на удивление слаженно, он легко меня вел, как будто это было уже сотый или даже тысячный раз.

Я вслушивалась в слова песни. «Ни упреков, ни сожалений. Я все еще верю в риск и погоню за мечтой». Я вздохнула.

– Надеюсь, я когда-нибудь тоже смогу оглядываться на свою жизнь и чувствовать себя так, когда все сказано и пережито.

– Я тоже на это надеюсь.

Я зажмурила глаза, потом снова открыла их и внимательно посмотрела на Алекса – он был полон нежности и целиком поглощен настоящим моментом, мною. Слезы снова наполнили мои глаза.

– Я хочу снова по-настоящему жить...

Он крепче прижал меня к себе.

– Разве ты не видишь? Именно это ты сейчас и делаешь.

Наши глаза встретились, он обхватил мое лицо ладонями и страстно поцеловал. Я закрыла глаза, чувствуя, что парю в воздухе. Внезапно передо мной возник образ Джеймса. Но в темноте я не могла разглядеть его лицо. Я открыла глаза и отступила назад.

– Что-то не так? – встревожился Алекс.

В его голосе прозвучала легкая обида, и мне стало очень горько. На секунду я даже подумала, что недостойна его чувств. Разве он может доверить мне свое сердце?

– Я... Я просто не знаю... – сказала я. – Не знаю, имею ли право делать это.

Он опустил глаза.

– Понятно.

Я подошла к нему и взяла его за руки.

– Мне так этого хочется. – Я была в смятении и полна страха. – Мне нужен какой-нибудь знак. Мне нужен знак, чтобы я решилась на более глубокие отношения. Нужно, чтоб *он* дал нам свое благословение.

Джеймс. Я чувствовала, что он рядом. Видит ли он меня сейчас? Я часто думала о том, что между Алексом и Джеймсом есть определенное сходство. Чувство юмора. Глубокая способность к состраданию. В душе каждого из них было столько пластов, поражающих своей красотой. Но одобрит ли Джеймс поведение своей жены, которая бросается в объятия мужчины, единственным преимуществом которого является то, что он жив, а Джеймса уже нет на свете?

Мы молча смотрели друг на друга, волны тихонько плескались о борт плавучего домика. А потом послышались звуки новой песни. Сначала я не узнала мелодию. Она была довольно бесхитростная, под аккомпанемент гитары. А потом раздался голос Питера из группы «Питер, Пол и Мэри». Я покачала головой, потрясенная до глубины души. «Пафф, волшебный дракон, жил у моря».

Мои глаза наполнились слезами. Нам ничего не надо было друг другу говорить. Мы уже все поняли. Я положила голову на грудь Алекса, и он нежно обнял меня. Мы слушали песню.

Я подняла глаза и взглянула на небо.

– Благодарю тебя, – мой шепот растаял в ночном воздухе.

Глава 29

Пенни

Прошел час, затем второй. После часа ночи я услышала шаги Декстера, входящего в дом.

Прятаться от него не было смысла.

– Я здесь, – сказала я.

– А почему в гостиной стоит чемодан?

Я начала паковать вещи, да так все и бросила.

– Ппонимаешь, мама... – попыталась оправдаться я. – Она что-то неважно себя чувствует. Вот я и подумала, что надо бы съездить к ней на пару дней.

– Если хочешь, я тебя туда отвезу, – любезно предложил Декс.

– Не стоит, – ответила я. – Ты слишком много выпил. Я возьму такси.

– Так поздно?

– Ничего страшного, – сказала я, поворачиваясь к озеру.

Он поцеловал меня, и я почувствовала можжевелевый запах джина в его дыхании. Он все-таки изрядно набрался.

– Ты, кажется, перебрал. Нужно лечь и поспать.

Он улыбнулся.

– А ты разве не придешь ко мне в постель? На пару минуток?

– Мне действительно надо ехать к маме.

– А я хотел кое-что тебе сказать.

– Что же?

Я подумала о том, что рассказал мне Колин об отце Декстера, и почувствовала, что меня охватили грусть и сожаление. Вместо стоящего передо мной красивого сорокатрехлетнего мужчины с точеными чертами лица и складками вокруг рта я видела маленького мальчика, потерянного, одинокого и очень печального. Я закусила губу. Будь прокляты эти Уэнтуорты. Если его папаша так его любит, почему он не заявится сюда сам? Зачем он использует Колина в качестве посредника?

Декс потер лоб и качнулся влево, потеряв равновесие.

– Дорогой, – сказала я, – ты лучше присядь.

– Пенни, – начал он, – я принял важное решение. И не хочу больше ничего от тебя скрывать. С этой минуты мы с тобой навсегда вместе.

Я не понимала, были ли его откровения вызваны излишним

количеством алкоголя, или его чувства были вполне искренними, но я затаила дыхание и продолжала слушать.

– Я хочу, чтобы ты знала – я не был честен с тобой...

Я тут же подумала о Лане Тёрнер, потом вспомнила женщину, которая отвечала на телефонные звонки в мастерской, подумала: а так ли уж мне хочется выслушивать его признания? Нужно ли мне все это знать? Колин может вернуться через час, через день, через месяц, и лучше оставить все как есть. Пусть у Декса будут свои тайны, а у меня свои... Так мы будем квиты.

Но Декс продолжал говорить, и мне пришлось выслушивать его исповедь, несмотря на то что я вовсе не была к этому готова.

– Мне надо тебя кое с кем познакомить.

Я в удивлении тряхнула головой, ничего не понимая.

– С кем же?

– Ее зовут Роксанна. Ей восемнадцать лет.

Восемнадцать...

– Это моя дочь, Пенни.

У меня перехватило дыхание.

– Твоя дочь?

– Да, она не намного младше тебя. Я очень боялся, что ты воспримешь это известие болезненно. И потом я... послушай, я совершил много ошибок во время моего прошлого брака, гордиться мне нечем. Ты говорила, что хочешь иметь детей, Пенни. Говоря откровенно, я был просто ужасным отцом.

Я коснулась его руки, но он продолжал.

– Я бросил первую семью, потому что мы оба были просто безобразными эгоистами. Теперь понимаешь, почему я решил больше никогда не заводить детей?

– Декс, пожалуйста, я...

– У меня напрочь отсутствует ген отцовства, – уверенно заявил он. – Мой отец и мой дед были сущими задницами. Поэтому, представь, как я был поражен, когда на пороге мастерской однажды появилась Роксанна. Она все мне простила. – Он смахнул слезу со щеки. – Да, простила и дала шанс познакомиться с ней поближе. Я этого совершенно не заслуживаю, но, боже мой, ты не представляешь, как безумно я этого хотел.

Я не знала, что ему сказать.

– Когда я был с Ланой, она...

– Пожалуйста, – сказала я. – Я не могу слышать о твоих интрижках.

– Интрижках?

Я недоверчиво посмотрела на него.

– Декстер, ты хочешь мне сказать, что ты не...

Он взял мои руки.

– Пенни, милая, неужели ты действительно думаешь, что я способен совершить по отношению к тебе такую подлость?

Казалось, Декстер был потрясен, а я не смогла сдержать слезы. Как я ошибалась!

– Все это время, – сказала я прерывающимся голосом, – я думала, что у тебя роман на стороне. – Меня захлестнула волна раскаяния, чувство вины было просто невыносимым.

– Да, я не совершенен, – честно признался он. – Случалось, что...

– Ничего не хочу знать.

Почему-то любой намек на его неверность лишь усугублял мое собственное чувство вины.

Он опустил глаза, а потом снова посмотрел на меня.

– Тебе понравится Роксанна, Пенни. Она будет жить в мастерской до осени, а потом уедет учиться в Вашингтонский университет.

Он продолжал говорить, а я слушала. Мы поедем осенью в Калифорнию, где будет новая выставка. Лана Тёрнер после ее открытия организует вечеринку. А весной мы отправимся в Нью-Йорк на открытие новой художественной галереи. Может быть, Роксанна и ее бойфренд присоединятся к нам, и мы поедем туда вчетвером. Я, не отрываясь, смотрела на озеро. Оно казалось пустынным, лишь пара уток плавно скользила по водной глади недалеко от причала. Колина по-прежнему не было. У меня слегка закружилась голова, и я почувствовала приступ тошноты. Я бросилась в ванную комнату, и меня вырвало.

* * *

– Что с тобой?

Декс стоял у дверей ванной. В его голосе звучали нежность и забота, как в первые дни нашей совместной жизни. Я промокнула губы бумажной салфеткой и взглянула на себя в зеркало. За последнее время я похудела. Бледные щеки ввалились. Я положила руку на живот. Конечно, вполне может быть, что ребенок Декса.

Я вошла в гостиную, откуда могла видеть озеро. Декс сел рядом со мной и подложил руку мне под голову, а потом взял меня за руку. Он поднес ее к губам и принялся целовать каждый палец, как будто бы хотел

воссоединиться с каждой частичкой моего тела.

Что подумает Колин, если появится сейчас у причала? Вот он плывет, стоя на носу яхты, мой храбрый моряк, спешащий ко мне сквозь ночную мглу. Хватит ли у меня решимости, чтобы уехать с ним, или придется остаться здесь с Дексом? От паники меня затрясло, а Декс встал и привлек меня к себе. Радио заиграло композицию «Хожу во сне»^[19]. Первый раз я слышала эту навязчивую мелодию в Калифорнии, когда стояла на балконе в гостинице. Теперь она обрела для меня новое значение. Печальная и как будто призрачная мелодия убаюкивала меня, я словно впала в транс. Сильные, уверенные руки Декса обнимали меня.

– Потанцуй со мной, – попросил он.

Его всегда тянуло на нежности, когда он был нетрезв. Но сейчас все было по-другому, словно все чувства обострились. Возможно, это первый день нашей новой жизни, которая будет длиться вечно. Но возможно, что это наш последний день.

Я не сопротивлялась, когда он прижал меня к себе.

– Я так соскучился, – сказал он, и его теплое дыхание ласкало мою шею. Мой разум противился, но тело жаждало его объятий.

Когда песня закончилась, он отстранился и выглянул на палубу.

– Что такое? – испуганно спросила я.

Он покачал головой.

– Показалось, что я что-то увидел. Наверное, ошибся.

Он снова обнял меня за талию.

На мгновение мне показалось, что на поверхности озера промелькнула какая-то тень – лодка? Но это была лишь рябь на воде.

И тогда я поняла. Я явственно это почувствовала. Колин никогда больше не приедет.

* * *

Декс поцеловал мою руку, налил два бокала вина и вручил один из них мне.

– Нет, спасибо, – поблагодарила я.

– Но почему?

Внезапно я представила, как Декс держит в руках ребенка, с любовью смотрит на него, а потом переводит взгляд на меня. Может быть, ребенок сможет нас примирить? Может быть, это именно то, что нам надо? Мое сердце разрывалось от тоски по Колину, но он больше не вернется. Надо

продолжать жить. Я смотрела на улыбающегося Декса. Моего Декса. Он не всегда был идеальным мужем, но по-своему любил меня. Может быть, сказать ему про ребенка? Я могу это сделать прямо сейчас. Он будет рад и горд. Ведь это будет наш ребенок.

Декс наблюдал за мной, когда я смотрела на озеро.

– Что ты там высматриваешь?

Я быстро повернулась к нему.

– Сегодня такая звездная ночь, – произнесла я, думая о Колине. Он, наверное, уже миновал шлюзы и теперь направляется в залив Пьюджет-Саунд, а оттуда напрямиком в океан, к югу. Без меня... – Мне надо кое-что тебе сказать, – медленно произнесла я.

– Что же? – Декс чмокнул меня в щеку, и я почувствовала комок в горле.

– Декс, у нас будет ребенок.

Слова вырвались из моих уст, словно против моей воли, но, произнеся их, я почувствовала облегчение. Моя тайна теперь раскрыта, и, надеюсь, он примет эту новость благосклонно.

Он подавился вином, расплескав его по ковру, а потом поставил бокал на кухонную стойку.

– Черт возьми, что ты имеешь в виду?

Он недоуменно тряхнул головой, а выражение его лица привело меня в ужас.

Я заставила себя улыбнуться, утешаясь тем, что все мужчины нервничают, когда узнают о беременности жены.

– Я имею в виду, что беременна. Ты скоро станешь отцом, Декс. *Снова* станешь отцом.

Я робко улыбнулась и шагнула к нему.

Декс выглядел потрясенным. Он опустился на диван и отрешенно разглядывал пятно на ковре.

Я вспомнила, как однажды, через месяц после нашей свадьбы, какая-то женщина в универмаге подошла к нам и сунула девятимесячного малыша в руки Декстеру.

– Не подержите его? – спросила она. – Я оставила сумочку в магазине «Фредерик и Нельсон», а тащить Бобби до конца торгового центра все равно что нести на себе тонну кирпичей. – Я заметила, что на лбу у нее выступили капельки пота. – Пожалуйста, подержите его немного. Я вернусь минут через десять или даже скорее.

Я осмотрела коридор торгового центра, и оказалось, что, кроме нас, там были только мальчик-подросток, женщина с двойняшками, которые

только начали ходить, и пятилетним мальчуганом, который в этот самый момент закапризничал и разразился громким ревом. Мне стало понятно, почему она обратилась именно к нам.

Декс судорожно, как робот, протянул к младенцу руки.

– Ну вот, – сказала она, передавая Дексу пухлого малыша. Декс стоял как деревянный. Ему явно было не по себе. Мы наблюдали, как женщина пулей выскочила в дверь и понеслась по улице.

Я изо всех сил старалась не рассмеяться.

– Видел бы ты себя, – сказала я. – Ты просто рожден быть отцом.

От этих слов он застыл еще больше, и малыш начал пищать, а потом писк перешел в оглушительный визг.

– Возьми его, – взмолился Декс, протягивая мне ребенка.

– Вот умничка, – сказала я, укладывая малыша животиком себе на плечо. Я принялась качать его на руках, как всегда делала с маленькими детьми. После школы я часто подрабатывала приходящей няней. Через минуту он закрыл глазки и почти задремал.

– Вот видишь? Эти малыши вовсе не такие уж страшные. Просто надо знать, как с ними обращаться.

Декс в ужасе уставился на меня.

– Только не это, – сказал он. – Никаких младенцев.

Я тряхнула головой.

– Что значит никаких младенцев?

Я не понимала, как можно быть таким холодным по отношению к детям. Мы с ним никогда еще не обсуждали наши планы в отношении детей. Он, конечно, догадывался, что я когда-нибудь захочу ребенка, но конкретных разговоров не было.

– Я имею в виду, что не хочу иметь детей, – честно и откровенно признался он.

– Но, Декстер, – возразила я.

Маленький Бобби сунул свой крохотный кулачок мне в нос.

– Зачем ты это говоришь. Подождем какое-то время. А потом мы захотим...

– Нет, Пенни, – твердо сказал он, а потом повернулся к Третьей авеню. – Мне надо кое-куда забежать. Ты сможешь поймать такси до дома?

– Конечно, – ледяным тоном ответила я.

Я видела, как он уходил, и его походка была напряженной. Женщина вернулась через десять минут, как и обещала, и забрала малыша. А я осталась стоять одна, размышляя над тем, не означает ли полное нежелание Декса иметь детей какие-либо глубокие переживания, связанные с его

собственным детством, или же он просто не хочет детей от *меня*.

– Ну вот, – разочарованно произнесла я, отбрасывая воспоминания прочь. Я положила руку на колено Декса, но он поднялся на ноги, явно раздраженный моим прикосновением.

– Я думала, что ты воспримешь это... с большей радостью.

Декс принялся ходить из одного конца комнаты в другой с таким видом, что сердце мое заколотилось еще чаще.

– Пенни, – наконец произнес он со странной улыбкой. Сейчас он совершенно не был похож на Декса, которого я знала. Его лицо было искажено насмешливой гримасой, глаза были совершенно дикими. Они горели, словно факел.

– Вот уж никогда не подозревал... – Я едва узнала его голос.

– Не бойся, – сказала я, надеясь успокоить его.

Конечно, после признаний в отношении Роксанны он разволновался от известия, что снова станет отцом. Это совершенно естественно. Мне надо развеять его страхи. Надо убедить его, что он вполне подходит для этой роли.

– Дорогой, ты же будешь прекрасным отцом нашему малышу. Это подарок судьбы, твой второй шанс на отцовство. На сей раз ты будешь делать все, как надо. Может быть, он станет художником, как ты. – Я нервно рассмеялась. – Купим ему маленький мольберт. Только представь себе, Декс. Маленький мальчик, который рисует рядом с тобой в мастерской.

В этот момент меня словно накрыла волна счастья. Сама мысль о ребенке, моем ребенке, наполняла меня глубокой радостью. Как бы ни сложилась моя судьба, я больше не буду одна. В моей жизни появится смысл.

Он как-то жутко расхохотался.

– Ты действительно думаешь, что можешь меня обмануть?

Я вопросительно посмотрела на него.

– Обмануть? – Сердце бешено колотилось. Что он говорит?

Он встал и направился к двери.

– Мне следовало бы догадаться. Том сообщил мне, что его теща видела в такси, ты была там с каким-то мужчиной. Вы обнимались. Впрочем, пожалуй, можно было бы простить тебе этот неосмотрительный поступок, учитывая все мои прегрешения.

Он снова расхохотался. Вид его был безумен.

Прегрешения? А как же его излияния сегодня вечером?

– Декс, но я думала, что ты...

Я не узнавала человека, который смотрел на меня.

– Встречи с другими мужчинами? Отлично. Мимолетные увлечения? Не возражаю. У меня они тоже были. Но, дорогая, ты позволила себе забеременеть. – Он потрянул головой. – А вот это непростительно. Видишь ли, дорогая, перед нашим бракосочетанием я прошел стерилизацию.

Его слова были словно ушат ледяной воды, мое сердце разрывалось.

– Давай-ка я еще раз тебе растолкую, любовь моя, – я больше не могу иметь детей. – Губы его растянулись в злой, напряженной улыбке. – Кто бы ни был этот счастливчик, передай ему мои поздравления.

Он вышел, хлопнув дверью, и этот звук стоял у меня в ушах. Из глаз хлынули слезы. Я не знала, что мне делать. Спазмы в животе усилились, и я согнулась пополам. Мать никогда не говорила мне, что беременность может быть столь *болезненной*. Я откинулась на спинку стула и сидела так, пока боль чуть-чуть не утихла. Мне нужен был свежий воздух, и я решила посидеть немного на задней палубе, пока не соображу, что делать дальше. Когда я открыла шкаф, чтобы достать свитер, на пол свалилось пальто Декса. Из внутреннего кармана выпал флакон с таблетками. Я подняла его и прочитала этикетку. «Принимать два раза в день при депрессии». Меня это не удивило. Он действительно часто пребывал в депрессии. Я часто замечала, что он не может уснуть. А иногда я слышала, как он плачет. Но когда я прочитала имя психиатра, прописавшего это лекарство – «Н. Клайд», – у меня глаза на лоб полезли. *Наоми Клайд*. Боже мой, все это время он встречался с Наоми.

В следующее мгновение все встало на свои места, и я наконец ясно увидела то, что было очевидно с самого начала. Ее неприязненные взгляды. Необъяснимая холодность ко мне. Все эти разговоры насчет того, что Дексу необходимо наблюдаться у психиатра. Не было никаких сомнений, что у них любовная связь. У меня мороз пошел по коже. Я надела теплый свитер.

Я не замечала, что плачу, пока не вышла на палубу и не увидела там Джимми, который сидел со скрещенными ногами в полном одиночестве в самом конце причала. Ему уже давно пора было спать. Но потом я услышала смех и музыку, доносившиеся с причала, и поняла, что вечеринка еще не окончена.

– Что случилось, Пенни? – спросил он, подходя ко мне. В руках у него был резиновый мячик. Личико было серьезным и встревоженным.

– Нет, ничего страшного, – солгала я. Он слишком мал, чтобы излить мне мои беды. Я не смогу объяснить ребенку, в какую неразбериху превратилась моя жизнь. Я уставилась в небо, на котором сверкали далекие звезды, и думала о том, какую глупую ошибку совершила. Я осталась здесь

ради Декстера, а он теперь испытывает ко мне лишь презрение, а человек, который меня любит, любит так сильно, что готов быть со мной, даже если я дарю ему лишь половинку своего сердца, сейчас плывет в одиночестве по морским волнам – без меня.

Джимми неотрывно смотрел на горизонт.

– Ты же грустишь, как и я, так ведь?

– Ты угадал.

– А что ты делаешь, когда грустишь? – спросил он. Его глаза были словно две полные луны.

– Я мечтаю, – честно призналась я. – Думаю о том, куда бы я хотела отправиться в один прекрасный день.

В этот момент я представила себя на острове Каталина с Колином. Мы идем рука об руку по пляжу. Я подумала о ребенке, растущем в моем чреве, и представила, как малыш неуклюже топают вместе с нами вдоль берега. Как ни больно было слышать слова Декса, но, по крайней мере, они прояснили ситуацию.

– Я тоже, – сказал он. – Я хочу поехать в Австралию и увидеть медведей коала.

Я улыбнулась.

– А ты куда хотела бы поехать, Пенни?

– На остров Каталина, – сказала я, вглядываясь в озерную гладь, как будто могла узреть там свое будущее. – Там вода бирюзового цвета и всегда солнечно. И там есть большая яхта, которая отвезет меня туда, куда я только пожелаю.

– Как здорово! – воскликнул мальчик, стуча мячиком по причалу. Он некоторое время помолчал, а потом повернулся ко мне: – Можно я уеду с тобой?

О, если бы все было так просто!

Тут я вспомнила о Наоми и живо представила, как она обнимает Декса, шепчет ему в ухо ласковые слова, и меня чуть не стошнило от брезгливости. Мне была отвратительна сама мысль о том, что они могли быть вместе, и в то же время я не имела права их осуждать. Я потеряла это право в ту самую ночь, когда Колин заключил меня в свои объятия. А теперь мне остается только страдать от одиночества.

– Джимми, а что скажут твои родители, когда узнают, что ты удрал из дома? Они расстроятся.

Он пожал плечами.

– Не думаю, что это их волнует.

– Конечно, волнует.

Я обняла его за плечи. Так мы с ним и сидели некоторое время, а потом мое внимание привлек светлый предмет, раскачивающийся на волнах. Я перевесилась через поручни причала, чтобы получше рассмотреть его. Это был маленький стебель выюнка под названием «утреннее сияние», который так ненавидела Наоми.

– Если ты уедешь, все будут по тебе скучать, – тихим голосом произнес Джимми. – Все будут грустить. А если уеду я, никто не будет. До меня здесь никому нет дела.

– Это неправда. Я буду по тебе скучать.

Он улыбнулся.

Я подхватила маленький выюнок и вытащила его из воды. Капли с его белых цветов капали на мое платье.

– Каждый человек, каждый предмет имеет предназначение, цель в жизни. Ты, я и даже этот маленький выюнок. Все в мире взаимосвязано.

Джимми перестал стучать мячом и принялся рассматривать цветок в моей руке.

– Мы всегда должны об этом помнить и осознавать эту связь, даже если вначале детали головоломки не сходятся.

Я подумала о собственной жизни, в которой детали не только не складывались, но были беспорядочно разбросаны, а некоторые даже утеряны. Сложится ли моя жизнь таким образом, как я описала ее Джимми? Я встала и воткнула корни «утреннего сияния» в горшок у дома.

– Вот так, – сказала я себе, выравнивая почву вокруг цветка.

Но в этот момент меня скрутил новый приступ боли, и я схватилась за живот.

Джимми вскочил.

– Что с тобой?

– Да как-то не очень...

Он снова принялся стучать мячиком по причалу, потом подкинул его, но мяч, неожиданно сменив траекторию, упал в воду.

– О нет, – воскликнул мальчик, протягивая руки к мячу. – Я не могу его достать.

– Дай-ка я попробую, – сказала я, наклонившись к воде.

Джимми покачал головой.

– Так не получится. Надо взять каноэ.

– Только не сейчас, милый. Уже слишком темно, – возразила я.

Джимми на мгновение задумался. Быстрое течение уже подхватило мяч и увлекло его вдаль.

– У меня дома есть шест, – сказал он. – Сейчас его принесу.

Через минуту на причале появился Джин.

– А, вот ты где! – сказал он, подходя ко мне.

Я никак не ожидала его увидеть. Интересно, успел ли Декс сказать Наоми о моем состоянии? И догадывается ли Джин о романе между своей женой и моим мужем?

– Можно я тут с тобой посижу?

– Конечно, – сказала я. Джин добрая душа. Его единственный недостаток – слепая любовь к Наоми, из-за которой он закрывает глаза на все ее выходки.

– Сдается мне, что мы с тобой, так сказать, в одной лодке.

Он знает. Интересно, почему же он не сказал мне? Но это ничего не меняет: между нашими супругами любовная связь. Он об этом знает, а теперь знаю и я.

– Я чувствую себя полной дурой, – произнесла я. – Что же нам делать?

Джин улыбнулся. Он щадил мои чувства. Тем не менее в подобной ситуации страдания и разрушение часто бывают неизбежны. Здесь не бывает победителей.

– Ну, как мне кажется, существует только одно решение, – произнес он. Его глаза сверкнули, и на мгновение мне показалось, что я вижу перед собой совсем другого человека. Он был на удивление резок и решителен. Я оглянулась. Скоро вернется Джимми. Мне не хотелось, чтобы он слышал наш разговор, все эти грязные подробности в отношении его матери и моего мужа.

Боль в животе стала почти нестерпимой, и я согнулась пополам. Я слышала звук лодочного мотора вдалеке, шаги за своей спиной. Но все это померкло по сравнению с болью, которая буквально разрывала мое чрево. Потом вдруг я ощутила чьи-то руки на своей шее. Я судорожно ловила ртом воздух, но не могла вдохнуть. Я пыталась повернуть голову вправо, влево, но никого не видела. Просто чувствовала, как чьи-то пальцы сжимают мое горло все сильнее и сильнее. А потом – лишь ледяные воды озера и темнота.

Глава 30

Ада

В воскресенье я согласилась пойти с Алексом в церковь. Мы припарковались за пару кварталов от собора Святого Марка, и уже был слышен звон его колоколов.

– Я так люблю эти звуки, но почти забыла о них, – призналась я, выходя из машины.

– Келли обещала подвезти Грэйси к собору, – сказал Алекс. Было видно, что он нервничает, но я делала вид, что не замечаю этого. По правде говоря, я тоже сомневалась, что все пройдет хорошо. Я впервые увижусь с Грэйси и просто не знала, как себя вести. Может быть, она воспримет меня как соперницу, претендующую на внимание ее отца? Как препятствие в общении с ним? Оставалось надеяться, что этого не случится.

Мы пошли по дорожке, ведущей к монументальному зданию церкви. Воздух был свежим и прохладным – верный признак приближения осени, напоминающий о том, что, возможно, скоро придет время покинуть Лодочную улицу. Срок аренды заканчивался через неделю, и, хотя Алекс время от времени намекал, что мне следует остаться, мы до сих пор не обсуждали наши совместные планы, да я и не была к этому готова. Поездка в Сиэтл была моим большим приключением, отчаянной попыткой исцелиться. Я даже не предполагала, что встречу Алекса, влюблюсь в Лодочную улицу и во что бы то ни стало пожелаю разгадать тайну Пенни Уэнтуорт. Короче говоря, я не ожидала, что Сиэтл завоюет мое сердце, пока мне не хотелось с ним расставаться. Мы шли рядом в полном молчании. Я вспомнила, что как-то мне сказал доктор Эвинсон: «Живи сегодняшним днем». И в этом я была с ним полностью согласна.

На подъездной дорожке одиноко стоял черный «Фольксваген». Я почувствовала, как напрягся Алекс, когда мы приблизились к нему, и поняла, что это, должно быть, машина Келли. Я живо представила его сидящим рядом с ней в те времена, когда в их семье царилло счастье. Рука Келли покоилась на его бедре. Алекс ослепительно улыбается и поглаживает ее шею.

Из выхлопной трубы вырывались темные клубы дыма.

– Я, пожалуй, подожду здесь, – сказала я. – Хочу полюбоваться на эти витражи.

Алекс кивнул и натянуто улыбнулся.

– Уверен, Грэйси тебя полюбит.

– Надеюсь, – прошептала я, наблюдая, как он направляется к автомобилю.

Алекс открыл дверь машины, и я увидела лицо Келли. Было заметно, что она слегка раздражена. Ее светлые волосы зачесаны назад, на лице ни следа косметики, и все же она потрясающе красива. На секунду я почувствовала укол ревности. Это мать его ребенка. *Мать*. Меня удивили мои эмоции, и я постаралась загасить их, пока они не захлестнули меня целиком. Келли бросила взгляд в мою сторону, и наши глаза на мгновение встретились, но она тут же отвернулась. Алекс поговорил с ней и потом закрыл дверь. Все это больше похоже на деловые отношения, но я не могла отделаться от мысли, что мое присутствие затрудняет их общение. Я представила себя на месте Келли. Допустим, произошло невозможное: мы с Джеймсом расстались и он встретил другую женщину. Я была уверена, что возненавидела бы любую, кто претендовал бы на то, чтобы завоевать расположение моей дочери. Я бы испытывала к ней бесконечную неприязнь. Мне было стыдно в этом признаться, но это была суцая правда.

Но я забыла все свои печали, когда открылась задняя дверь и из машины выпорхнула маленькая девочка в розовых легинсах и вязаном платьице лилового цвета, похожем на длинный свитер. Алекс подхватил ее на руки, и она улыбнулась во весь рот, демонстрируя дырку от выпавшего зуба. Ей восемь лет. Она хорошенькая, белокурая, как ее мать, и, разумеется, папочка в ней души не чает. Хотя она совершенно не похожа на Эллу внешне, чем-то она неуловимо напоминала мне ее... Я закусила губу, когда Алекс поставил ее на землю, и она помахала рукой, прощаясь с матерью. Я не могла видеть выражение лица Келли, но представляла, как она на меня смотрит в зеркало заднего вида. Наверное, ей хотелось бы быть на моем месте.

Я с опаской подошла к ним.

– Привет, – сказала я. – Меня зовут Ада.

– А я знаю, – заявила девчушка. – Мама мне о тебе рассказывала.

У меня перехватило дыхание. Я не имела ни малейшего представления, что обо мне говорила ее мать, но старалась об этом не задумываться. Это был очень важный момент, и я не хотела, чтобы они почувствовали мою неуверенность. Я опустилась на корточки рядом с ней. Что бы я сказала подружкам Эллы в такой щекотливый момент? Мое внимание привлекли стразы на ее платьице.

– Как мне нравится твое платьице!

Носик девчухи был усеян крохотными веснушками.

– Спасибо, – сказала она. – Знаешь что произошло?

– Что же?

– На прошлой неделе у меня выпал зуб.

У нее такой милый тоненький голосок.

– Правда?

Она кивнула.

– Мама сказала, что к нам домой придет зубная фея, и к *pape* тоже.

Я улыбнулась и взглянула на Алекса.

– Отлично. А я слышала, что зубная фея дарит особенно щедрые подарки, когда посещает плавучие домики.

– Дааа? – заинтересовалась Грэйси. – Я сегодня остаюсь у папы.

Алекс улыбнулся мне с заговорщическим видом.

Церковные колокола снова зазвонили, и он сделал знак, что пора идти в церковь.

– Ну, пойдете, – сказал он. – Давайте найдем свободные места.

Мы пересекли просторное помещение и заняли места в заднем ряду. Алекс наблюдал, как Грэйси мне улыбается, когда начали исполнять первый псалом. На самом деле я не слышала слова проповеди. Я думала о том бремени, которое возложила на меня судьба, и о том, как мне хотелось бы разделить его с кем-нибудь. Боже, позволишь ли ты мне это? Я вовсе не была в этом уверена. Но я знала одно – Алекс был прав. Чувство сопричастности, единения с миром было невыразимо прекрасно и, несомненно, дарило утешение.

* * *

Когда мы уже возвращались на причал, телефон Алекса зазвонил. Мы с Грэйси слушали, что он говорил. Было видно, что он слегка расстроен.

– Это мой заказчик из журнала «Сиэтл», – объяснил он. – Пришел макет статьи об испанских закусовых для весеннего номера, и он не совсем соответствует задумкам главного редактора. – Он въехал на парковку у Фэрвью-авеню, остановил машину и в задумчивости потер лоб. – Они хотят, чтобы я приехал и сделал новые снимки.

– Неужели? – возмутилась я. – Это совершенно неразумно.

Алекс растерянно пожал плечами.

– Таковы условия контракта. У меня нет выбора. Я должен ехать туда и все исправлять или... – он вздохнул и потянулся к телефону. – Позвоню,

пожалуй, Келли.

– Но зачем? – поспешно возразила я. – Мы с Грэйси можем подождать тебя здесь, пока ты не вернешься.

Он улыбнулся с видимым облегчением.

– Правда?

Я кивнула.

Он повернулся и посмотрел на Грэйси, а она захихикала.

– Все нормально, папочка.

Она повернулась ко мне.

– А можно я посмотрю твой плавающий домик?

– Я тебе устрою по нему экскурсию.

Я взяла Грэйси за руку, и мы вышли из машины. Алекс пошел к своему причалу, чтобы забрать камеру, а мы направились к Лодочной улице.

– Пока, сладкая парочка, – сказал он. – Обещаю, через пару-тройку часов я буду с вами.

Когда мы взошли на палубу моего домика, я увидела, что к причалу приближается Джим. Он был удивлен, увидев меня с ребенком.

– Ой, – растерянно произнес он, приглаживая волосы рукой. – А я просто хотел зайти поздороваться.

– Вот и отлично, – сказала я, вспомнив, что прошлым вечером во время Бала холостяков он сказался больным. – Вам уже лучше?

– Да, спасибо. – Он посмотрел на Грэйси, потом повернулся ко мне: – Может быть, мне лучше вам не мешать?

– Входите, буду рада пообщаться, – сказала я.

– И все же я лучше вернусь к себе. Видите ли, у папы сегодня плохой день.

Я была озадачена его странным поведением, но улыбка Грэйси отвлекла меня от грустных мыслей. Ее огромные зеленые глаза заставляли забыть все тревоги.

– А у тебя есть двухэтажная кровать? – спросила она. – Как бы я хотела, чтобы у папы была такая!

– Нет. Зато у меня есть чердак. И он тоже прикольный.

Девчушка запрыгала от радости.

– А можно посмотреть?

– Конечно, можно.

Войдя в дом, я начала показывать его достопримечательности, но ей это скоро надоело, и она забралась на высокий стул у бара.

– А ты любишь моего папу?

Щеки мои вспыхнули.

– Ну, мы не так давно знакомы, но я думаю, что твой папа потрясающий человек.

– Так и есть, – решительно сказала она. – А ты знаешь, что он может спрятать монетку в ухе и вытащить ее из руки?

– Да ты что?

Она кивнула, и я мгновенно вспомнила, как Джеймс проделывал тот же нехитрый фокус для Эллы, которая неизменно приходила в восторг.

– А еще он может завязывать рыбацкий узел, – заявила она. – Это очень трудно, но я тоже учусь.

– Не хочешь поесть? – спросила я, изучая содержимое холодильника в поисках еды, подходящей для детского желудка.

– А у тебя есть пирожные?

– К сожалению, нет.

– А мы можем приготовить, – предложила девочка.

Она сидела на стуле, болтая ногами, а потом подтянула их под подбородок и с нетерпением взглянула на меня.

– Мы с мамой всегда печем пирожные.

Разумеется, ведь ее мама шеф-повар, удостоенный многочисленных наград.

– Ну, хорошо, у меня в буфете найдется немного муки и сахара, но я не знаю рецепта...

– Ну-у... – малышка явно была разочарована.

И тут я вспомнила о маленькой синей записной книжке Пенни, в которой были записаны рецепты.

– Послушай, я кое-что придумала.

Грэйси проследовала за мной к сундуку в гостиной.

– Ты умеешь хранить тайны? – спросила я.

Она с готовностью кивнула.

– Я нашла сундук, наполненный древними сокровищами, – сказала я, поднимая крышку.

Я показала ей свадебное платье, перчатки и другие реликвии из жизни Пенни Уэнтуорт, а потом вытащила записную книжку.

– Все это принадлежало женщине, которая жила здесь давным-давно. Ее звали Пенни.

Я передала ей записную книжку с рецептами, и девочка принялась листать страницы, пока что-то не привлекло ее внимание.

– Рулетики с корицей, – сказала она. – М-м-м...

Она отдала мне книжечку с рецептами, и я изучила список ингредиентов.

– Думаю, у нас все для этого есть. Давай попробуем, что у нас получится.

Грэйси радостно завизжала и побежала за мной на кухню. Мы вместе разбили яйца и смешали масло и сахар. Кухня наполнилась божественными ароматами ванили, корицы и горячего масла, и, когда наконец зазвонил таймер духовки, мы едва дождались, пока рулетики остынут, и принялись их есть, разумеется, с теплым молоком.

– Это лучшие пирожные, которые я когда-нибудь пробовала, – заявила Грэйси.

– Я, пожалуй, с тобой соглашусь, – сказала я, протягивая руку за новой порцией.

Когда пирожные остыли, я положила полдюжины в пакет.

– Это для твоего папы, – сказала я. – И надо оставить несколько штук для твоей мамы.

Интересно, что скажет Келли – профессиональный повар – о моих кулинарных способностях? Но больше всего меня интересовало, что она подумает о том, что я провожу время с ее дочерью.

Когда Алекс наконец постучал в дверь и вошел в комнату, мы увлеченно раскладывали на полу двойной пасьянс.

– Привет, – заявил он с порога.

Я подняла взгляд, положив очередную карту на стопку червей.

– Ну, как все прошло?

Он закатил глаза.

– В общем, отлично. Рад, что со всем этим разобрался. Как тут моя девочка?

Грэйси вскочила.

– А мы пекли пирожные!

Алекс расплылся в улыбке.

– Знаю. Этот божественный аромат чувствуется даже на улице. Можно попробовать?

Грэйси вручила ему пакет.

– Ух ты, – произнес он. – Вкусные, наверное.

– Пекли по рецепту Пенни, – пояснила я.

Он повернулся к Грэйси.

– А теперь я должен забрать эту малышку домой. – Он на секунду замялся. – Ты можешь пойти с нами, Ада, если хочешь.

– Нет, – быстро ответила я. – Идите вдвоем. Мне сегодня надо закончить кое-какие дела.

– Ну, хорошо. Заходи попозже, ладно?

Не успел Алекс уйти, как я бросилась звонить Джоани.

– Я сегодня все утро провела с дочкой Алекса, – сообщила я, устраиваясь на диване. – Мы вместе ходили в церковь.

– В церковь?

– Да, и там мне было так хорошо, так легко.

– И как тебе девочка?

– Она очаровательна. – У меня словно комок стоял в горле. – Элле бы она понравилась.

– Как ты думаешь, а ты ей понравилась?

– Думаю, да, – ответила я. – Во время проповеди она заплетала мои волосы, а потом мы пекли пирожные у меня дома.

– Вот и отлично, – сказала Джоани. – Как продвигается расследование?

– Мне кажется, я зашла в тупик, – честно призналась я, раскладывая содержимое сундука Пенни на полу. – Никто не хочет говорить о Пенни. Думаю, надо разыскать ее мужа.

– Как его зовут?

– Декстер Уэнтуорт.

– Звучит, как имя персонажа из детективных сериалов. Знаешь, такой богатый избалованный плейбой, которые всегда уходят от возмездия за убийство, потому что денежные мешки – их папаша – нанимают ушлого адвоката.

Я представляла, как Джоани выразительно закатывает глаза на другом конце континента.

– Не надо пока его осуждать, – сказала я. – А если он действительно всего лишь безутешный муж?

– Разве ты не упоминала, что у него были интрижки с другими женщинами?

– Допустим, – сказала я, вспоминая о Лане Тёрнер. Конечно, это только предположение, но уж больно похожее на правду. – Да, наверное, так и было. Но ведь это не повод для убийства. У многих мужчин в пятидесятые годы были романы на стороне. Вспомни сериал «Безумцы»^[20].

– Интересно, он похож на Дона Дрейпера^[21]? – мечтательно протянула Джоани.

– Знаешь, а он на самом деле ничуть не хуже, чем этот красавец, – сказала я. – Судя по фотографиям, которые я видела, у него были темные волосы и очень самоуверенный вид.

– Ну, хорошо. Но ты уж там поосторожней, пожалуйста. Если он все-таки имеет отношение к исчезновению Пенни, то ему вряд ли понравится, что ты везде суешь свой нос.

– О чем ты говоришь, Джоани, ему сейчас уже за *девяносто*.

– Знаю, – ответила она. – Не имеет значения, сколько лет преступнику. Если он хочет скрыть правду, то его ничто не остановит.

* * *

Положив трубку, я еще некоторое время обдумывала наш разговор с Джоани. Но я была твердо уверена, что мне не удастся сложить вместе весь пазл этой истории Пенни, не выслушав Декстера. Поэтому я использовала свое мастерство поиска в Интернете, приобретенное за годы работы репортером, и в конце концов мне удалось разыскать адрес интерната для престарелых, где он в настоящее время пребывал.

Я набрала его номер и в ожидании ответа на звонок принялась просматривать абстрактные пейзажи Декстера Уэнтуорта на сайте его поклонников. Они были довольно большие, выполненные резкими мазками и почему-то не излучали никакого тепла. Интересно, насколько произведения Декстера Уэнтуорта-художника отражают внутренний мир Декстера Уэнтуорта-человека?

После третьего звонка оператор сняла трубку, и я попросила ее соединить меня с Декстером Уэнтуортом.

Через минуту в трубке раздался низкий, хрипловатый голос, явно принадлежащий пожилому человеку.

– Алло?

– Мистер Уэнтуорт, меня зовут Ада Санторини.

Меня удивило, что я так сильно разволновалась. Мне не хотелось, чтобы он сразу же повесил трубку, мне важно было узнать, что он может рассказать о своей жене.

– Понимаете, я живу в плавучем домике, который раньше принадлежал вам, и я звоню, чтобы задать вам кое-какие вопросы.

– Вы живете на Лодочной улице?

– Да, – осторожно ответила я.

– Эта недвижимость принадлежит моей дочери. Если у вас вопросы, связанные с арендой, лучше решите это с Роксанной.

– На самом деле речь не о вашем доме, – сказала я. – Я хочу кое-что узнать о вашей жене, Пенни.

В трубке воцарилось молчание.

– Мистер Уэнтуорт? Вы меня слышите?

– Да, – ответил он. – Слышу.

– Мистер Уэнтуорт, я нашла кое-какие вещи вашей жены и подумала, что вам следует об этом знать.

– Мисс?..

– Санторини.

– Мисс Санторини, почему бы вам не подъехать ко мне сегодня после обеда?

– Хорошо, – сказала я, и сердце мое отчаянно забилось. – Это было бы просто замечательно.

– Я живу в номере сорок семь в интернате в Лэйквью.

– Я могу быть у вас в три.

– Договорились.

Я взглянула на оставшиеся пирожные и решила отвезти их Декстеру. В подарок от Пенни.

Глава 31

Алекс появился у меня на пороге, когда я уже выходила, чтобы поймать такси до пансионата, где теперь жил Декстер.

– Рад, что застал тебя.

Он запыхался, потому что бежал по причалу. В руках у него был открытый конверт из грубой бумаги.

– А где Грэйси?

– Смотрит кино, – сказал он, оглядываясь через плечо. Через окно я могла видеть, что она сидит на диване Алекса. Я улыбнулась.

– Ты надел на нее спасательный жилет?

– Таковы правила пребывания в плавучем доме.

– Мне нравится, что ты страдаешь паранойей.

– Послушай, – сказал он, – я просматривал кое-какие старые снимки, которые сделал пять лет назад, когда впервые прибыл на Лодочную улицу, и обнаружил кое-что интересное.

Он передал мне конверт, и я вытащила оттуда пачку черно-белых фотографий размером восемь на десять дюймов. Я просмотрела первые пять – на них были изображены причал, мой домик и простиравшееся за ним озеро, и взглянула на Алекса.

– Не совсем понимаю. Что я здесь должна увидеть?

Он указал на угол снимка, и я заметила женщину, стоящую на коленях перед моим домом.

– Неужели это... Наоми?

Алекс кивнул.

– Похоже, она плачет, – сказала я.

Он показал мне следующую фотографию, а потом еще одну. На каждой из них присутствовала женщина, корчащаяся от горя.

– Она, наверное, не заметила, что я в тот день решил поснимать окрестности, – сказал Алекс. – Очевидно, я ее в тот момент тоже не увидел.

– Как ты думаешь, что бы это могло значить?

– Думаю, это значит, что она испытывает какие-то страдания в связи с твоим домом или кем-то, кто когда-то там жил.

Я взяла верхнюю фотографию и коснулась того уголка, где стояла на коленях Наоми, закрывая лицо руками. Я почти чувствовала ее невыносимую боль, которую словно излучала эта старая черно-белая фотография.

Я вышла из лифта, и в коридоре резкий запах заведения ударил мне в нос. Какой у него номер? Точно, комната 1201. Я зашла за угол и оказалась перед дверью с цифрой 1201. Мое сердце чуть не выскочило из груди. Я протянула руку к двери и постучала.

Один раз, потом другой.

Через мгновение дверь со скрипом отворилась, и передо мной предстал Декстер. Он был высоким и подтянутым и совершенно не походил на девяностолетнего старца. Серые ухоженные волосы были аккуратно зачесаны набок.

– Мисс Санторини? – с улыбкой спросил он. Теперь я могла понять, почему Пенни считала его таким привлекательным.

– Пожалуйста, называйте меня Ада.

Он пригласил меня пройти. Чистая, уютная квартира была со вкусом обставлена современной мебелью – я заметила угловой диван и полированный кофейный столик. Похоже, над интерьером поработал умелый дизайнер. Не сомневаюсь, что это была женщина. Интересно, он за ней ухаживает? Я представила себе даму моложе его раза в два, лихо водящую «БМВ».

– Хотите что-нибудь выпить? – предложил он.

– Воды, пожалуйста.

Он вернулся с маленькой бутылочкой «Эвиана» из холодильника и поставил ее на кофейный столик передо мной. Бутылка запотела, и капельки воды скатывались по стеклу.

– Итак, – бодро начал он, – чем могу вам помочь?

Я положила пакет с рулетиками на кофейный стол.

– Хотите попробовать?

– Нет, спасибо, – сказал он, указывая на сердце. – Я вынужден соблюдать строжайшую диету.

– Я это испекла по рецепту вашей жены, – сказала я. – Рулеты с корицей по рецепту Пенни.

Он выглядел потрясенным.

– Вы сказали, что это по рецепту Пенни? Каким образом вы...

– Я нашла записную книжку с рецептами.

– Где?

– В сундуке, который стоит в доме.

– В гостиной?

– Да. Ее вещи в целости и сохранности. Время их пощадило. Ее свадебное платье, кое-какие книжки и разные памятные вещи...

Я вытащила синюю записную книжку и положила ее на стол. Он взял ее и начал листать страницы. Его подбородок слегка затрясся от волнения при виде знакомого почерка.

Было довольно забавно наблюдать за этим стариком. Но его переживания были глубоко личными, поэтому я подняла глаза и принялась разглядывать женский портрет на стене. Она была очень красива, со светлыми волосами, в платье с глубоким вырезом. Женщина сидела на причале, всматриваясь в серые воды озера. Устремленные вдаль глаза были полны грусти. Казалось, она находится не в настоящем, а всматривается в будущее. Наверное, это и есть Пенни.

– Да, это она, – сказал Декстер, проследив за моим взглядом. – Я написал этот портрет через год после ее исчезновения.

– Она была необыкновенно красива, – сказала я.

Декстер кивнул.

– Она была самым красивым созданием, которое я когда-либо видел. Столько лет прошло, а я так и не встретил никого, кто мог бы с ней сравниться.

– Вы были счастливы вместе?

Декстер в задумчивости потер лоб.

– Когда-то давно... Но я был слишком поглощен работой. Случались и мимолетные увлечения, и я никогда не прощу себе этого.

Я подумала о Лане Тёрнер, но не решилась спросить его о ней.

– Как вы думаете, что же все-таки случилось в ту ночь, когда исчезла Пенни?

– Хотел бы я это знать, – произнес он. – Дело в том, что кошмары этой ночи постоянно преследуют меня. Я снова и снова прокручиваю все события в голове в надежде, что вспомню что-либо, ускользнувшее от моего внимания в тот роковой день.

– Расскажите мне все, что помните.

Декстер вздохнул.

– В тот вечер был Бал холостяков на причале, ежегодная вечеринка с участием всех соседей. Мы тогда сильно поссорились.

– Из-за чего?

– Она сообщила мне, что беременна, – сказал он.

– Вы должны были бы быть счастливы?

Он грустно покачал головой.

– Я знал, что этот ребенок не от меня. Я был так ослеплен гневом, что

не думал о ее переживаниях, о том, в каком ужасном положении она оказалась. Зачем я заставил ее страдать? Она вовсе не заслуживала такого отношения. Если бы можно было повернуть время вспять, я бы с радостью принял это известие, считал бы этого ребенка своим.

– Значит, вы оттолкнули ее?

– Я хотел, чтобы она заплатила за всю боль, которую мне причинила. Я убежал тогда из дома. И пошел к Наоми.

Я подняла брови, вспомнив фотографии Наоми, которые показал мне Алекс.

– Между нами была любовная связь, – признался он. – Послушайте, я вовсе не горжусь некоторыми эпизодами из прошлого, особенно этим.

– А когда вы узнали, что Пенни... исчезла?

– Сын Наоми, Джимми, плакал, – сказал он. – Его отец, Джин, пошел посмотреть, где Джимми, и нашел его плачущим в одиночестве на палубе. Позже он сказал мне, что... Знаете, на этот счет потом было много всяких домыслов... В общем, он сказал, что его сын видел, как она уплыла на лодке.

– На лодке? С кем?

– Думаю, с Колином, – сказал он, – он жил на соседнем причале. Наоми рассказала мне, что Пенни сблизилась с ним, когда я находился в Калифорнии. Думаю, он и был отцом ребенка.

Даже сейчас, по прошествии стольких лет, я почувствовала, что Декстер глубоко страдает.

– Тем не менее, – продолжал он, – эта версия распалась. Когда детективы допрашивали этого парня, я узнал, что они с Пенни планировали уехать той ночью вместе, но что-то пошло не так. Они поссорились, и он уехал без нее.

– Вы уверены, что он не вернулся за ней? – спросила я, надеясь в душе, что Пенни в конце концов уплыла в лучах заката с человеком, которого по-настоящему любила.

Он покачал головой.

– Нет, к тому времени, как это случилось, Колин уже вышел на яхте в океан. Он был далеко от озера Юнион. Значит, кто-то другой заманил ее в лодку.

– Кто же это мог быть?

Декстер всплеснул руками.

– Полиция допросила нескольких бездомных, бродивших в окрестностях. Они годами рассматривали одну версию за другой, но ничего не срасталось. Я молил Бога, чтобы в ту ночь она просто прыгнула в лодку

и уплыла, как всегда мечтала. Но не думаю, что это было именно так. Ее мать умерла в 1972-м, так и не увидев дочь, а ведь Пенни имела обыкновение звонить ей почти каждый день.

Он потер лоб.

– Больше всего на свете я жалею, что оставил ее той ночью одну. Мне, со всеми моими прегрешениями, следовало бы простить ее.

Он замолчал и, казалось, еще глубже погрузился в свое горе, но я не собиралась оставлять его в покое, не выяснив все обстоятельства.

– А Колин? – спросила я. – Как он жил все это время?

– Я сам хотел бы это знать, – ответил он, снова поднимая глаза. – Он покинул Лодочную улицу и никогда больше туда не возвращался, за исключением одного-единственного раза, когда оставил яхту на попечение Джимми.

– Да, я знаю.

– Я выяснил это только годы спустя, – продолжал он. – Но, судя по всему, Колин погиб.

– Каким образом?

– На яхте в Ки-Уэст. Говорят, у него случился сердечный приступ. Береговая охрана обнаружила его, когда он уже скончался.

Декстер был мрачен.

Я размышляла об этих двух мужчинах. Их сближало только одно – любовь к прекрасной женщине, и жизнь обоих сложилась не слишком счастливо.

– Жаль, – произнесла я после минутного молчания. – Я надеялась, что жизнь Колина сложится иначе.

– Я тоже, – тихим голосом произнес Декстер.

Он уставился на свои руки, которые судорожно сжимал на коленях.

Интересно, что бы Пенни подумала о своем муже, если бы сейчас находилась здесь. Он больше никогда не был женат, почти прекратил писать картины – по крайней мере, так писали в Интернете. Было заметно, что этот человек несет тяжелое бремя страдания. Смогла бы она полюбить его снова? Простила бы? Я вновь осмотрела комнату. Что я ищу? Ключ к разгадке? Какой-нибудь знак? Тут я заметила небольшую рамку на книжной полке. Это было какое-то объявление, рекламный листок. Шрифт показался знакомым, но я никак не могла понять, где я это уже видела. Я встала и прошла в другой конец комнаты, чтобы лучше рассмотреть.

Руки мои слегка дрожали, когда я сняла с полки рамку и прочитала полустертую надпись, сделанную золотыми буквами: «Судоходная компания Лейтон». Я потеряла дар речи. На боку кораблика Эллы была

такая же надпись.

– Откуда это у вас? – спросила я, поворачиваясь к Декстеру.

История жизни Пенни, моя собственная история – круг замкнулся. Сердце бешено колотилось в груди, и я боялась, что Декстер услышит его стук. Мне казалось, что оно стучит, как барабан.

– Мой отец был владельцем этой компании, – сказал он. – По правде говоря, даже когда я был успешным художником, я никогда не мог зарабатывать этим ремеслом достаточно денег, чтобы вести тот образ жизни, к которому привыкли в моей семье. Состояние отца позволяло мне поддерживать достойное существование. Он был самым щедрым моим меценатом, даже несмотря на то что мы практически не общались. Конечно, в те времена я об этом и не подозревал. Все это выяснилось много лет спустя.

– Но это название, – сказала я, указывая на золотые буквы. – У моей дочери была деревянная яхточка с таким же названием на борту.

– Понятно, – сказал он, поднимаясь на ноги. Декстер прошел к буфету и вытащил маленькую деревянную фигурку – точную копию Эгги.

– Такая?

– Боже, – воскликнула я. – Точно такая же!

– Мой отец велел изготовить несколько сотен штук таких моделей. Их когда-то продавали в сувенирных магазинах. Обычно я брал кораблики с собой на озеро и пускал их на воду. Мне всегда было интересно, куда их унесет течение – возможно, через шлюзы в океан. Подумать только, один из этих корабликов попал в руки вашей дочери. Может быть, ей понравится и этот? Это последний из моей коллекции, и я буду счастлив подарить его ей.

– Не стоит, – быстро ответила я. У меня просто не было сил сказать ему, что Эллы больше нет на свете, и оставалось только надеяться, что он не заметит слезы в моих глазах.

– Я вам очень признательна, но лучше оставьте кораблик себе. Наверное, он для вас много значит.

– Нет-нет, – возразил он. – Я настаиваю. – Он сунул кораблик мне в руки, и только тогда я смогла прочитать надпись на борту.

– «Мэри-Джо», – произнесла я с улыбкой. – А у дочери была «Агнесс-Энн». Мы называли ее Эгги.

– Все они изготовлены и покрашены вручную, – произнес он, – и у всех разные имена. Курьез заключался в том, что они были названы именами многочисленных подружек отца.

Я улыбнулась.

– Спасибо, – сказала я, разглядывая яхточку и представляя, что сказала

бы Элла, если бы была здесь. – Неожиданный сюрприз.

– Столь же неожиданный, как и встреча с вами, – с улыбкой произнес Декстер.

– Я вам оставляю записную книжку Пенни. Если хотите, я потом привезу ее сундук, когда мой друг Алекс сможет подбросить меня сюда. Он довольно тяжелый.

– Был бы вам очень благодарен, – ответил старик.

Я сунула маленький кораблик в сумку.

– Ну что же, – сказала я, направляясь к двери, – благодарю вас еще раз, Декстер. Куда бы ни уехала Пенни, надеюсь, она знает, как сильно вы ее любили и не переставали думать о ней всю жизнь.

– Я тоже на это надеюсь, – сказал он в ответ.

* * *

Этим вечером мы с Алексом встретились в Фэрвью, чтобы поужинать в небольшом кафе, где готовили замечательные блинчики. Он заказал с ветчиной и сыром проволоне, а я с козьим сыром, шпинатом и помидорами. Мы наблюдали, как женщина за стойкой льет жидкое тесто на круглое колесо и с помощью деревянной лопатки выравнивает его до идеального круга. Через несколько секунд тесто поднималось и пузырилось, приобретая золотисто-коричневый оттенок. Она протянула руку к лотку с сыром под названием «Pro 3–5», потом покачала головой и сунула его под полку.

– Забыла вовремя выбросить. Нашла в дальнем углу холодильника. Срок годности истек несколько месяцев назад.

Она открыла новый лоток с кусочками сыра и положила несколько на блинчик Алекса. Однако я не обеспокоилась по поводу пришедшего в негодность сыра. Мое внимание привлекли буквы «Pro 3–5». Знаю, что это звучит глупо. Это не что иное, как срок годности сыра проволоне, но я вдруг набрала в смартфоне «Притча 3:5» и прочитала следующие слова: «Надейся на Господа всем сердцем твоим, и не полагайся на разум твой. Во всех путях твоих познавай Его, и Он направит стези твои».

Он направит стези твои...

– Что с тобой? – спросил Алекс, взяв тарелку с блинчиком.

– Ничего, – улыбнулась я, но, когда мы вернулись на Лодочную улицу, я подумала о Джеймсе и Элле, о боли одиночества, прочно засевшей в моем сердце, и произнесла небольшую молитву. «Боже милостивый, если ты есть

на небесах, помоги мне найти свой путь. Я больше не хочу быть потерянной в этой жизни».

Глава 32

На следующий день я сняла трубку и набрала номер, по которому давно собиралась позвонить.

– Привет, мама, – сказала я тихо, услышав ее голос.

– Ада, это ты?

– Да, – сказала я сквозь слезы, – мама, прости, что так долго не звонила.

Я живо представила ее стоящей на кухне перед большим окном, открывающимся на улицу, где, словно верный страж, возвышался старый платан. Элла любила залезать на это дерево. Я качала ее там на качелях, на которых сама часто качалась в детстве.

– Прости меня...

– Не надо, милая, – сказала она. В голосе ее чувствовалась обида, но я слышала также приятие и любовь, которую я тоже испытывала бы по отношению к Элле, если бы у нее случились тяжелые времена. – Пожалуйста, не извиняйся. Я знала, ты позвонишь, когда будешь к этому готова.

По правде говоря, я не была уверена, что готова, просто затягивать молчание дольше было уже невозможно.

– Я была не права, когда спряталась в свою раковину, – сказала я. – Хочу, чтобы ты знала, что это не имеет к тебе ни малейшего отношения. Я просто была очень слабой. Боялась, что если услышу в твоем голосе печаль, то больше не смогу сдерживаться, а это лишь усилило бы мое горе.

– Понимаю, – сказала она. – Мы с отцом всегда хотели, чтобы ты знала, как сильно мы тебя любим. Именно поэтому мы и звонили без конца.

– Я получала ваши сообщения, – сказала я. – И письма тоже. Все без исключения. Мама, я просто боялась, что не вынесу разговоров об этой трагедии. – Я глубоко вздохнула. – Я сейчас в Сиэтле.

– В Сиэтле?

– Да, переехала туда на лето, – сказала я. – Уехала из Нью-Йорка, бросила работу. И мне здесь нравится. Мама, я здесь встретила одного человека. Его зовут Алекс.

Я слышала, что она плачет.

– Мама, с тобой все в порядке?

– Да, – произнесла она. – Я так счастлива слышать твой голос, милая, вот и все.

- Передай привет папе, хорошо?
- Обязательно. Когда мы сможем повидаться с тобой?
- Уже скоро, – ответила я. – Думаю, мы сможем провести День благодарения в этом году вместе. Скажи, а тетя Луиза все еще готовит эту ужасную запеканку из фасоли?
- Ты же знаешь, это ее фирменное блюдо, – рассмеялась она.
- Приготовь местечко за столом и для меня.
- Может быть, для вас двоих?
- Я еще ни в чем не уверена, – сказала я, глядя в окно на плавучий домик Алекса.

* * *

Утро казалось нестерпимо долгим, я никак не могла выбросить из головы Декстера. Сквозь окна лился солнечный свет, отражаясь от серебряной рамы с картиной, изображающей парусник «Каталина». Я принялась снова разглядывать корабль, а потом вдруг вспомнила то, что я несколько лет назад говорила Элле. Она потеряла Эгги, и мы отправились сначала в школу, чтобы разыскать там маленький кораблик, потом в супермаркет и в парк. Казалось, обошли почти весь Нью-Йорк. После утомительных безуспешных поисков оказалось, что Эгги завалилась за кровать. Мы извлекли из этого происшествия урок: то, что ищешь, обычно находится у тебя под носом. И тут вдруг меня осенило – я вспомнила, что кое-что обнаружила в сундуке Пенни несколько дней назад. Я вытащила этот предмет, сунула в карман и выбежала на причал, где Джим в этот момент пришвартовывал «Каталину».

- Мне надо поговорить с вашими родителями, – сказала я прерывающимся от волнения голосом.
- Но они не могут, они...
- Джим, это очень важно. Пожалуйста, позвольте мне поговорить с ними!

* * *

Мать Джима налила в чашку чай из белого керамического чайника, а потом передала ее мне.

- Благодарю вас, – сказала я.

– Джин плохо себя чувствует и не сможет к нам присоединиться, – с ходу предупредила она.

– Печально это слышать.

Джим обменялся с матерью многозначительными взглядами.

Она закинула ногу на ногу.

– Итак, что вы желаете у меня спросить?

– Вот, – сказала я, вытаскивая из сумки фотографию Пенни, которую нашла в сундуке. – Вы ведь помните эту женщину?

Она потянулась за очками, лежащими на кофейном столике, и внимательно посмотрела на снимок в своей руке. Лицо ее было напряженным и, как мне показалось, измученным. Я подумала, что после стольких лет практики, когда она терзала пациентов вопросами, ей было не особенно приятно самой оказаться на их месте.

Она положила фотографию на столик. Вид у нее был совершенно потрясенный.

– Да, – медленно произнесла она. – Я была с ней знакома много лет назад. Ее зовут Пенни Уэнтуорт. Это жена Декстера.

Она замолчала, как будто зачарованная звуком его имени.

– Знаю, – сказала я. – Мы с ним вчера встречались.

– Вот как?

Я вспомнила фотографии Алекса, на которых Наоми рыдала, скорчившись от горя.

Ее глаза затуманились, и я увидела затаенное страдание в ее взгляде, это было похоже на шторм, набирающий силу над океаном. Джим подал ей носовой платок.

– Все хорошо, мама, не волнуйся.

Личина неприступной женщины, которую она являла миру, слетела без следа.

– Ну и как он? – спросила она, не обращая внимания на своего сына.

– Неплохо, – ответила я. – Для своего возраста и состояния здоровья.

– У него проблемы со здоровьем?

– Да, с сердцем неважно.

– Вот как? – сказала она, прижимая уголок платка к глазам. – Если хотите знать правду, я была влюблена в него. Безумно влюблена.

– Мама, пожалуйста, – сказал Джим. – Папа может услышать.

Она резко подняла руку, показывая ему, чтобы он замолчал.

– Неважно. Для него это не тайна.

Джим уставился на свои руки, лежащие на коленях.

– Да, я любила Декстера Уэнтуорта. Но все это было ошибкой,

ужасной ошибкой. Не потому, что он был моим пациентом, а потому что он был женат. Я разрушила его жизнь с Пенни.

Джим вскочил и прошел в кухню, он явно был не в силах выслушивать это признание.

– Она была полной противоположностью мне, – продолжала Наоми. – Добрая, мягкая. Невинная. – Она издала нервный смешок. – Мне так хотелось быть такой же...

Наоми бросила взгляд в сторону Джима.

– Прости меня, сынок, – сказала она со слезами в голосе. – Я была плохой матерью. Ты сможешь меня простить?

– Я давно уже тебя простил, мама, – сказал он, снова садясь рядом с ней.

– Наоми, и все же, что случилось в ту ночь, когда Пенни исчезла?

Она закрыла глаза, как будто воспоминания были еще живы и продолжали терзать ее.

– Они с Декстером поссорились, – сказала она, открывая глаза. – Он был просто вне себя. Я воспользовалась случаем и заманила его в свои объятия. – Она снова закрыла глаза и протянула руки, словно обнимая стоящего перед ней на коленях мужчину. Это видение успокоило ее на какое-то время, а потом заговорил Джим.

– Ты сказала ему, что никогда не сможешь быть счастливой, если вы не будете вместе, – заявил Джим, обращаясь к матери. – Забавно, что после той ночи я наконец осознал, что твои страдания вовсе не связаны с нелюбовью ко мне.

– О, Джим, дорогой, конечно, ты был ни при чем, – она замолчала, глаза ее расширились. – Подожди-ка, каким образом ты...

– Я был там, – сказал он. – Я увидел вас вместе, когда искал свою веревку. Я ее нашел и побежал назад на причал. Но было уже поздно. Пенни нигде не было видно...

Я прикрыла рот рукой, чтобы не закричать, и затрясла головой.

– Джим, что же случилось?

– Не знаю, – ответил он. – Там стоял отец. Он плакал. Я впервые видел его плачущим.

Я ахнула.

– Значит, она поскользнулась и упала в воду? С трудом в это верится. Она много лет жила в плавучем домике и наверняка умела держать равновесие.

Наоми выглядела встревоженной. Я пристально посмотрела в ее глаза.

– Скажите, о чем вы думаете?

Она прикусила губу. Создалось такое впечатление, что она прятала эти воспоминания в отдаленных уголках сознания, словно в закупоренном сосуде, а сейчас этот сосуд дал трещину. Они вырвались наружу, и она их больше не контролировала.

– Это была самая прекрасная и самая ужасная ночь в моей жизни, – сказала она. – Декстер сказал мне, что расстается с Пенни. На какое-то мгновение я возликовала, представляя, что мы наконец-то будем вместе. Я только об этом и думала. И вдруг мечта разбилась – навсегда.

Наоми снова промокнула углы глаз платком.

– После... несчастного случая Ленора и Том постучались в дверь. Полагаю, они знали, что я уединилась там с Декстером. Наверное, все об этом знали. Они рассказали о том, что случилось. Я никогда не видела такого страдания в глазах мужчины. Декстер выскочил из дома в расстегнутой рубашке. Теперь ему все было безразлично. И я ему больше была не нужна. Все, что имело значение для него, – это Пенни. Я побежала за ним на причал и с трудом протолкнулась сквозь толпу зевак.

– Он метался по причалу, зовя ее. Я просто не могла на это смотреть. После этой ночи я Декстера больше не видела. С тех пор его дом всегда сдавался в аренду.

– Наоми, если она была убита... то кто может быть виновен в этом?

Она уставилась на какое-то пятнышко на стене и глубоко задумалась.

– Я все поняла, когда увидела, как он стоит там и плачет, – сказала она. – Я все прочитала в его глазах.

– Неужели это Джин?

Джим отвел глаза.

– Да, – сказала Наоми. – Я поняла, что он сделал это для меня. Для того чтобы я могла быть счастлива.

– И именно поэтому вы его и простили?

– Да, – сказала она, а потом на ее лице промелькнула тень беспокойства. – Только не заявляйте в полицию, чтобы его арестовали, – умоляющим голосом сказала она. – Он сейчас совсем плох.

Все произошло так быстро, что я не знала, что мне делать. Но я была твердо уверена, что, несмотря на все обстоятельства, Пенни заслуживала справедливости.

– Полиция, по крайней мере, захочет взять у вас показания. – Я накрыла ее руки своими ладонями. – Наоми, Пенни тогда ждала ребенка.

– О боже, – воскликнула она. – Я этого не знала.

– Что же нам теперь делать? – спросил Джим.

Мы были так увлечены разговором, что не заметили, что в дверях

кухни стоит Джин, пока он не кашлянул.

– Джин, дорогой, – сказала Наоми, – что ты здесь делаешь?

– Полагаю, теперь мне надо сдать полицию, – сказал он.

Наоми вскочила.

– Дорогой, тебе плохо. Иди в постель. Тебе надо...

– Нет, – твердо сказал Джин. – Это будет правильно. Я знаю, что говорю. Мне надо признаться, пока не стало поздно. Я слишком долго жил с этой ношей, дорогая.

– Вот это я и старался предотвратить, – объяснил мне Джим. Он задумчиво уставился в пол, словно пытаясь разобраться, что же делать дальше. – Я не хотел вас пугать, но вы задавали слишком много вопросов по поводу Пенни. Я даже подумал, что в вашем доме находится что-то, что может послужить уликой. Взгляните на него. Он не в том состоянии, чтобы отправиться в тюрьму.

– Значит, это вы, – сказала я. – Вы пытались забраться в мой дом.

– Да, – признался он. – Я с самого начала догадывался о существовании этой постыдной тайны в прошлом моей семьи. Иногда мне казалось, что это всего лишь сон, навязчивый кошмар, но в глубине души я понимал, что я видел на самом деле в детстве. Ужасная сцена, когда мой отец сжимал ее шею руками, навсегда врезалась в мою память.

Наоми покачала головой.

– О нет, Джин, я не позволю тебе сделать это. Ты сам не понимаешь, что несешь. Отправляйся в постель.

Она перевела взгляд на Джима.

– Джимми, перестань нести чепуху. Отведи отца обратно в спальню.

– Ну нет, – возразил Джин, поднимая руку. – Эта семья слишком долго страдала из-за того, что я совершил. Подумать только, я позволил всем жителям Лодочной улицы думать, что во всем виноват Джимми. Потому что только таким образом можно было добиться их молчания.

– Отец, – произнес Джим, лицо которого стало серым, как пепел. – Неужели ты сказал им, что это я...

– Прости меня, сынок, – ответил Джин.

Наоми разрыдалась. Она вскочила на ноги, стремительно подошла к мужу и обняла его за плечи.

– Пожалуйста, – умоляла она. – Не надо этого делать. Не ходи в полицию.

Он обхватил ее лицо ладонями.

– Я знал, что ты никогда не будешь любить меня так, как Декстера Уэнтурта, – произнес он дрожащим голосом. – И думал, что если она

умрет, чувство вины не позволит ему продолжать эту связь.

Наоми в отчаянии покачала головой.

– Нет, Джин, не надо. Я ничего не хочу об этом слышать.

– И я оказался прав, – продолжал он. – Но был один просчет. Я не думал, что лишь половина твоего сердца останется здесь. Другая половина будет вечно тосковать по нему. Мой безупречный план не сработал.

Джин нежно коснулся ее подбородка, но она отвернулась.

– Все эти годы, – произнесла она, глядя ему в глаза, – я думала, что ты сделал это ради *меня*. Я считала, что ты решил убрать ее, чтобы она не стояла на пути к моему счастью. – Она покачала головой. – Но ты сделал это исключительно ради *самого себя*.

Джин стойчески переносил непростую жизнь с любимой женщиной, но я видела, что слова Наоми задели его слишком глубоко. Изощренный эгоизм Наоми не знал пределов. Джин направился в прихожую.

– Пойду оденусь. Сынок, ты не подвезешь меня в полицейский участок?

Джим поднялся на ноги.

– Отец, – произнес он. – Прямо сейчас? Я...

Я сжала руку Джима.

– Не мешай ему, – сказала я едва слышно. – Ему это действительно необходимо.

– Но его состояние...

– Полицейские примут это во внимание, я уверена, – сказала я.

Джим кивнул. Я наблюдала, как он прошел вслед за отцом. Я понимала, насколько это мучительно для него, для всей семьи. В комнате повисло молчание, пронизанное глубокой печалью, в которой все же витала надежда на освобождение. Я видела это по лицу Наоми да и Джина тоже.

– Все будет хорошо, пап, – медленно произнес Джим.

– Вы поступаете правильно, Джин, – сказала я, вставая.

– О, Пенни, – воскликнул он, – сможешь ли ты когда-нибудь простить меня?

– Ее зовут Ада, папа, – вмешался Джим.

Джин сначала казался ошеломленным, потом понимающе кивнул.

– Да-да, конечно...

Я сунула руку в карман. Там лежал больничный браслет Пенни, а также смятый листок бумаги, который я обнаружила в сундуке.

– Вот, – сказала я, протягивая их Джиму, – я кое-что нашла в своем доме. Мне кажется, это принадлежит вам.

Джим развернул скомканную бумагу и принялся изучать комикс,

который нарисовал в детстве, – примитивные фигурки, неровные линии. Наверное, когда-то его выбросили в корзину, но теперь я видела, как через много-много лет глаза Джима наполняются слезами при виде этой драгоценной реликвии из его детства. Видимо, Пенни была равнодушна к неприкаянному веснушчатому мальчишке, брошенному родителями, погрязшими в своих личных трагедиях.

Глава 33

После того как Джим отправился сопровождать отца в полицейский участок, я пулей вылетела на улицу и понеслась к дому Алекса. Мне не терпелось рассказать ему о признании Джина и обо всем, что я узнала.

Совсем запыхавшись, я остановилась перед его дверью, взялась за ручку и тут вдруг заметила пару женских туфелек-балеток лимонно-зеленого цвета и прелестные детские сапожки-угги. Я заглянула в окно, из которого было видно кухню и гостиную, и сердце мое сжалось.

Келли босиком стояла у плиты, помешивая что-то в большой кастрюле. Алекс и Грэйси склонились над книгой у барной стойки. Все улыбались. Идиллическая картина счастливой семейной жизни.

Я отошла от окна. Как я могла подумать, что могу вторгнуться в их мир? Я отошла подальше. Мне нет здесь места. Отчаявшись, я побежала по причалу к берегу.

* * *

– Джоани, это я, – произнесла я в трубку. – Я возвращаюсь домой.

– Но как? Дорогая! – воскликнула она. – Что случилось?

Я вытерла глаза. Нечего надеяться на то, что она не заметит, как дрожит мой голос.

– Ничего особенного. Просто я встретила мужчину своей мечты. Влюбилась в него без оглядки. А он оказался семейным человеком, и теперь я не хочу разрушать его счастье.

– Понятно, – сказала Джоани. – А тебе не кажется, что ты слишком драматизируешь ситуацию? Ты вроде говорила, что он разведен и не испытывает чувств к своей бывшей?

– Это не имеет значения, – шмыгнув носом, ответила я. – Просто я увидела их вместе. Всех троих. Ты бы видела, с каким обожанием малышка смотрит на родителей.

Я смахнула со щеки слезу.

– Я просто не имею права разрушать эту семью, Джоани. Сейчас куплю билет на самолет и вечером прилечу.

Следующие несколько часов я собирала вещи, и, когда чемодан был уложен, я сгребла посуду со стойки в раковину и перемыла ее. Вытерла

стакан, из которого Алекс пил воду прошлым вечером, и с нежностью поставила его на полку. *Все это к лучшему*, убеждала я себя.

Я убрала постель в спальне наверху и оценивающе оглядела гостиную. Мне будет не хватать этого дома. Уток. Озера. Цветка под названием «утреннее сияние», раскрывающего лепестки при восходе солнца. Я вышла на палубу, наклонилась, чтобы сорвать белый цветок, и сунула его в карман. Пусть будет у меня на память о Лодочной улице, где навсегда останется мое сердце.

Когда я выпрямилась, из дома Алекса как раз вышла Келли. На ней было эффектное модное пальто, на плече висела сумка. Она немного отошла, потом помахала мне рукой.

– Привет, – крикнула она.

Я просто опешила от неожиданности. Мы знали о существовании друг друга, но никогда не разговаривали. Что я могла ей сказать?

– Привет! – ответила я.

– Могу я к вам заскочить? – неожиданно спросила Келли.

Я сдержанно кивнула, не зная, что от нее можно ожидать. Неужели она хочет попросить меня подальше держаться от ее дочери? От Алекса? Что я ей отвечу? Я заранее собрала силы, чтобы выглядеть достойно.

– Подождите минутку, – сказала она. – Я сейчас приду.

Через пару минут она уже стояла у моей палубы.

– Как они вам нравятся? – спросила она, указывая на туфли ядовитого цвета. – Не смогла удержаться и купила в интернет-магазине «Нордстром». Но этот лимонно-зеленый цвет несколько смущает...

Я сдержанно улыбнулась.

– Они очень милые.

Как ни странно, но я сразу же прониклась к ней симпатией.

– Может быть, войдете?

– Не откажусь, спасибо. Я очень надеялась, что нам удастся поговорить.

Войдя в дом, она уселась на стул в гостиной, а я расположилась на диване. Сердце мое бешено колотилось. Я чувствовала себя, словно нашкодившая школьница в кабинете у директора. Я уже ожидала, что ее милая улыбка вот-вот сменится суровым видом и она отчитает меня, попросив не общаться больше с Грэйси. А вдруг она признается, что до сих пор любит Алекса, и будет умолять меня отказаться от него, взывая к женскому состраданию?

Мы обе заговорили одновременно.

– Извините, – сказала я.

Келли улыбнулась.

– Довольно неловкая ситуация, правда?

– Согласна, – быстро ответила я. – Послушайте, я не хочу, чтобы вы расстраивались. На самом деле я сегодня вечером уезжаю.

Келли изменилась в лице. Было заметно, что она озадачена.

– Уезжаете? Но зачем?

– Не хочу вам мешать, – ответила я. – Для Грэйси будет лучше, если вы двое будете иметь возможность наладить отношения.

– Наладить отношения? – Она рассмеялась. – С Алексом?

Я недоуменно уставилась на нее.

– Но я думала...

– Ада, я помолвлена, – заявила она, показывая кольцо с огромным бриллиантом на левой руке. – И мы давно уже живем вместе.

– Неужели? – я не могла скрыть замешательства.

– Послушайте, мы с Алексом любили друг друга в прошлом, и наши отношения не всегда были простыми. Нам не следовало вступать в брак – мы абсолютно разные люди, но тем не менее это произошло, и самым лучшим результатом нашей совместной жизни стала Грэйси. Наша жизнь какое-то время была сущим адом, но теперь отношения наладились. Грэйси это на пользу. Кстати говоря, она от вас без ума.

– Правда? – повторила я, чувствуя себя полной идиоткой. Вот уж никак не ожидала, что разговор примет такой оборот, и, надо сказать, это стало лучшим сюрпризом в моей жизни.

– Конечно, – сказала она. – Вы мне тоже очень нравитесь. Алекс рассказал мне о вас, о том, что вам пришлось пережить. И я хочу, чтобы вы знали, что мы рады принять вас в нашу безумную странную семейку. Вы сделаете Алекса счастливым, и он станет еще более замечательным отцом, чем сейчас. Так что от этого всем будет хорошо.

Я облегченно улыбнулась.

– Что-то я совсем запуталась...

Келли довольно посмотрела на меня.

– Вот и замечательно. Сейчас важно, чтобы вы остались здесь и позволили вашим отношениям развиваться. Сможете это сделать?

Я кивнула.

– Между прочим, – продолжала она, – те рулеты, которые вы испекли для Грэйси, действительно удались. Не поделитесь рецептом?

– Сейчас его нет под рукой, – сказала я. – Но я постараюсь его найти.

– Буду весьма признательна, – ответила она. – Дело в том, что я сейчас работаю над книгой о выпечке и мне бы хотелось включить его туда.

– Должна признаться, – сказала я, думая о Пенни, – что это вовсе не мой рецепт. Его придумала женщина, которая жила в этом плавучем домике много лет назад.

– О-о-о, так у рецепта есть история? – воодушевилась Келли. – Так это еще интереснее. Такие истории всегда привлекают внимание читателей.

Она бросила взгляд на часы.

– Мне пора идти, – сказала она, вставая. – Мой издатель будет в тайском ресторане «Уайлд Джинжер» через полчаса.

Она нагнулась и потеряла задник правой туфельки.

– Так мне и надо. Мне предстоит пройти пешком три квартала в центр города, а я вырядилась в новые туфли. У вас, случайно, не завалялся бэнд-эйд?

– Вы имеете в виду пластырь?

– Ну да.

Я сбегала в ванную комнату и вручила ей упаковку пластыря.

– Спасибо, – поблагодарила она.

– Вы такая смелая... Решились прийти ко мне, – сказала я, ничуть не лукавя. – Я бы никогда на это не осмелилась.

Келли понимающе посмотрела на меня.

– Я вас прекрасно понимаю. Вы ведь помните свою маленькую девочку, – сказала она, поднимая глаза к небу. И совсем тихо добавила: – Алекс мне все рассказал...

Я задумчиво посмотрела на нее.

– Мы же на все готовы ради счастья детей, и кому, как не вам, это знать.

Я заморгала, чтобы слезы, подступившие к глазам, не хлынули по щекам.

– Даже не знаю, что и сказать.

– А ничего и не надо говорить, – Келли тепло посмотрела на меня. – Идите и боритесь за своего мужчину.

Глава 34

Джим вернулся из полицейского участка в три часа ночи, один.

Я сидела на краю причала, пытаюсь прийти в себя после разговора с Келли, и обернулась, когда услышала за спиной скрип досок под его ногами. Лодочная улица неуловимо начала меняться, я чувствовала это.

Он снял шляпу и прижал ее к груди.

– Привет, – нерешительно произнес он.

Я встала, не в силах сдержать слез.

– Где Джин, неужели они?..

– Его задержали для допроса.

– Джим, мне очень-очень жаль... Пожалуйста, поверьте, я не хотела...

Он поднял руку, делая знак, чтобы я замолчала.

– Нет-нет, – сказал он, глядя на озеро затуманенными покрасневшими глазами. – Это должно было случиться. Видели бы вы его в участке.

Он повернулся ко мне.

– Такое впечатление, что он сбросил со своих плеч невыносимое бремя.

Я представила, каково это – освободиться от тайной вины, которая, словно свинцовый жилет, ежечасно тянула его ко дну, и, странно, но почувствовала облегчение. Можно было не тревожиться за его душу, даже если Джину суждено провести недолгий остаток жизни за решеткой.

– Они собираются возбудить против него дело? – спросила я. Пенни, конечно, заслуживала справедливости, но мне было очень жаль больного измученного старика.

– Полицейский обещал, что они будут присматривать за ним, – сказал Джим, потирая лоб. – Они будут хорошо с ним обращаться.

Несколько минут мы оба молчали, и я пыталась представить, что Джим думает об этом странном месте, которое столько лет он считал своим домом.

– Что же будет дальше? – спросила я. – С Лодочной улицей... с вами?

Он отшвырнул ногой камешек, и тот с плеском упал в озеро. Я думала о том, что Пенни все еще живет здесь. В смутных воспоминаниях Джима, его вечной тоске...

– Думаю, отправлюсь в путешествие, – сказал он. – На «Каталине». В память о Пенни.

– Ей бы это понравилось, – сказала я с улыбкой. – И куда вы

направитесь?

Джим глубоко вздохнул.

– Сначала на остров Каталина, а потом – куда глаза глядят. Туда, куда понесет меня ветер.

– Как красиво это звучит...

– По правде говоря, – продолжал он, – мне следовало бы совершить это путешествие еще много лет назад. Я просто беспокоился из-за матери с отцом и боялся, что...

– Поезжайте, – сказала я. – Я дам полицейским свой номер телефона на тот случай, если Джину что-нибудь понадобится. И, обещаю, мы с Алексом присмотрим за Наоми.

Мы с Алексом. Мне нравилось, как это звучит.

Джим поблагодарил меня и направился вверх по причалу по направлению к своему дому. Когда он скрылся из виду, я некоторое время стояла, глядя на доски под ногами, и вспоминала, что испытывала, когда впервые приехала сюда, как упала на колени и плакала, пока не осталось ни единой слезинки. Я думала о своей жизни, о жизни Пенни и об этом причале, который мы обе называли домом. Я наконец обрела свой дом.

Я подняла голову и увидела, что ко мне приближается Алекс. Рядом с ним вприпрыжку бежала Грэйси. На ней были розовые легинсы, серый свитерок и те самые прелестные лиловые угги, которые, несомненно, понравились бы Элле. Весь этот ансамбль дополнялся спасательным жилетом флуоресцентного желтого цвета, который надел на нее заботливый отец.

– Вот и отлично, – сказал Алекс, сжимая в руке ключи от машины. – Мы надеялись, что застанем тебя дома.

Я не могла налюбоваться очаровательным ребенком. Непослушные светлые кудряшки выбились из конского хвоста, а улыбка была такой же жизнерадостной и широкой, как и у Эллы.

– Здравствуй, милая, – сказала я, опускаясь на корточки рядом с ней.

– Ада, – сказала Грэйси, – а ты знаешь, что ты очень нравишься папе?

Алекс дернул ее за капюшон.

– Ну-ка, прекрати смущать своего старого папочку.

Грэйси рассмеялась и побежала вперед.

– А у меня был разговор с Келли, – сообщила я.

Он прищурился.

– Правда?

– Она дала мне свое благословение, – продолжала я. – Может показаться смешным, но мне это действительно было нужно. Мне надо

было знать, что я не вторгаюсь в чужую жизнь. Когда речь идет о детях, это очень важно.

Он кивнул и обнял меня за талию.

– Ну, ты меня просто успокоила. А я-то думал, что она хочет сообщить тебе о моей нелюбви к домашним обязанностям, что, уверяю тебя, не совсем соответствует действительности.

Я улыбалась, глядя на Грэйси, и Алекс взял меня за руку.

– Я знаю, что у тебя скоро истекает срок аренды, – осторожно произнес он. – Что я должен сделать, чтобы ты осталась?

Я на мгновение отвела глаза. Это было большое искушение. Мне очень хотелось остаться. Я же обещала Джиму, что присмотрю за его родителями. Но на душе все же было беспокойно. Эту непреходящую печаль, возможно, придется носить в своем сердце всю жизнь. Если бы я могла избавиться от нее так же легко, как это сделал Джин, просто излив душу...

Алекс поцеловал мою руку.

– Что тебе мешает, Ада? Ты думаешь о нем?

О, Джеймс, могу ли я отдать свое сердце, свою жизнь кому-то, кроме тебя?

Дом Наоми и Джина находился слева, по соседству с моим. Я посмотрела на растущие в горшках цветы у ее порога. Зеленые побеги вьюнка – «утреннего сияния» – обвивали один из терракотовых горшков. Они были усеяны белыми цветами, которые я так любила здесь, на причале. Я подумала о Пенни. Что бы она сказала при виде хрупких цветов, что бы почувствовала?

Прежде чем я успела ответить, Грэйси замахала нам руками с конца причала.

– Смотрите, что я нашла!

Мы с Алексом рука об руку подошли к ней.

– Вот! – снова сказала Грэйси. Она вытащила из воды кусок дерева в выемкой посередине, что придавало ему определенное сходство с лодкой.

– Можно приделать паруса, и будет яхта! Настоящая яхта!

– Милая, если тебя так интересуют лодки, мы можем попросить Джима покатать нас завтра на настоящей яхте, – сказал Алекс.

Грэйси радостно улыбнулась.

– На настоящей яхте?

– Конечно, – сказал он, указывая на «Каталину». – Вот на той, видишь?

Грэйси уселась на причале, скрестила ноги и оперлась щекой о ладонь.

– А я хочу свою собственную яхту.

Я вспомнила о любимом кораблике Эллы – ее драгоценной Эгги,

которая лежала в дальней углу моего чемодана, и о ее двойнике – «Мэри-Джо», которую я до сих пор не вытащила из сумки.

– Погоди-ка, – сказала я, пытаюсь расстегнуть молнию.

Через мгновение я протянула ей маленький парусник, который подарил мне Декс.

– Хочешь поиграть с корабликом?

Глаза Грэйси округлились.

– Это мне?

– Конечно, – сказала я, вручая ей маленькую яхточку. Ее когда-то белые паруса слегка пожелтели от времени, как и у Эгги.

Я смотрела, как она опускает кораблик на поверхность воды, свешивается с причала и начинает двигать его туда-сюда.

– Ей это нравится, – шепчет мне Алекс.

Я кивнула, обнимая его за талию.

– Этот кораблик принадлежал Декстеру Уэнтуорту.

Алекс недоуменно взглянул на меня.

– Попозже тебе все объясню.

– Папа, – сказала Грэйси, – а что значит эта надпись на кораблике?

Алекс повернулся ко мне.

– А почему ты не спросишь Аду?

Я взяла маленькую яхту в руки и, наверное, в тысячный раз в жизни прочитала слова: «Судоходная компания Лейтон».

– У моей дочки был точно такой же кораблик.

Я улыбнулась.

– Лейтон. Красиво звучит, правда?

– Лейтон, – повторила Грэйси и засмеялась. Потом замолчала и задумчиво посмотрела на меня.

– У тебя есть дочка? А как ее зовут? Почему она не живет с тобой?

Алекс положил руку мне на плечо. Я знала, что он беспокоится обо мне, но сейчас я уже стала гораздо сильнее, чем раньше.

– Да, – сказала я. – Ее зовут Элла. Она не живет со мной, потому что она на Небесах вместе со своим папой.

Грэйси подняла глаза к небу, словно стараясь разглядеть там лицо Эллы, потом повернулась ко мне.

– Ты очень по ним грустишь?

– Да, – честно призналась я. – И всегда буду грустить. – Я бросила взгляд на Алекса. – Но я узнала, что в жизни столько замечательных вещей, которые дарят счастье. И потом, мы с ней когда-нибудь снова увидимся.

Я указала рукой на небо, куда в этот момент был устремлен взгляд

Грэйси.

Алекс поцеловал меня в лоб.

– Я обещал Грэйси, что мы пойдем есть мороженое, – сказал он. – Не хочешь к нам присоединиться?

Меня захлестнула волна эмоций. Мне вдруг стало страшно. Захотелось забиться в тихий уголок, где бы я могла остаться в полном одиночестве, как это было до приезда в Сиэтл. Мне нужен был защитный кокон. Я вспомнила тот трагический день, когда я пообещала Элле пойти вместе поесть мороженое. В ушах до сих пор стоял ее голос: «Шоколадное, с сиропом».

Я оглянулась назад и вдруг у начала причала, у самых ступенек, увидела свою дочурку. Она стояла рядом с Джеймсом. Фигуры были призрачными, словно голограммы. Но я видела их отчетливо, и они улыбались мне. Они счастливы. Джеймс кивнул мне. Он словно говорил: «Иди вперед, дорогая». Элла помахала мне рукой. Мои глаза наполнились слезами. Силуэты исчезли так же внезапно, как и появились.

Алекс с опаской посмотрел на меня.

– Если тебе не нравится идея с мороженым, мы можем...

– Нет, – поспешно сказала я, смахивая слезу. – Я пойду с вами. Не хочу быть человеком, который отказывается от мороженого. Больше не хочу.

Алекс сжал мою руку.

– Смотрите, – воскликнула Грэйси. – Там утки!

Мы смотрели, как по волнам озера скользит Генриетта бок о бок с Хейнсом.

Мы пошли по причалу к лестнице. Был понедельник, в новостях обещали дождь, но нам не было до этого никакого дела. И под каждым нашим шагом по Лодочной улице старый деревянный причал издавал тихий скрип, словно приветствуя нас.

Наконец-то я нашла свой путь и свой причал.

Эпилог

Пенни Уэнтуорт

Вот он, мой сынок. Совсем взрослый. Я сижу на своей яхте, скользящей по волнам озера Юнион, и наблюдаю, как он стоит на причале. Конечно, яхта не такая проворная и роскошная, как «Каталина». Моя лодка больше подвержена действию ветра, и в штормовую погоду в каюту просачивается холодный воздух. Но, несмотря на все ее недостатки, все эти годы она была моим домом, моим верным другом. Вместе мы совершили путешествие по всему свету, и, поверьте, я вовсе не преувеличиваю. Я любовалась рассветами в Новой Зеландии и закатами на побережье острова Капри. Я прожила прекрасную жизнь. Должна признаться, вовсе не ту жизнь, о которой мечтала, когда в юности стояла перед алтарем. Но это моя жизнь, и я сама сотворила ее.

Я заглушила мотор, и яхта теперь медленно дрейфовала, а я смотрела на Лодочную улицу. Я не впервые возвращаюсь сюда. Каждый год я совершаю сюда паломничество, просто чтобы увидеть свой дом. Чтобы не забывать его.

Нет, той ночью я не утонула. Джин держал мою голову под водой, и я уже почти перестала бороться, время словно остановилось. А может быть, так оно и было. Под причалом рос маленький вьюнок – «утреннее сияние». За все время, пока я жила на Лодочной улице, мне не приходилось видеть, как это растение цветет ночью. Эти цветы всегда открывают лепестки с приходом солнца и плотно закрывают их, как только на небе появляется луна. Эти хрупкие цветы не ночные создания, но в ту ночь почему-то все изменилось. Они словно звали меня.

Джин, должно быть, решил, что я утонула. И это действительно едва не произошло. Слава богу, было слишком темно, и он не заметил, как я забралась под причал. «Утреннее сияние» было рядом со мной, когда обитатели Лодочной улицы скорбели по поводу моей гибели и раскаивались в собственных прегрешениях.

Сложно сказать, как долго я там пробыла, цепляясь за толстые деревянные опоры причала. Я тряслась от холода, а потом в темноте добралась до следующего причала и по набережной доплелась до магазинчика Пита. Каким-то чудесным образом я проскочила там в туалет. Я просидела там, пока не обсохла.

На вокзале какой-то незнакомец сжалился надо мной и оплатил билет до Портленда. Там я довольно долго работала официанткой, чтобы накопить денег на путешествие в Калифорнию, на остров Каталина. К тому времени у меня, конечно, случился выкидыш. Я долго горевала по поводу потери этого ребенка. Но у меня будет еще один, просто я об этом еще не знала.

Спустя одиннадцать лет, когда я случайно встретила с Колином на пристани на Ки-Уэст, я подумала, что столкнулась с привидением. Он отпустил длинные волосы, его кожа была черной от загара. Несмотря на то что прошло так много времени, я не оставляла надежду найти его. Я искала Колина в каждом порту, хваталась за бинокль, чтобы разглядеть в море любую проплывающую мимо лодку. И не было предела моему изумлению, когда я увидела его, стоящего на берегу.

Мы провели вместе ночь – это была самая прекрасная ночь в моей жизни. Она подарила мне сына, Алекса. Но по трагическому стечению обстоятельств Колин так и не узнал, что у него родится сын. Он даже не узнал, что я забеременела. Мы планировали уплыть вместе с острова Ки-Уэст. Куда? Мы сами не знали. Важно было лишь то, что мы снова вместе.

В то утро Колин отвел лодку на соседний причал для того, чтобы заправиться (это была не «Каталина», которую он за несколько лет до этого подарил Джимми, думая, что я погибла). Я ждала его возвращения, но он так и не появился. Вне себя от ужаса я обратилась в береговую охрану. Они обнаружили Колина лежавшим на штурвале. Он умер от сердечного приступа, спеша ко мне.

Тот год был самым трудным в моей жизни. Беременная, одна в море. Я прекрасно понимала, что яхта – не то место, где можно вырастить ребенка. Однажды я встретила с милой семейной парой из Орегона и решила оставить ребенка у них. У них не было детей, а я знала, что они безумно их хотят. Пусть они воспитают моего сына.

Вы, наверное, подумаете, что я поступила очень эгоистично, но у меня не было иного выхода. Я могла по-настоящему жить только на море. К тому времени я чувствовала себя больше амфибией, чем человеком. Я улавливала малейшие движения морских течений и понимала парящих над морем птиц лучше, чем людей. Недаром мать всегда называла меня «дитя воды». Все, что я могла сделать для своего сына, – это обеспечить ему нормальную, спокойную жизнь. Так я и поступила.

Алексу было три месяца, когда я оставила его. Я знала, эти люди воспитают его как собственного сына. Он никогда обо мне не узнает, но я осознанно пошла на это, хотя сожалела об этом решении всю свою жизнь.

Я помнила, как передала его, розового и пухлощекого, со светлыми, как у отца, волосами, в руки Сэнди Милстед. Малыш протянул крохотную ручку к ее щеке и улыбнулся, как будто уже забыл меня.

Я уехала, но потом вернулась. Я возвращалась много раз. Алекс и не подозревал о моем существовании, но я знала о его жизни все. Оставаясь в тени, я тайно наблюдала, как он рос, ходил в детский сад. Я уплыла вслед за ними на Гавайи, когда погиб его приемный отец. Я умирала от страха, когда он уехал работать в Судан, следя за новостями в каждом порту, в который заходила. А потом, когда он переехал на Лодочную улицу, мое сердце наполнилось гордостью. Он и должен жить здесь, в доме своего отца. Разумеется, я тоже приложила к этому руку, анонимно сообщив его агенту по недвижимости, что некий плавучий домик выставлен на продажу. А остальное довершило провидение.

По озеру скользит каяк, и я киваю сидящей там парочке. Мне теперь не надо скрываться от людских глаз из опасения, что меня узнают. Моя красота поблекла. Я теперь совсем старуха. Пенни, которую они помнят, теперь совсем не та – морщины избороздили ее лицо, а седые космы совершенно не похожи на ее роскошные волосы.

Но Лодочная улица не утратила свою магию, и в этот день она великолепна, как никогда. И на ней снова царит любовь.

Я улыбаюсь, наблюдая, как моя внучка Грэйси играет с маленьким корабликом. Я узнаю в ней себя. Та же жизненная сила, те же искрящиеся глаза.

Я познакомилась с Адой, не совсем близко, конечно. Я не раз наблюдала за ней на причале по утрам. Она часто плакала. У нее, должно быть, нежная душа. И ей, как и мне, нравится вьюнок, который год за годом, сколько от него ни пытались избавиться, обвивает своим тонким стеблем кадки с цветами и ограду. Ада так нежно прикасается к цветам, словно понимает их тайный язык.

Вот она подошла к Алексу и положила голову ему на грудь. Эта женщина любит моего сына. А любовь – это все, что я для него хотела. И теперь он ее обрел.

Я давно простила Наоми и даже Джина. Жизнь слишком коротка, чтобы отравлять ее горечью воспоминаний. И я думаю о Декстере чаще, чем можно было бы предположить. Наши отношения были запутанными, но между нами была любовь, настоящая любовь. Может быть, навестить его, пока не поздно? Я бросила взгляд на очертания Сиэтла, проступавшие на горизонте. Он живет в одном из этих высоких домов...

Чайка села на нос яхты, прямо над буквами, которые я вывела на

борту. Я использовала синюю краску и обвела каждую букву золотом. Краска слегка поблекла после стольких лет морских скитаний, но буквы еще различимы. Прекрасное название для моей яхты – «Утреннее сияние». Я рукавом смахнула с него засохшую водоросль и улыбнулась. Нет, не такую жизнь я себе представляла в молодости, но это была прекрасная жизнь. Этот мир я создала сама. И, странствуя по морям из порта в порт, я всегда хранила в своем сердце частичку Лодочной улицы.

notes

Примечания

1

«Космическая игла» (англ. Space Needle) – самая узнаваемая достопримечательность на северо-западе тихоокеанского побережья США и символ города Сиэтла. *(Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания переводчика.)*

Хитклифф Эндрю (Хит) Леджер (1979–2008) – австралийский актер. После успешных ролей в кино и на телевидении Австралии в 1990-х годах Леджер в 1998 году переехал в США. *(Прим. ред.)*

Речь идет об американской мелодраме 1993 г. «Неспящие в Сиэтле». В главных ролях Том Хэнкс и Мэг Райан. Режиссер Нора Эфрон. *(Прим. ред.)*

«Старое доброе время» (Auld Lang Syne) – шотландская песня на стихи Роберта Бёрнса, написанная в 1788 г. Известна во многих странах, особенно англоязычных, и чаще всего поется при встрече Нового года, сразу после полуночи. (*Прим. ред.*)

«Автостопом по Галактике» (англ. «The Hitchhiker's Guide to the Galaxy») – серия сатирических научно-фантастических романов английского писателя Дугласа Адамса. *(Прим. ред.)*

Американский кулинар; премию Джеймса Берда называют «Оскаром» кулинарного мира. *(Прим. ред.)*

Слова из песни «Twenty six Miles Across the Sea» (англ.). (Прим. ред.)

Голливудский кинофильм 1957 г. с Кэри Грантом и Деборой Керр в главных ролях. Режиссер Лео Маккэри. (*Прим. ред.*)

«Rainy Days And Mondays» (англ.).

«Carpenters» (*англ.*) – американский вокально-инструментальный дуэт, состоявший из сестры Карен и брата Ричарда Карпентеров. (*Прим. ред.*)

11

«How deep is the ocean?» (англ.)

Героиня многочисленных игр для девочек. *(Прим. ред.)*

Лана Тёрнер (настоящее имя Джулия Джин Милфред Фрэнсес Тёрнер, 1921–1995) – одна из самых glamorous и чувственных звезд классического Голливуда. *(Прим. ред.)*

Американский сериал, запущенный в 1987 г. и выдержавший четырнадцать сезонов. *(Прим. ред.)*

«Sail Away» (англ.)

«Puff the Magic Dragon» (*англ.*) – детская песенка американской фолк-группы «Peter, Paul and Mary», образованной в Нью-Йорке в 1962 г. (*Прим. ред.*)

«The Way You Look Tonight» (*англ.*).

«Here's To Life» (*англ.*)

«Sleep Walk» (*англ.*)

«Безумцы» (англ. «Mad Men») – американский драматический телесериал 2007 года. *(Прим. ред.)*

Главный герой сериала. Его роль исполнял Джон Хэмм. *(Прим. ред.)*